
Approaches to Rusyn 2017

Edited by Elena Boudovskaia

Copyright©2021 Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University
URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/index-e.html>
E-Mail: src@slav.hokudai.ac.jp

First published in 2021
Publisher: Akihiro Iwashita

Approaches to Rusyn 2017

Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2021
p.; 21cm.

ISBN 978-4-938637-98-9

Printed in Japan

TABLE OF CONTENTS

Wayles Browne Introduction.....	i–iv
Anna Plišková..... The Mother Tongue of Rusyns in the Slovak Republic after 1989: Status, Problems, and Perspectives	1
Olena Duć-Fajfer..... Lemko Language, <i>Quo Vadis?</i> Current Issues in the Linguistics Field of Lemko Identity: Loss and Revitalisation	41
Kvetoslava Koporová..... Post-1989 Publishing Activities of Rusyns in Their Mother Tongue (Periodicals and Non-Periodicals)	57
Ewa Michna..... The Emancipation of the Lemko Language in the Context of Language Ideologies of Lemko Ethnic Activists	75
Elena Boudovskaia..... The Rusyn Language in Ukraine and Slovakia: Identity and Language Preservation	107
Хенрик Фонтаньский..... Креативность и культурная адаптация в переводе сказки <i>Winnie-the-Pooh</i> Алана А. Милна на лемковский язык	123
Михал Вашичек..... Некоторые изменения в склонении имён существительных в южнолемковском говоре села Хмелёва	149
Михаил Капраль/Елена Будовская..... Грамматические особенности говора села Великие Лазы Ужгородского района Закарпатской области: значения предлога 'на'	173
List of Contributors	

Introduction

Wayles Browne

To introduce this collection of articles on Rusyn linguistic and language issues, let us briefly set the stage.

The inverted-C-shaped range of the Carpathian Mountains may seem to be an out-of-the-way part of Europe. Yet these mountains have much to offer, not least for linguists worldwide. The northern curve of the C, primarily in Ukraine, Poland, and Slovakia, is home to (Carpatho-) Rusyn, classified as the westernmost parts of the East Slavic dialect continuum. Speakers of Rusyn have never inhabited a unified country of Rusynia; rather, borders and countries have come and retreated, as seen in oral legends about people who successively held Austro-Hungarian, Czechoslovak, Hungarian, Soviet, and Ukrainian passports, all without ever moving from their home towns of Mukačevo or Užhorod.

Nineteenth-century movements to shape Slavic populations into recognized ethnic groups—into nations in the European sense—succeeded in the cases of Czechs, Slovaks, Bulgarians and others, and newly standardized or re-standardized Slavic languages came into being as a result. Rusyn movements to seek a recognized status were not successful in the nineteenth century nor even in most of the twentieth, both because of external conditions (claims by more powerful countries) and because of their own differences of opinion about whether to form a group of their own, or to join their Ukrainian neighbors (and adopt the newly-forming Ukrainian standard language), or even to claim Russian identity and use the more distant but better standardized Russian language.

After World War II the new Communist Party authorities all made the choice for them: Rusyns in newly Soviet western Ukraine, in Poland, and in Czechoslovakia were assigned Ukrainian identity. But the consequences differed. In Ukraine this meant mainstreaming: being Ukrainian and learning Ukrainian (and Russian) like everyone else. In Slovakia it meant financial support from the Czechoslovak government for minority schools and institutions—but only for Ukrainian-speaking ones. In southeastern Poland the East Slavs, mostly known as Lemkos rather than the more general term Rusyns, were uprooted: partly deported to Ukraine and partly scattered among Poles repopulating the new western territories taken from Germany: a diaspora within their own country. Some of the latter did return home but only several decades later.

In 1989 the Communist governments of Poland and Czechoslovakia fell, and in 1991 Ukraine became independent of the crumbling Soviet Union. These changes put Rusyns in a much better position to found associations and work on standardizing their language—if they wished. The results so far have been a rather well standardized Rusyn in Slovakia that has seen significant, though variable, government financial support for institutions, media, and publications; a fairly well standardized Lemko in Poland, used in publishing and some schools; and multiple standards proposed by individuals in Ukraine but with hardly any official help or recognition.

With the above background, Slavist and general-linguist readers should now be able to appreciate the papers in this volume. The book is well titled *Approaches to Rusyn 2017* in the plural, since the articles come at their topics from different sides.

Four articles are in the genre of progress reports. Anna Plišková and Olena Duć-Fajfer, two of the most prominent propagators and standardizers in Slovakia and Poland respectively, give general overviews of post-1989 and recent successes and difficulties, while their co-workers Kvetoslava Koporová and Ewa Michna treat the more specialized topics of Rusyn-language publishing in Slovakia and changing language attitudes among Lemko activists themselves. Poland is one of the leading countries in sociolinguistics and specifically in minority-language and minority-identity studies, so it is natural to find many references to Polish

works among the references in the two Lemko scholars' contributions, but they also make extensive use of concepts and results gained by sociolinguists, identity theorists, and writers on language revitalization from other countries and continents.

The same can be said for the chapter by Elena Boudovskaia, who is clearly familiar with North American and even Australian literature on endangered languages. Though the title is "The Rusyn Language in Ukraine and Slovakia: Identity and Language Preservation," it deals primarily with conditions in Ukraine, where she has traveled numerous times as a dialect field worker. As she brings out, both under the Soviet Union and in independent Ukraine, official policies and attitudes toward dialect speech and Rusyn identity claims have been denigratory, even colonialist, and, sadly, some of this feeling has been incorporated by the people themselves.

Standardizers can prescribe forms and choose words for a language, but only creative users can equip it with a range of styles and genres. The Russianist Henryk Fontański's chapter "Креативность и культурная адаптация в переводе сказки *Winnie-the-Pooh* Алана А. Милна на лемковский язык" ('Creativity and cultural adaptation in the Lemko translation of A. A. Milne's *Winnie-the-Pooh*') finds that Petro Krynyckij's version has successfully exploited the resources of modern Lemko to render the difficult genre of humorous books for young children. Some of the characters are referred to with Lemko-style neuter-gender diminutives, producing an additional comic effect when Piglet makes a first-person neuter verb form to express "I'll dig the pit..." The explanation, charming but incoherent in the original, of how a female name *Winnie* can be applied to a boy bear gains new clarity in the Lemko: 'I said *Vin-i Pu*. Don't you know what *vin* means?' *Vin* in fact is the male pronoun 'he' in Lemko.

Two chapters are devoted to dialect studies: Michal Vašíček's "Некоторые изменения в склонении имён существительных в южнолемковском говоре села Хмельёва" ('Some changes in noun declension in the Southern Lemko dialect of the village of Chmeľová'), and "Грамматические особенности говора села Великие Лазы Ужгородского района Закарпатской области: значения предлога 'на'" ('Grammatical peculiarities of the dialect of the village of Velikie Lazy in the Užhorod

raion of the Zakarpattja oblast’’) by M. Káprály and E. Boudovskaia. In comparison with the more classical genre of dialect descriptions, which typically sought to ask the oldest speakers for unmixed samples of the pure language in order to better trace its descent from ancestral forms, both of these are modern treatments, taking account of changes that are in progress and showing sensitivity to language-to-language contact effects. Káprály and Boudovskaia in particular cite works by contact linguists from Japan, Australia, and North America as well as Eastern and Western Europe.

Chmel’ová is almost on the border with Poland and is the last Rusyn-speaking village before the Slovak linguistic area begins. Vašíček shows in detail how the rules for adding endings to nouns have partly become simplified, partly undergone the influence of both local Slovak dialects and the standard Slovak language. Since he has informants belonging to three successive generations, he can trace the variations and ongoing processes.

Velikie Lazy is also on a language border: it adjoins a Hungarian-speaking village to the south. But it is also close enough to Užhorod to be influenced by the speech of the city. Looking particularly at phrase patterns containing the preposition *na*, which in Slavic generally means ‘on’ with the locative case and ‘onto’ with the accusative case, the authors find some unusual usages: *na* + acc. meaning ‘through’ (e.g. a window), which may be due to convergence with Hungarian, ‘to paint something *na* some color’, which is reminiscent of both Hungarian and Slovak, ‘a dress *na* some pattern’, which may be Slovak in origin (though it is found in other Slavic languages as well, e.g. Bosnian-Croatian-Serbian).

Rusyn is an endangered language in the twenty-first century, despite A. Dukhnovič’s proud anthem written in the nineteenth century *Ja Rusyn byl, jsem’ i budu* ‘A Rusyn I was, I am and will be’. Yet one of the factors aiding respect for and preservation of any language is the existence of a philology: research and publication on it by native and outside scholars. May this book be both a gift to the world of linguistics and language studies and a contribution to the survival of the language.

The Mother Tongue of Rusyns in the Slovak Republic after 1989: Status, Problems, and Perspectives¹

Anna Plišková

1. Introduction

This paper discusses the issues arising in the course of the development of the literary language of Carpathian Rusyns, specifically those living in Slovakia, after 1989, following the change of political regimes in the countries of Eastern Europe where Rusyns live as an autochthonous population. The paper consists of four sections: 1. Introduction, 2. On the issue of standard language and national identity of Rusyns, 3. Primary spheres of using Rusyn, 4. Conclusion. The introduction contains general information about Carpathian Rusyns as an autochthonous population in several countries of the Carpathian area in Eastern Europe, as well as statistical data on the Rusyn population. The statistics are based on the official data, unless the country for a certain reason does not include Rusyns in its official statistics. Section 2 presents theoretical principles for codifying the language of Carpathian Rusyns after 1989. Section 3 gives an account of the practical application of these principles in various functional spheres. This section is the main part of the study, examining not only the need for a standardized Rusyn language in society, but also certain practical problems arising during

---

1 This work was supported by the Slovak Research and Development Agency under the contract No. APVV-0689-12.

the application of the new literary language for a national minority whose numbers are not large. The conclusion contains the discussion of further possibilities for the literary Rusyn language under institutional and political circumstances provided by the context of the contemporary EU, as well as by the interest of the Rusyn national minority in the development and application of their mother tongue.

Carpathian Rusyns live in the very heart of Europe along the northern and southern slopes of the Carpathian Mountains. The ethnographic area, in which they, at least until the beginning of the 20th century, were the majority population, is called the Carpathian Rus'. It occupies approximately 18,000 km² and spreads over 375 kilometres from the Poprad River in the west to the Upper Tisza and its tributaries in the east. In the context of contemporary international borders, the homeland of Carpathian Rusyns lies in present-day Poland, Slovakia, Ukraine and Romania.

Picture 1: *Carpathian Rus'*, 2007

KARPATSKÁ RUS, 1919 – 1939

Source: (Magocsi 2007: 8)

The highest number – as many as three quarters of all Carpathian Rusyns in Europe – live in Ukraine (present-day Transcarpathian region, historical Subcarpathian Rus'). In Slovakia, Rusyns live mainly in the

northeast of the country in the so-called Prešov region, historically known as *Prjaševščina*, or the *Prešov Rus'*. On the northern slopes of the Carpathian Mountains, Rusyns traditionally lived in south-eastern Poland, in an area known as the Lemko region, or *Lemkivščina*, from where, after World War II, they were deported to Ukraine and the western regions of Poland. A section of them, mainly those who stayed in Poland, returned to the Carpathians; however, a majority are scattered in the south-western regions of the country (Silesia). There are a number of Rusyn villages to the south of the Tisza River – in the Maramureş Region (north-central Romania) and north-eastern Hungary. Apart from their Carpathian homeland, Rusyns also live as immigrants in the neighbouring countries: since the middle of the 18th century in Vojvodina (historically Bachka, present-day Serbia) and Srem (present-day Croatia). In the Czech Republic they mainly live in the capital, Prague, and in northern Moravia, where they moved for work, especially after World War II. The largest community outside the Carpathian homeland is to be found in the USA, where approximately 225,000 Rusyns emigrated between 1880 and 1914 (Magocsi 2007: 7–11). They mainly moved to industrial areas of the north-eastern and north-central states where, until the present day, a majority of their offspring live too. A smaller number of Rusyns also emigrated to Canada and Argentina in the 1920s, and to Australia in the 1970s and 1980s (Magocsi 2007: 7–11).

Carpathian Rusyns are one of many indigenous stateless European nations or nationalities and they do not have a dedicated administrative area in any of the countries they live in. At present, they live as a legally acknowledged national minority in all European countries, except for Ukraine.² Similarly to the histories of other small stateless nations, Carpathian Rusyns, also for objective reasons, did not officially identify themselves as Rusyns, or they were not considered Rusyns by the administrations of the countries where they lived. As a result, their actual

---

2 On March 7, 2007 the Transcarpathian Regional Council of Ukraine voted for the acknowledgment of Rusyns as an ethnic minority. However, this local decision does not apply in the remaining territory of Ukraine, and from the point of view of the entire Ukraine, Rusyns in Ukraine are currently considered to be only a “sub-ethnic group” of Ukrainian nationality.

number in individual countries is impossible to determine. Unofficial estimates, however, state there are approximately a million people of Rusyn origin living in Europe, and around 620,000 in America (Magocsi 2007: 11).

Table 1 Approximate numbers of Carpathian Rusyns in 2012

Country	Official statistics (in thousands)	Expert estimate (in thousands)
UKRAINE out of which: •Transcarpathian region •Relocated Lemkos	10,100	853,000 773,000 80,000
SLOVAKIA	55,500	130,000
POLAND	10,500	60,000
ROMANIA	250	20,000
SERBIA	14,200	25,000
CZECH REPUBLIC	1,100	12,000
HUNGARY	3,900	3,000
CROATIA	2,300	5,000
USA	12,900	620,000
CANADA	–	20,000
AUSTRALIA	–	2,500
TOTAL	100,650	1,762,500

Source: (Magocsi 2016: 22)

Rusyns are part of the Slavic branch of the Indo-European language family. Their dialects belong to the East Slavic branch, with the exception of Bachka-Srem Rusyn which is a West Slavic language. With regard to their settling in border areas, the lexicon of Rusyns contains a great number of loanwords from the contact languages: Polish, Slovak, Hungarian, and Romanian, as well as German. The Rusyn lexicon also includes archaic vernacular vocabulary and Church-Slavonic inferences in liturgical terminology. Unlike their Western-Slavic (Polish and Slovak), Hungarian and Romanian neighbours, Rusyns use Cyrillic as their writing system.

2. On the Issue of Standard Language and National Identity of Rusyns

Among the most significant matters which have had a major impact on the development of Rusyns as a nation is the issue of their national and language identity. The most notable revolutionary events in Europe in the 19th and 20th centuries affected the process of national emancipation of all Slavic nations, including Rusyns living in the historic Carpathian Rus'. In contrast to them, however, a majority of nations managed to solve most essential matters regarding their own national existence, including their standard language, in the very process of their national revival. Rusyns, nevertheless, in the first half of the 19th century did not even manage to solve any of the fundamental issues relating to their national existence, i.e., the question of their national identity, cultural affiliation, standard language, or nomenclature.

The new national-emancipatory process of Carpathian Rusyns after 1989 brought back to life the above unresolved issues, which the previous totalitarian regime claimed, in a propagandistic way, to have finally resolved. In truth, they were never actually definitively resolved; all that happened was that some radical political measures were taken in order to eliminate them.

Bringing back the idea of Rusyn standard language and culture in the 20th century in individual countries where Carpathian Rusyns live (Slovakia, Poland, Ukraine, Hungary, Romania and others), as well as the efforts of other Slavic nations to create their own standard language in recent decades (Macedonians, Kashubs, Bosnians, Montenegrins, etc.) provide testimony that "standard-language and cultural regionalism, the flourishing of which it was possible to observe as early as prior to World War II, reflects the objective need to have, apart from social ethical standard-language and cultural, also local tradition, that would connect man with his 'small homeland' and would, to a certain extent, satisfy his nostalgia of the unfulfilled longing for the language of his ancestors" (Tolstoj 1996: xiii).

The issue of standard language of Carpathian Rusyns, in history as

well as at present, has been topical for a great number of authors,³ who have, in their works, focused on the main tendencies in the linguistic development before and after 1945 – depending on the dominance of the respective language in the national and cultural life of Rusyns (Magocsi 2004: 449–460; Magocsi 2007: 453–467). For this entire historic period until the present day, one significant problem has dominated in the process of addressing the Rusyn language issue. Scientists rightly and aptly named it the problem of *dignity* or *prestige* of the mother tongue. Linguists agree that Carpathian Rusyns use various dialects belonging among Eastern-Slavic languages; they, however, disagree in their relationship towards other Slavic languages: are they part of the Ukrainian language, the all-Russian language area, to which Russian, Belorussian, and Ukrainian historically belonged, or do they form a group in their own right? The above psycholinguistic issue, which, since the oldest times, significantly slowed down resolving the issue of Rusyn language, is still present in the minds of its users and considerably influences the search for the most objective answer possible to the following key question: Do dialects of Carpathian Rusyns have a sufficient level of *dignity*, which could serve as a basis for establishing a new standard language, or do they lack this *dignity*, which then means they will have to adopt a language means from an existing norm – Russian, Ukrainian, or other? (Magocsi 1996: 19).

The 1990s policy of open borders between the post-communist countries where Rusyns live became their new hope as member countries of the Conference on Security and Co-operation in Europe (CSCE) ratified a number of agreements regarding the rights of national minorities. Especially important for Rusyns were decisions passed at the meeting in Copenhagen in June 1990, according to which the affiliation “to a national minority is a matter of a person’s individual choice and no disadvantage may arise from the exercise of such choice.” Moreover, “persons belonging to national minorities can exercise and enjoy their

---

3 See, e.g., Верхратський (1899, 1901), Стрипській (1907, 1924), Волошин (1921), Гусьнай (1921), Раŋkevič (1923), Sabov (1923), Францев (1931), Gerovskij (1934), Hartl (1938), Tichý (1938), Бонкало (1941), Штець (1969), Konečný (2000), Magocsi (1987, 1996, 2004), Удвари (2000), Vaňko (2000), Magocsi and Pop (2005), etc.

rights individually as well as in community with other members of their group.”⁴ The Copenhagen document also acknowledged the role of nongovernmental organizations in supporting the interests of national minorities and invited the member states to guarantee that in educational establishments, they will also “take account of the history and culture of national minorities.”⁵ At the following CSCE meeting in Geneva (July 1991), the member states adopted measures embedded in a special report which guaranteed national minorities the right to membership of nongovernmental organizations abroad. The report also confirmed the principle that individuals or organizations representing national minorities must be allowed “unimpeded contacts [...] across frontiers with citizens [...] with whom they share a common ethnic or national origin.”⁶

After 1989, new cultural organizations were established in all countries where Rusyns lived. Their main mission was identical and followed from four basic principles:

1. Rusyns are a nationality or a nation which (with the exception of Yugoslavia and forcibly relocated groups in Poland) have lived at least since the early Middle Ages as an indigenous population in the valleys of the Carpathians;

2. Rusyns belong neither to Ukrainian, Russian, nor Polish or Slovak nationality, but form a distinct Eastern-Slavic nationality;

3. Rusyns as a distinct nationality are convinced of the need for their own standard language based on the dialects they use;

4. Rusyns have the same rights as other national minorities in their respective countries, which means they also have the right to use their mother tongue in press, on the radio and television, in cultural institutions and especially schools (Jabur 2000: 191–192).

Some organizations started to issue newspapers and magazines

---

4 *Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE*. Copenhagen, 1990: 40–41, paragraphs 32 and 32.6..

5 *Ibid*: 41, paragraph 34.

6 *Report of the CSCE Meeting of Experts on National Minorities*. Geneva, 1991: 10.

in colloquial Rusyn.⁷ The Professional *Ukrainian National Theater* in Prešov, whose performances had been exclusively held in Ukrainian since the early 1950s, changed its name in late 1990 to *The Alexander Duchnovič Theater* and has been performing a great majority of its plays in Rusyn or, more specifically, in Rusyn dialects or some form of ‘interdialect’ ever since.

Apart from newspapers, magazines and a number of books issued in Slovakia, Poland, Ukraine, and even Hungary, several attempts have been recorded since 1992 to establish a standard Rusyn norm.⁸ A flaw of these efforts from the very beginning was an absence of a coordinated approach, which resulted in almost as many norms as there were authors, compilers, and editors. A seminar on the Rusyn language was held in the Bardejov Spa November 6–7, 1992 in order to coordinate these efforts. The participants were mainly active users of Rusyn dialects in their written form: writers and editors from Ukraine, Poland, Slovakia, Yugoslavia, and Hungary, academics from the above countries, as well as the USA, Sweden, Switzerland, and Monaco. Theoretical problems regarding the formation of standard languages of so-called small nations as well as practical ways of codification coordination were discussed at this event.

The seminar, which became known as the *First Congress of the Rusyn Language*, advised accepting a so-called Romansh model of the formation of standard Rusyn, i.e., based on the most widely spoken dialects in each region, or country, where Rusyns live. Based on this, Ukraine, Slovakia, and Poland were to form their own standard norms and, at the same time, it was assumed that the preparation of a united all-Rusyn standard norm would start. The following most significant points

---

7 In Ukraine they are *Otčij chram* (Užhorod, 1990–1991), *Podkarpats'ka Rus'* (Užhorod, 1992–current), published by the Union of Carpatho-Rusyns (*Obščestvo karpats'kých rusynov*); in Slovakia – *Rusyn* (Medzilaborce, Prešov, 1990–current), *Narodný novynký* (Prešov, 1991–current; see also note 28), published by the organization Rusyn Revival (*Rusyňska obroda*), and in Poland – the *Besida* magazine (Krynica, 1989–current) published by the Lemko Union (*Stovaryšyňa Lemkiv*).

8 In Ukraine, Kerča and Sočka-Boržavyn (1992), Petrovcij (1993); in Poland, Chomjak (1992a, 1992b), Horošćak (1993); in Slovakia, Paňko (1992).

were part of a resolution adopted at the seminar:

- Codification of the Rusyn language is to be based on the living speech of Rusyns;
- Based on the Rhaeto-Romansh⁹ model of building a standard language, each of the four regions (countries) is to form own standard, based on the dialect most widely spoken in the given area;¹⁰
- Cyrillic is to be the writing system of the Rusyn language.

The first Congress of the Rusyn Language also suggested an academic institution should be established, which actually happened two months later in Prešov. Since January 1993, the Institute of Rusyn Language and Culture at the Rusyn Revival in Slovakia has served as a centre coordinating the work of codifiers of the Rusyn language from Slovakia, Poland, and Ukraine. Within two years of hard work, experts took part as authors and worked on the linguistic aspects of the preparation of the basic minimum necessary for an act of codification, while issuing the following publications prior to the ceremonial act of proclaiming the Rusyn language in Slovakia as codified:

- prescriptive manuals (rules of Rusyn spelling, a dictionary of Rusyn orthography and terminology);¹¹

---

9 Romansh (also known as Romansch, Rumantsch) used by less than 0.6% of the population of Switzerland, i.e., by some 35,000 people in the south-eastern part of the country, consists of six literary micro-languages, on the basis of which in 1982, the common literary language rumantsch grischun was created, which since 1996 has become the fourth official language of Switzerland, alongside German, French, and Italian. The Rusyn literary language should therefore be constructed analogously on the basis of colloquial variants of those regions (states) where Rusyns live. On the basis of these variants a common standard language has to be established.

10 In Slovakia, the literary standard of the Rusyn language is based on the two most widespread dialects: the ones of Eastern and Western Zemplin, i.e., from the spoken language of the villages: Osadné, Hostovice, Parihuzovce, Čukalovce, Pcholiné, Pichne, Nechvalova Polianka, Nižná and Vyšná Jablonka, Svetlice, Zbojné and others where the purest forms of the Rusyn dialects spoken in Slovakia have been preserved.

11 Jabur and Paňko (1994), Paňko et al. (1994), Paňko (1994a).

- textbooks for primary schools (primer and first reader);¹²
- textbook of history of Rusyns in Slovakia;¹³
- collections of poetry and prose;¹⁴
- religious literature;¹⁵
- journalism,¹⁶ etc.

Based on the above, the ceremonial act of codification of the Rusyn language in Slovakia took place on January 27, 1995 in Bratislava and, consequently, the process of introducing the standard language into individual functional spheres commenced.

3. Primary Spheres of Using Rusyn

At present, as of 2017, standard Rusyn is practically utilized in the Slovak Republic¹⁷ in the following spheres:¹⁸

- family (partially),
- administration,
- theater,
- media,
- education,
- religion,
- literature.

3.1 Family Sphere (Sphere of Everyday Communication)

The Rusyn language – or, more specifically, its dialects – has always been the essential communication means among a large majority of

---

12 Hryb (1994a, 1994b).

13 Magocsi (1994).

14 Suchýj (1994), Maľcovska (1994).

15 Krajňak (1992a, 1992b).

16 Rusyn periodicals: bimonthly *Rusyn* and weekly *Narodný novynký*.

17 See Plišková (2009: 87–145, 2014b, 2015, 2016a).

18 About the functional spheres of the Rusyn language in various countries see Magocsi 2005: 317–390, part III: The Sociolinguistic aspect, for the Rusyn languages in each respective country, i.e., Kerča (2005), Pliškova (2005), Duć-Fajfer (2005), Benedek (2005), Fejsa (2005), Magočij (2005).

Rusyns, and this tradition has been significantly preserved until the present day. Unfortunately, assimilation caused by objective reasons (foremost among them, liquidation of multi-age national primary schools in towns and villages with a majority Rusyn-speaking population, and a consequent integration of young Rusyns in town schools with Slovak as the language of instruction, as well as an absence of legal opportunity to identify oneself as a Rusyn and use Rusyn as one's mother tongue in official communication spheres for over 30 years) could not be reflected in the present-day choice of language for communication, especially among the young generation of Rusyns. At present, even in traditionally Rusyn towns and villages, youth prefers to use Slovak for common communication. This fact cannot be considered unnatural, as they are growing up in a bilingual environment, where Slovak slowly displaces the language of their ancestors even from its dominant position in the family sphere. The situation is viewed differently by the middle and, especially older, generation of Rusyns, who were brought up back in the spirit of Russophile, Ukrainophile, or Carpatho-Russian traditions, who either (those who are aware) criticize youth for having strayed from their ancestors' traditions, or merely passively watch the situation, or even learn to speak Slovak and use it for communication with their grandchildren and great-grandchildren. At the same time, one needs to realize that the choice of language to use for everyday oral communication has an especial influence on, national and language identification of family members, i.e., parents and grandparents. After all, sociological research in Slovakia after 1989 showed that families in which the parents identified their nationality as Rusyn, also use Rusyn (or its dialects) as the most common communicative means (Gajdoš et al. 2001, Konečný et al. 2002).

It is obvious that Rusyn is primarily an intro-ethnic language of Rusyns, which means people speak *their language* (i.e., Rusyn) with *their people* (i.e., Rusyns) in everyday, festive, as well as official communication contexts. Rusyn is used in direct communication in:

- everyday contact within family,
- among friends and acquaintances,
- when meeting each other (in church, at a party, etc.),
- while working at home or in the field,

- during Rusyn national, religious, culture events,
- in public and at various institutions: in the street, at a shopping centre, on a bus, at the post office, in hospital, at the town hall, etc.

Apart from direct oral communication, Rusyn is also used within family in writing, such as:

- personal correspondence,
- congratulations and greetings,
- messages to family or friends, etc.

In such cases, however, its users prefer Latin to Cyrillic when writing in Rusyn. Cyrillic is more commonly used by the contemporary Rusyn intelligentsia, and especially those for whom standard Rusyn is their main interest, research subject or the main communication means, be it in its oral or written form.

Rusyn is currently most frequently spoken within the family environment in those towns and villages compactly inhabited by Rusyns. Standard Rusyn is, however, rarely used in communication; instead, a dialect or a form of an “inter-dialect” is spoken. In towns, on the other hand, even in the family environment, a direct intergenerational linguistic message as ancestral heritage is disappearing; in the young generation, the ability to speak Rusyn is lessened to passive understanding. Those persons who, in everyday communication, use the Rusyn language are almost exclusively Rusyns. There is, however, a small group of people who speak Rusyn while being of a different nationality. These are usually members of mixed families, direct neighbours of Rusyns, those who like and admire Rusyn culture, especially folk songs,¹⁹ and all those who

---

19 These are people who are active in the field of folk culture, such as singers, musicians, folk groups leaders, etc., in amateur ensembles based outside of the Rusyn ethnographic territory that also include Rusyn folklore in their programs (such groups are, e.g., Šarišan from Prešov, Chemlon from Humenné, Vihorlat and Šiňava from Snina, and others). Also, these are people working in professional Rusyn groups – in PULS (Sub-Duklya Artistic Folk Ensemble) and in the Alexander Duchnovič Theater in Prešov, i.e., in nationally mixed collectives whose priority is the presentation of Rusyn folklore and language in theater performances.

learnt Rusyn speech thanks to direct language contact with Rusyns. Based on the above, it could be stated that the intensity of communication in Rusyn, or its dialects, is currently decreasing in the following directions:

- a) from the house and the family sphere towards public spaces;
- b) from the oldest to the youngest generation;
- c) from homogenous to heterogeneous marriages (Gajdoš et al. 2001).

Some hope for the situation to improve (i.e., Rusyn being used on a broader scale in everyday communication) can be seen in building a network of schools with Rusyn as the language of instruction and the stabilization of its position in present-day functional spheres.

3.2 Administration

The use of Rusyn as a language of a national minority living in the Slovak Republic at present is primarily regulated by the Constitution of the Slovak Republic (1992), more specifically laws and legal regulations specifying the position of national minorities and ethnic groups, as well as international contracts and agreements. Among the most significant are:

- Framework Convention for the Protection of National Minorities (1998),
- European Charter for Regional of Minority Languages (2001) (Plišková 2015a: 202–231, Plišková 2016a: 101–129).

Following the above, the rights of national minorities in the Slovak Republic are regulated by a number of laws, among them the Law on the Use of Minority Languages (1999), which regulates the rights of national minorities regarding the use of their mother tongue in administrative communication. According to it, persons who belong to national minorities and, based on the last census of residents, form a minimum of 20 percent of the population, have the right to use, in such a town or village, their own mother tongue in administrative communication. Using their minority language, they also have the right to:

- submit written files to state and self-governing bodies and obtain written answers,
- signs on public institutions,
- official forms,

- having meetings of the regional municipality held as well as speaking at these in their own mother tongue,
- keeping a chronicle,
- labelling streets and other local geographical names.

Based on own knowledge and findings (Plišková 2006), as well as the results of sociological research (Gajdoš et al. 2001), it could be stated that this sphere of using Rusyn is one where Rusyn is used least from among all other above spheres. This situation has persisted in spite of adopting state, corresponding with European, legislation,²⁰ which guarantees broader use of minority language in official communication, despite a growing number of towns and villages with a minimum of 20 percent inhabitants of Rusyn nationality. According to the 2001 census of residents, there were 91 such towns or villages in Slovakia (Gajdoš and Konečný 2005, Dostál 2003: 159–160). It must be added that, according to the data from the 2011 census of residents in the Slovak Republic, which recorded a rising trend of citizens identifying their nationality and mother tongue as Rusyn,²¹ the number of towns or villages with a 20 percent (or higher) proportion of Rusyn inhabitants has also increased. This fact authorizes Rusyns to a broader application of their mother tongue in the administrative sphere. In this case, however, it is necessary for a more prominent initiative to be present on the part of the Rusyn population itself, town or village municipalities, as well as Rusyn nongovernmental organizations. Perhaps the only prominent initiative by Rusyns in this direction was a petition in protest of the realization of the *Law of the National Council of the Slovak Republic No. 191/1994 on naming towns and villages in minority languages*. Following this law's effect, towns and villages with a minimum of 20 percent of Rusyn inhabitants were officially given bilingual signs in Slovak-Ukrainian

---

20 *Legislatívny rámec pre jazyky menšín v Slovenskej republike*. Available online at: <http://www.culture.gov.sk/umenie/ttny-jazyk/archv>.

21 In the 2011 census of residents, 33,482 inhabitants of the Slovak Republic identified themselves as being of Rusyn nationality while 55,469 stated Rusyn was their mother tongue. Source: Štatistický úrad SR, available online at: <http://portal.statistics.sk/showdoc.do?docid=43829>.

rather than Slovak-Rusyn, i.e., the non-Slovak name, which is to signal the ethnic composition of the local population was, and is to the present day, stated in standard Ukrainian. This situation could be explained by the fact that the realization of the above law was, in the given period, supported by the parliamentary Party of the Democratic Left, some of whose members were also official representatives of the Ukrainian national minority in Slovakia. In truth, the absence of standard Rusyn at that time was a strong counter-argument, which caused, among other things, that the topical situation in 68 towns or villages with a minimum of 20 percent Rusyn inhabitants could not be solved in accordance with the law and the bilingual signs could not be prepared according to any rules of standard Rusyn. Less than a year after the so-called sign law was passed, however, the situation, changed considerably, and after the codification of Rusyn in January 1995, this argument could not be used. Consequently, representatives of Rusyn nongovernmental organizations took the initiative and required the changing the bilingual signs showing town or village names in accordance with the rules of standard Rusyn. Nevertheless, their right was not met. The most probable reason for the passed legislation not to have been adhered to was economic, but it is believed a role is also played by an insufficient emphasis placed on the consistent solution to this problem on the part of representatives of Rusyn nongovernmental organizations in Slovakia, as well as the inhabitants living in the towns and villages in question. It is necessary to emphasize again at this point that since 1991, Slovakia has recorded a significant increase in the number of towns and villages with 20 percent or more Rusyn inhabitants: from 68 (according to the 1991 census of residents) to 91 (the 2002 census), as high as 124 (the 2011 census). It is true that, in 2011, the Cabinet of the Slovak Government issued a new list of towns and villages within the Slovak Government Regulation Act No. 534/2011 Coll., issued on December 19th, 2011, which alters and amends the Government Regulation Act No. 221/1999 Coll., which issued a list of towns and villages in which citizens of the Slovak Republic belonging to a national minority form at least 20 percent inhabitants; however, based on the 1991 census of residents, this regulation currently only applies to

68 towns or villages.²²

Regarding using Rusyn, the situation is analogical in:

- naming streets and other geographical entities,
- naming public buildings and institutions.

Here, the following example could be used: there was only one single primary school (out of ten) in Slovakia where classes of Rusyn had been given since 1997, had a bilingual sign with a text in Rusyn.²³ On the other hand, some paradoxical situations can be found when a school has a bilingual sign but, again, it is Slovak-Ukrainian, in spite of the fact Ukrainian has not been taught at the school in question for a long time and there are fewer than 20 percent Ukrainian citizens living in the town or village. The situation is similar when it comes to signs on shops, restaurants, post offices, etc. A hint of change has only been observed in rare instances in signs on buildings of local or state public administration.²⁴

The situation is more positive when it comes to using Rusyn in oral administrative communication. As a basic communicative means, it is used at the municipal level during meetings of local self-governments, especially in towns and villages with a majority of Rusyn population and a prevalence of Rusyn-speaking members of the local self-governing bodies. The written agenda from such meetings is, however, only recorded in Slovak, which is likely determined by poor knowledge regarding rules of Rusyn spelling and orthography by persons in charge of making such records, or by their not being able to use the Rusyn writing system, i.e.,

---

22 The regulation of the Slovak Government 534/2011 Coll. on December 19, 2011, amending and supplementing the regulation of the Slovak government Act No. 221/1999 Coll., listing the towns and villages with inhabitants of the Slovak Republic belonging to a national minority comprising a minimum of 20 percent of the population. Available online at: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2011/534/vyhlasene_znenie.html.

23 The Primary School with Kindergarten with Rusyn as the language of instruction in Čabiny, Medzilaborce district, founded in 2008 and closed again in 2015.

24 Specifically, in Medzilaborce and Čabiny where, from the initiative of their respective mayors and heads of district offices, signs on such institutions as municipal offices and primary schools are bilingual – Slovak-Rusyn.

Cyrillic.

Since 2005, some administrative information, such as notices about the time and place of elections, has also been issued in minority languages (including Rusyn) by bodies of the Prešov self-governing region where the primary body of Rusyns live. If there is an absence of official translators into Rusyn, translations are carried out by individual Rusyn nongovernmental organizations or professionals in Rusyn language studies employed at state public institutions.²⁵ Other bodies take similar action prior to events of important social events, such as the Statistical Office of the Slovak Republic, which, prior to the census of residents, issues, in accordance with valid legislation, various instructions, proclamations, and other important administrative information and announcements in Rusyn.

The Rusyn language in Slovakia can also be used in written contact with the Office of the Public Defender (ombudsman), which also issues its forms in minority languages, including Rusyn. Rusyns also exercise their right to oral communication in official communication within lawsuits in linguistically mixed regions, even if no interpreter is present – thanks to the proximity of Rusyn and Slovak and their intelligibility for either party.

Recently, a more frequent use of Rusyn has been recorded in the administrative sphere during church ceremonies – weddings, christenings, funerals, etc., mainly in Greek-Catholic parishes in the north-east of Slovakia, which is directly related to the initiation of pastoral practice in Rusyn, especially by Rusyn priests in the Greek-Catholic Eparchy of Prešov.

The strongest position in administrative contact is still held by the usage of Rusyn among Rusyn social-cultural organizations, some state institutions aimed at the issue of minorities within the Slovak Republic, as well as in the international context. These are usually member organizations of the World Congress of Rusyns, which are, apart from

---

25 Professional and official translations into Rusyn for government institutions (the Statistical Office of the Slovak Republic, the Slovak Ministry of Education, etc.) are usually carried out by members of the Institute of Rusyn Language and Culture, University of Prešov.

Slovakia, also active in the Czech Republic, Germany, Poland, Hungary, Ukraine, Serbia, Croatia, Romania, Russia, USA, and Canada. All meetings of the members, as well as their written agenda, are carried out in Rusyn while regional standards are maintained. In the international context, individual standard variations or inter-dialects of Rusyn are also used at social events. The written agenda on an all-Rusyn level is managed depending upon the origin of the person in charge of this activity. Since 1991, when the World Congress of Rusyns was established, it has always been standard Rusyn as used in Slovakia.

It could be stated that after 1989, but mainly after the codification of the Rusyn language in 1995, the level to which standard Rusyn is used in the administrative sphere has increased. Thorough, but mainly systematic, attention paid to the issue in question on the part of Rusyn nongovernmental organizations could aid in spreading the spheres of its application in accordance with valid legislation. It is a crucial moment not only from the viewpoint of promoting Rusyn as a mother tongue within the ethnic group, but also the perspective of developing a positive relationship to Rusyn in various classes of the Rusyn population, as well as members of other minorities. Broader representation of Rusyn in administrative communication also carries a significant psycholinguistic aspect:²⁶ it provides members of this ethnic group the opportunity to realize that their mother tongue has a sufficient level of dignity for functioning in official communication spheres, and not merely in everyday communication, mainly in the family sphere.

3.3 Theater

In this sphere, local dialects of Rusyns were used before standard Rusyn was codified during cultural events of a local or regional nature, namely:

- in accompanying texts by the presenters,
- when reading poetry of so-called folk authors,
- in variety programs of amateur folk ensembles presenting spoken word and music,
- when singing folk songs,
- in performances of amateur theater groups.

---

26 Gajdoš et al. (2001:75).

In the mid-1990s, especially by popular request, the professional Ukrainian National Theater (since 1990, the Alexander Duchnovič Theater in Prešov) saw a significant linguistic transformation from standard Ukrainian to colloquial Rusyn and its performances have since (with the exception of the past three years) been carried out in Rusyn.²⁷ This is one of two professional Rusyn theaters world-wide with an interesting history – it became the first Ukrainian cultural institution in the Prešov region after World War II and, at the same time, the first cultural institution aimed at the use of Rusyn language in the middle of the 1980s. It went back to the Rusyn language mainly because of the fact that, as a touring company, it mainly relies on local audiences in the regions of north-eastern Slovakia, the majority of which is formed by the Rusyn ethnic group speaking Rusyn as a mother tongue. The linguistic transformation was inevitable also as a result of long-term boycotting of theater performances in Ukrainian by Rusyn inhabitants of towns and villages and their requirements for an intelligible language. Although at the beginning, after 1989, the leadership of the theater also tried to include in its repertoire plays in Ukrainian, the inability to “sell” them among Rusyns predetermined its transition to a repertoire exclusively performed in Rusyn, in which appear world classics as well as works by Slovak and local Rusyn authors. The popular approach by host directors in connection with the use of a language understandable for the regular viewer has brought this cultural institution, in the past 20 plus years, significant achievements in the homeland as well as abroad. After all, the above stated is proved by the fact that members of the dramatic group of the theater in question are regularly nominated for prestigious Slovak awards – Personality of the theater season.

It is also noteworthy that currently young Rusyns regularly attend

---

27 In the 2008/2009 season, the A. Duchnovič Theater, after 14 years of activity, once again started performing in Ukrainian, while they are supposed to study a play a year in Ukrainian. This is a reaction of the theater founder – the Prešov self-governing region to complaints from the Ukrainian organization, the Association of Rusyn-Ukrainians in the Slovak Republic. The Embassy of Ukraine in Slovakia also got involved in solving this problem. See Uličianska (2008), Zozulák (2008).

performances of the Alexander Duchnovich Theater, despite their insufficient knowledge of Rusyn. I think that they do not see this as a problem, because most of the young Rusyns who have not mastered the literary language did not, or do not currently attend schools where the Rusyn language is taught. Raising a new generation of young Rusyns who would grow up learning the literary Rusyn language is a question that directly corresponds to the development of Ruthenian education. This is a very important topic that has not been adequately addressed by any government since 1989. It has not been, and unfortunately is still not a priority for the activities of Rusyn civil society, even though many associations clearly declare this goal in the statutes of their organizations. However, it is different in practice.

3.4 Media

The media sphere of using Rusyn in Slovakia was, until late 2016, represented by three²⁸ print periodicals of popular nature:

- *Rusyn*,
- *Narodný novynký*,
- *InfoRusyn*,

two periodicals of church nature:

- *Blahovistnyk*,
- *Artos*,

two electronic statutory media:

- *Slovak radio*,
- *Slovak television*,

and two internet periodicals:

- *Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic*,
- *RusinFórum*.

Each of the above has a significant role:

- in mediating information in the mother tongue to members of the Rusyn minority,
- in gaining information about this minority by members of other nationalities,

---

28 Since 2017, the periodicals *InfoRusyn* and *Narodný novynký* united and are issued as one periodical entitled *InfoRusyn – Narodný novynký*.

- and, mainly, in the national identification process of the non-Slovak population living in the north-east of Slovakia.

Among the key periodicals is the cultural-Christian bimonthly – at present more focused on popular science – *Rusyn*,²⁹ and the socio-cultural weekly *Narodný novynký* (*National News*).³⁰ Apart from fulfilling all the above roles, since they were established, they have always held a dominant position in the process of standardization of Rusyn and, consequently, in developing its norms and introducing them in individual spheres. The need for specialized Rusyn-language periodicals in Slovakia, especially focused on literature and the youth, was addressed by the editorial house *Rusín a Ľudové noviny* (Rusyn and Folk Newspaper) by issuing quarterly specials appended to newspapers – a literary appendix entitled *Pozdrav Rusínov* (*Rusyn Greetings*, 1995– 2012, which, in 2017, became part of the magazine *Rusyn*) and the youth-oriented *Rusalka* (*Water Nymph*, 2000–2011), financially supported by the Slovak Ministry of Culture, and, since 2010 also by the Cabinet of the Slovak Government.

In spite of achieving a significant social-national position, the editorial house *Rusín a Ľudové noviny* has experienced regression since 1995. *Narodný novynký*, originally issued weekly, has not been

---

29 The zero issue of the cultural Christian magazine *Rusyn* was published in 1990 by the Andy Warhol Society in Medzilaborce, while the first issue was published in 1991 by the Town Educational Centre of Medzilaborce. Starting with the second issue in 1991, until late 2003, the magazine was published by the Rusyn Revival in Slovakia based in Prešov. Between 2004 and 2005, the magazine was issued by the nongovernmental organization *Rusín a Ľudové noviny* based in Prešov, while in 2006, its publisher was the World Congress of Rusyns based in Prešov. Since 2007, the magazine has been issued, once again, by the nongovernmental organization *Rusín a Ľudové noviny*.

30 Between 1991 and 2003, *Narodný novynký* was published by the Rusyn Revival in Slovakia, between 2004 and 2016 by the nongovernmental organization *Rusín a Ľudové noviny*. Until 1994, the newspaper had been published weekly; since 1995 its periodicity fluctuated depending on governmental funding – sometimes as a biweekly, at other times (and mostly in the latest years) as a monthly. Since 1995, even the bimonthly periodicity of the magazine *Rusyn* was often broken.

able to maintain its periodicity in the long term, and the case of other periodicals was similar. In 25 years of existence, the newspaper was only issued weekly for three years (1992–1994) and ten years later, their fate was entirely unknown. At the very beginning (until the late 1994), the editorial staff was composed of four to five professional editors and two technical administrative employees;³¹ however, to a large extent after 1995³² and to the full extent since 2004, the editorial office has been issuing Rusyn periodicals and non-periodicals with no professional employees whatsoever.³³ This situation, undoubtedly, causes serious doubts not only with regard to the level, but also the general perspective of Rusyn periodical press in Slovakia.

3.5 Education

In an effort to stop the progressing assimilation of Rusyns in Slovakia, the Rusyn Revival movement in the former Czechoslovakia after 1989 defined as its primary goal to revive Rusyn national education, as it was the only way to guarantee that the national and language identity of Rusyns is preserved and developed (Magocsi 1996: 15–40). The Rusyn language was introduced in the education of the Slovak Republic in 1997/1998. Its implementation into practice followed the Conception of educating children of Rusyn nationality living in

---

31 Professional editors working in Rusyn media were Rusyn-speaking professionals who had been working previously in mass media in another language (mostly Ukrainian) on a permanent or temporary basis. After 1989, they founded Rusyn printed media.

32 The start of Mečiar's third government, following the early parliamentary election in 1994, brought about a major change in the attitude of government bodies and institutions towards the ethnic minorities in the country. It was typified by its confrontational attitude, especially towards the Hungarian minority and ignoring the existence and issues of other ethnic groups. On the above topic, see Gajdoš et al. (2005), Dostál (1997).

33 See *Výnos Ministerstva kultúry Slovenskej republiky z 29. apríla 2004 č. MK-480/2004-1 o poskytovaní dotácií v pôsobnosti Ministerstva kultúry Slovenskej republiky*. Available online at: http://old.culture.gov.sk/files/files/zvesti/zvesti5-6_04_web.pdf

the Slovak Republic,³⁴ which accepted the fundamental principles of alternative education as well as the social requirement of Rusyn citizens for education in their mother tongue. The integration into education following from the conception was to start from kindergartens with Rusyn as the language of instruction, which were to be established based on the parents' requirements. In spite of favourable conditions (since a great number of towns and villages with a majority of Rusyn population where Rusyn is used on an everyday basis alongside Slovak) in the Slovak Republic, there are officially only two kindergartens with Rusyn as the language of instruction (Čabiny, Medzilaborce district and Kalná Roztoka, Snina district) which were established, or changed their language of instruction, when Rusyn national schools were established in the above villages. In general, not adhering to the conception could also be assigned to the fact that neither parents nor institutions in charge pay sufficient attention to the issue in question. As a result, Rusyn children are currently officially educated, as was the case before 1989, in kindergartens in Slovak as the language of instruction, or even Ukrainian, although it is known this was only the case before 1989 in only one kindergarten at most (in Prešov). The author of the study believes the problem should also be dealt with by kindergarten founders, i.e., municipal offices in the towns and villages with a majority Rusyn-speaking population. The above situation likely corresponds with the unfavourable situation in the education of kindergarten pedagogues for nationally-mixed regions. In spite of the fact that the above Conception in its perspective intentions counted on their education at a Secondary Pedagogical School in the Prešov region, it failed to meet this goal as well.

---

34 *Koncepciu vzdelávania detí občanov Slovenskej republiky rusínskej národnosti* approved by the Slovak Ministry of Education in August 1996. It followed the application of the right to education in the mother tongue of national minorities enshrined in the Constitution of the Slovak Republic. Art. 34, Par. 2a), Act No. 29/1984 Coll. on the system of primary and secondary schools (Education Law) as amended by later regulations and supplements (full version 350/1994 Coll.) § 3, of the Framework Convention of the European Council for the Protection of National Minorities, ratified by the National Council of the Slovak Republic.

The conception was more consistent with regard to primary schools. It expected that classes, or groups, would be established in primary schools where Rusyn would be taught, while all other subjects (apart from the mother tongue) would be taught in Slovak, following the proposed teaching plans.

Implementing Rusyn into education was preceded by two surveys focused on the parents' interest. The first one took place in 1994 and was aimed at finding out whether parents would like Rusyn language and culture to be taught in the second year of primary schools and was carried out by the member base of the Rusyn Revival in Slovakia. Based on the results obtained at that point in time, families of 251 students in three districts were interested in lessons of Rusyn. The next, more detailed, survey took place in early 1996, and was carried out by the Administration of Education of Eastern Slovakia, i.e., where, according to the 1991 census of residents, the highest concentration of Rusyns was recorded in Bardejov, Humenné, Svidník, Prešov, Stará Ľubovňa, and Vranov nad Topľou districts. The survey results showed that in 47 towns and villages and 57 primary schools, 582 students were interested in learning Rusyn.

Based on the above surveys and after the necessary school documentation had been processed, in 1997/1998, it was possible to implement Rusyn language and literature as a school subject in 12 primary schools. The practical side was not truly as successful as the survey suggested, as, in the same school year, Rusyn only started to be taught in four primary schools (in Medzilaborce and Svidník) and it directly corresponded with the efficiency of cultural and educational work of the Rusyn Revival in Slovakia in the above regions, in which it had a rather strong member base. The engagement of its individual members was, in the end, also decisive in the establishment of further primary schools in the Prešov region and the only grammar school with Rusyn as a subject in Medzilaborce, as well as an institution at university level – The Institute of National Minority Studies and Foreign Languages at Prešov University with the Department of Rusyn Language and Culture (1998). The general development of Rusyn national education in Slovakia could be defined as unflattering. The number of primary schools with Rusyn as a language

of instruction has, in the past few years, fluctuated between one and three (Čabiny, Bajerovce, and Kalná Roztoka), while at present (in 2017) only one primary school in Kalná Roztoka is recorded. Regarding secondary schools, Rusyn is not taught at all, in spite of favourable conditions and interest, as at the Pedagogical and Social Academy in Prešov, which educates kindergarten teachers to be. This rather unflattering situation regarding teaching Rusyn in Slovakia is, perhaps, slightly improved by the project entitled *Evening schools of standard Rusyn for children and adults*, run by the nongovernmental organization Kolíska (The Cradle) in the form of yearly projects supported by the Cabinet of the Slovak Government since 2015. More than 400 students in over 20 primary schools and kindergartens primarily, but not only, in the Prešov region are involved in the project (Kraľova 2015: 1, 3). The author of the study considers it merely as an alternative, and mainly an unsystematic solution to the teaching of Rusyn, while it should be the government, i.e., the Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic, who is exclusively in charge of it rather than nongovernmental organizations or Rusyn volunteers.

The positive outcomes of the development of Rusyn language teaching and research were enhanced by the only university institution aimed at Rusyn studies in Slovakia – the Institute of Rusyn Language and Culture at Prešov University, established on March 1, 2008. It is a scientific-educational workplace aimed at the preparation of educational projects, study plans, outlines, textbooks, teaching aids and other scientific-educational material, and also provides the study program ‘Rusyn Language and Literature’ at all three university levels – Bachelor, Masters’ and Doctoral. The Institute carries out scientific research and provides for the development of Rusyn studies focused on language, literature, culture, art, theater, ethnography, religion, education, mass media, history, national identity, community activities of Rusyns in Slovakia and abroad, as well as national policy of individual states with regard to Rusyns with the aim of gaining objective information about the state needs and perspectives in the development of the Rusyn ethnic group in Slovakia and abroad. As the only one of its kind in Slovakia, the Institute of Rusyn Language and Culture at Prešov University is

the highest institution for research and formation of norms for standard Rusyn (Plišková 2014a: 442–449).

The Institute of Rusyn Language and Culture is the only institution at university level worldwide which provides study programs at all three levels of university education focused on Rusyn studies. It is an institution which, in the modern history of Slovakia and the former Czechoslovakia, historically issued the first university textbooks for the teaching of Rusyn language, literature, and history, and organizes significant and unique projects aimed at promotion of Rusyn studies in Slovakia and abroad. Furthermore, it offers a summer school *Studium Carpato-Ruthenorum: International summer school of Rusyn language and culture*, where the language, history, and ethnography of Rusyns are taught parallel in two languages – Rusyn and English (since 2010), and in which, to the present day, approximately 200 students from 13 European, American and Asian countries have taken part. No less important is the institute's project *Scientific Seminar on Carpathian-Rusyn Studies*, within which, since 2009, researchers from Slovakia and abroad present, on a monthly basis, the outcomes of their research in Rusyn studies while the Institute publishes these in the scientific almanac *Studium Carpatho-Ruthenorum*. What is quite likely most significant is the fact that, since 1999, the Institute has been building the Library of Carpathian Studies at Prešov University, unique in the European context, where documents can be found in print and digital format. A majority of these come from the Carpatho-Rusyn Library at the University of Toronto which, until recently, had been the only library of its kind worldwide, and its unique collection of 15,000 volumes was the outcome of over 40 years of collective efforts by the historian Professor, Dr. Paul Robert Magocsi. Thanks to the project (2013–2015) Enhancing the linguistic competence in minority languages among students of Prešov University (ITMS 261102302105), supported by European structural funds, the Institutes' employees were able to transfer part of the collection housed in the Carpatho-Rusyn Library at Toronto University to the Library of Carpathian Studies at Prešov University, where they provide invaluable study and research materials for students, as well as scientific and pedagogic employees of Prešov University, and those from other universities worldwide (Plišková 2015b: 12–14).

Should one ponder the future of Rusyn in the Slovak education system with regard to the current political environment, an improvement could be assumed. The most recent initiatives of the Slovak Ministry of Education, Science, Research, and Sport call for optimism. In the context of adhering to the 2016 governmental proclamation, a working group in charge of preparing a new conception for the development of Rusyn education in the Slovak Republic was established in 2016 at the Ministry of Education. The document *Conception of the development in the education of Rusyn language and culture in kindergartens, primary and secondary schools in the Slovak republic* is the outcome of its efforts.³⁵ To what extent it will also be realized, however, and what specific results can be expected, will be possible to experience within the next 2 to 3 years, i.e., the period during which the current governmental coalition of the Slovak Republic is in office (2016–2020). In 2016, the party based on nationality principles (Most-Híd), which is part of the above coalition, nominated in Mgr. Petra Krajňák, of Rusyn origin, to the position of Secretary of State for Education. The development of Rusyn education is among the highest priorities on his agenda (Pliškova 2016b: 1–3, Juraškova 2017: 8–9).

3.6 Religion

In order to understand the present-day position of the Rusyn language in the religious sphere, it is necessary to provide some basic information from the history of Rusyns. Their several-centuries-long existence in the Subcarpathian region was, in the religious field, accompanied by Eastern rite and Church-Slavonic liturgical language (Vladimír Rus de juxta Hornad 2004), which was in practice, wherever necessary, complemented by elements of the local vernacular and was also used in such a form in education throughout the 19th and the beginning of the 20th century.

Even before the codification of Rusyn, the need to use Rusyns' mother tongue in pastoral practice started to be discussed and the first

---

35 See „Nová pracovná skupina na ministerstve sa bude venovať rozvoju výučby rusínskeho jazyka a kultúry.“ Available online at: <https://www.minedu.sk/nova-pracovna-skupina-na-ministerstve-sa-bude-venovat-rozvoju-vyucby-rusinskeho-jazyka-a-kultury/>

steps in the issuing of church literature were taken.³⁶ Modern Rusyn ministry is associated with the name Father František Krajňák (Magocsi 2002: 242, Plišková 1999: 2–3), who served for over 20 years (1985–2006) in the Greek-Catholic parish of Medzilaborce. As early as the 1980s in the above parish, he initiated the formation of a team of translators made up of theologians and laymen, who started translating catechism, gospels and epistles. Since, at that point, Rusyn had not been codified, the team of translators defined, for the purposes of their work, essential grammatical rules and adopted a policy of utilizing words from all Rusyn-dialect regions in north-eastern Slovakia, while using the Medzilaborce dialect as the basis.

The first fruit of their translating endeavours was the samizdat *Malý gréckokatolícky katechizmus pre rusínske deti* (*Short Greek-Catholic Catechism for Rusyn Children*, 1982), *Epištoly* (*Epistles*, 1985) and *Evanjeliá na nedele a sviatky celého roka* (*Gospels for Sundays and Saints' Days around the Year*, 1986), which started to be used right away by those priests who supported pastoral practice in Rusyn (Timkovič 2006: 9–10). This met with highly positive feedback on the part of the faithful, which, in turn, was great motivation for further translations.³⁷

Rusyn translations in pastoral practice are presently used by approximately 20 priests in the Greek-Catholic Eparchy of Prešov and, especially, by members of the Council of Rusyn Greek-Catholic Priests (Plišková 2004: 198–203), of whom there could be about 40 in a

---

36 Before the codification, the following translations from Church-Slavonic were approved by the Church and published in print for the needs of practice: *Malýj grekokatolyc'kýj katechizm pro rusyňský dity* (1992), *Molytvenyk sv. ružancja* (1992).

37 The following were approved by the church and were published in the codified norm: *Jevanhelije od sv. Joana* (2003), *Akafist ku svjaščenuučitel'ovy Pavlovy Petrovy Goidičovy* (2006), *Krestna doroha Hospoda našoho Isusa Christa*, *Akafist Christovým strast'am*, *Toržestvenna odprava Isusovoj molytvý* (2006), *Malýj trebnyk* (2013), *Molytvennyk Radujte sja v Hospodi* (2021). The following translations into Rusyn are to be approved by the Church: *Liturgija sv. Ioanna Zlatoustoho pro virujučich*, *Jevanhelija od Mafteja*, *Marka*, *Luký*, *Joana*.

welcoming structure-related environment. The question could be asked why there are so few of them. The reason, according to the author, lies in insufficient national awareness of graduates in theology, in whose studies there is an absence of preparation for doing pastoral work in mixed-nationality parishes, in this case, in parishes with a majority Rusyn-speaking population. A certain role is likely played by the reserved attitude of the church hierarchy in introducing Rusyn in pastoral practice, which they often consider “harmful secularization” (Timkovič 2006: 36) within the church in question. General experience, however, speaks against the Rusyn language and ethnic group, as wherever pastoral practice is conducted in Slovak, the return to Rusyn is nearly impossible, and such is also active growth of national awareness in such parishes. Moreover, the process of assimilation in these parishes is much more dynamic, which is also proved by statistics from censuses of residents.

In spite of all that, Rusyn pastoral practice has laid religious as well as social foundations in Slovakia. Its future, however, depends on the extent of the tolerance with which the church hierarchy is willing to accept it. According to Rusyn priests, dependence on the volition of others could be solved by their own church institution and, once again, acknowledging the *Rusyn Greek-Catholic Church sui iuris (in its own right)* in Slovakia with its own bishop and bishopric, the establishment of which was proposed by the Council of Rusyn Greek-Catholic priests in 2003 when it was also submitted to then Pope John Paul II (Timkovič 2006: 263–270), or at the very least, by the establishment of its own vicariate (Timkovič 2006: 302–303). Purposeful linguistic education of priests to be for nationally-mixed regions within the Greek-Catholic, as well as Orthodox, Theological Faculty at the University of Prešov could play a significant role in the above-mentioned process.

In this context, the pastoral practice of the Orthodox Church in Slovakia, which also uses Eastern rite, is also worth mentioning, as its Rusyns also form the majority membership. The Orthodox Church, following the historic context, has religiously adhered to Church-Slavonic in their liturgy as well as ministerial work. According to some of its representatives, the official introduction of Rusyn in religious life and pastoral practice could be considered a political step. Based on history, the Orthodox Church has been linked with a single significant

political, pro-Ukrainian, line, while its current position in relationship to the Rusyn ethnic group is especially unclear. According to the author of this study, the unclear nature is complicated by the fact that, when teaching religion, Slovak is exclusively used, which is also the case of publications. In spite of that, some of its Rusyn priests, especially in their sermons, strive to accept the language affiliation of the Rusyn faithful and alongside Church-Slavonic, or Slovak, also use their dialect. It is still true however, that representatives of this church have never officially shown any initiative to introduce the mother tongue of their Rusyn congregation in their ministerial work, as is the case of some Greek-Catholic priests.

3.7 Literature

The sphere in question is the only one among all of the above in which the continuity of using Rusyn (or, until 1995, its dialects) has never been broken. The literary efforts of Rusyns in the Prešov region have a long tradition in spite of the fact that, in some specific periods, they were slowed down by a lack of active writers or obstructed by strong assimilation processes. Rusyn literature has, nevertheless, always had personalities who had some influence on the literary scene throughout society. In the field of literature, Rusyns were just as active in the period when they all lived in the same empire and were allowed to identify themselves as Rusyns, such as in the 18th century, when such authors as A. Padaľský, I. Vislocký, A. Kocák, and A. Vaľkovský were active and were, in their works, also motivated by emigrant literary works by Rusyns in North America – E. Kubek, Š. Varzáli, and I. Ladižinský. Rusyn authors were also represented in 19th century literature, among them I. Ripa, P. Lodij, M. Andrejkovič, A. Labanc, T. Podhajecká, A. Kriger-Dobrianska, M. Nevická, A. Duchnovič, P. Kuzmiak, and A. Pavlovič. In the 20th century, I. Žák, I. Novák, A. Capcara, A. Halgašová, M. Hvozda, A. Halčáková, J. Maťašovská, Š. Smolej, M. Polčová, E. Capcara, A. Vladyková, and J. Kudzej wrote their works in their vernacular.

Should the genres of the works by the above writers be defined, it could be said that not all can be included in a single genre, as a majority of the above authors wrote in several genres, some of them produced all, poetry, prose, as well as drama. This is actually a specific feature of Rusyn literature as a literature of a small nation: that Rusyn writers

were, at the same time, representatives of the national intelligentsia with creative ambitions, which they strived to apply not only through a broader literary scope, but also through activities in the cultural, social, scientific, pedagogical, religious, and even political area, which frequently crossed the Carpathian borders.

After half a century of decrease in the production of literary works written in Rusyn dialects, literature in Rusyn was only brought back to life in all genres (poetry, prose, drama) as late as the end of the 20th century, i.e., in the new political and social environment in Central and Eastern Europe (i.e., also in the historic Carpathian Rus'). The development of Rusyn literature and the emergence of new talented writers were mainly enhanced by the following facts:

- significant support for the Rusyn revival process on the part of the government,
- performing classic plays by world as well as national authors in Rusyn by the professional Alexander Duchnovič Theater in Prešov,
- more opportunities to publish in new Rusyn periodicals and non-periodicals (*Rusyn, Narodný novynký/National News, InfoRusyn, Rusyňskýj narodnýj kalendar'/Rusyn National Calendar, Rusyňskýj literaturnýj almanakh/Rusyn literary almanac, Grekokatolyc'kýj rusyňskýj kalendar'/Greek-Catholic Rusyn calendar*),
- performing plays and presenting literary works of Rusyn writers on the Slovak radio within national-ethnic broadcasting in Prešov and later in Košice,
- establishment of publishing houses and nongovernmental organizations for the purposes of spreading culture and literature in Rusyn (*Rusínska obroda/Rusyn Revival, Svetový kongres Rusínov/World Congress of Rusyns, Spolok rusínskych spisovateľov/Association of Rusyn Writers, Rusín a Ludové noviny/Rusyn and National News, Akadémia rusínskej kultúry v SR/The Academy of Rusyn Culture in the Slovak Republic*).

The post-1989 Rusyn literary tradition was also enforced by some mature and renowned authors, who, until 1989, wrote fiction in standard

Ukrainian, such as Š. Suchý, M. Maľcovská, J. Charitun, and M. Kseňák, which was a significant contribution to increasing the quality of present-day Rusyn literature.

Positive tendencies in the development of Rusyn literature have continued after the autonomous Slovak Republic (1993) was formed, when, after the codification of Rusyn (1995) and its introduction in education (1997) the above old- and middle-generation writers (who regularly published their works especially in the quarterly literary appendix of the weekly *Narodný novynký* entitled *Rusyn Greetings* and the magazine *Rusyn*) were gradually joined by young authors, especially university students of Rusyn. It was thanks to their initiative that the editorial office of *Narodný novynký* started, in late 2000, issuing a quarterly appendix for Rusyn children and youths entitled *Rusalka/Water Nymph*. During more than 10 years of its existence, it included, alongside journalistic articles, poetical and prosaic debuts of young authors and artistic translations of, primarily, present-day Slovak literature.³⁸

The fact that as many as seven present-day authors of Rusyn literature in Slovakia have been granted the prestigious international Alexander Duchnovič Award for the best literary work in Rusyn since 1997 speaks to the level of their works.³⁹ Had it not been for various linguistic influences and tendencies as a result of political pressure from the neighbouring countries, Rusyn literature could have prided itself on a much greater number of authors and, naturally, an even higher level or artistic production.

---

38 A collective almanac of these debuts was published in 2009 by the *Rusín a Ľudové noviny* Publishing House in Prešov also entitled *Rusalka* (edited by Anna Plišková).

39 The Alexander Duchnovič Award for the best literary work in Rusyn has so far been given to the following Rusyn authors living in Slovakia: Štefan Suchý (1998), Mária Maľcovská (2000), Mikuláš Kseňák (2002), Jozef Kudzej (2010), Juraj Charitun (2012), Štefan Smolej (2014), and Ľudmila Šandalová (2015). The prize is awarded by the Carpathian-Rusyn Research Centre in the USA from the Steven Chepa Fund for Carpatho-Rusyn Studies, University of Toronto, Canada.

4. Conclusion

The present study has attempted to present the process of addressing the issue of the Rusyn language, i.e., questions regarding the standard language of Carpathian Rusyns with emphasis on those living in northeast Slovakia, and some future prospects were outlined. The fact that the formation of a standard language for this ethnic group was complex and complicated is proved by the issue still strongly resonating at the turn of the 21st century among the local population, in spite of the beginnings of the quest for an adequate standard language for Rusyns going back 300 years.

Solving the main dilemma regarding their ethnic identification, i.e., whether Rusyns are part of Russian nationality, Ukrainian nationality, or form a distinct Slavic nationality in their own right, undoubtedly, represented a key to addressing the Rusyn language problem. The issue of self-identifying of Rusyns has always depended on the level of social democratization, the strength, beliefs, and attitudes of the actual intelligentsia, who, unfortunately, fluctuated mainly as a result of the absence of their own ethnic-linguistic dignity among various ethnic and linguistic tendencies, identifying with one or the other according to the benefits it could provide. The Rusyn ethnic and language issue is, thus, freely solved as late as the end of the 20th century thanks to the establishment of a new pluralistic policy in most of those post-communist countries where Rusyns live within the Carpathian area, and after they have been accepted by newly-formed legislation regarding basic human and ethnic rights (Framework Convention for the Protection of National Minorities, European Charter of Regional and Minority Languages, etc.).

The codification of the Rusyn language in Slovakia in 1995 started a long-term process of further development of the mother tongue of Rusyns, functioning in individual spheres where, while testing viability, its weaknesses are also spotted (such as terminology, authentic vocabulary, borrowings, etc.), which requires the constant attention of linguists. After 10 years of its practical functioning it has turned out that, apart from the necessity of orthographic corrections, it is vital to work on the terminology for specific functional spheres, especially for education and administration. Until the present day, only linguistic terminology of

the Rusyn language in Slovakia has been codified, which, after having been verified in practice, will also require corrections. The codification of further terminology will obviously be completed after more than 20 years of collection, as a great number of words have been introduced within each sphere, which will need to be specially assessed and selected with regard to local linguistic traditions, while taking into consideration other regional standards of Rusyn. The authors of codification manuals, however, point this fact out in the very beginning of this process claiming that they merely consider codification the start of a long-term linguistic development, based on the fact that standard Rusyn is a living language going through a constant process of changes (Jabur 1996: 43–53).

Publications on the Rusyn language, its functional spheres and the future prospects of its use in the form of regional and trans-regional standards are rather new, should one consider the fact that they were only brought back to life as late as 1989 by the new political environment in Europe. Following this, Rusyn, or Carpathian Rusyn, studies were formed as a research field in its own right, which is now dealt with by specialized institutions and a growing number of scientists in Slovakia and abroad. This area, however, includes a great number of complex issues brought about by the self-identification process of Rusyns. The language issue is only one of a whole range of problems still awaiting study in more detail.

References

- Benedek 2005 – Gergely Benedek. Maďarsko. In: P. R. Magocsi (ed.). *Rusynskýj jazýk*. Opole: Uniwersytet Opolski - Instytut Filologii Polskiej.
- Chomjak 1992a – Myroslava Chomjak. *Gramatýka lemkiwskoho jazýka*. Legnica.
- Chomjak 1992b – Myroslava Chomjak. *Lemkiwska gramatýka dlja dity*. Legnica.
- Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE*. 1990. Copenhagen, 40–41, Paragraphs 32 a 32.6.

- Dostál 1997 – Ondrej Dostál. Menšiny. In: Martin Bútorá (red.). *Slovensko 1996. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1997*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 253–256.
- Dostál 2003 – Ondrej Dostál. Národnostné menšiny. In: M. Kollár and G. Mesežnikov (reds.). *Slovensko 2003: Súhrnná správa o stave spoločnosti*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 159–160.
- Duč-Fajfer 2005 – Olena Duč-Fajfer. III. Sociolingvistický aspekt. Lemkovyna. In: P. R. Magocsi (ed.). *Rusyňský jazyk*. 349–363. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.
- Fejsa 2005 – Michajlo Fejsa. III. Sociolingvistický aspekt. Vojvodyna. In: P. R. Magocsi (red.). *Rusyňský jazyk*. 375–384. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.
- Gajdoš and Konečný 2005 – Marián Gajdoš and Stanislav Konečný. Rusínska a ukrajinská menšina v národnostnej politike Slovenska po roku 1989. In: Štefan Šutaj (red.). *Národnostná politika na Slovensku po roku 1989*. Prešov: Universum.
- Gajdoš et al. 2001 – Marián Gajdoš et al. *Rusíni/Ukrajinci na Slovensku na konci 20. storočia. K vybraným výsledkom historicko-sociologického výskumu v roku 2000*. Prešov: Universum.
- Gerovskij 1934 – G. Gerovskij. *Jazyk Podkarpatské Rusi. Československá vlastivěda díl III Jazyk*. Praha.
- Hartl 1938 – A. Hartl. K jazykovým sporům na Podkarpatské Rusi. In: *Slovo a slovesnost. List pražského lingvistického kroužku IV*. Praha.
- Horoščak 1993 – Jaroslav Horoščak. *Peršyj lemківsko-pol'skij slovnyk/ Pierwszy słownik lemkowski-polski*. Legnica.
- Hryb 1994a – Jan Hryb. *Bukvar 'pro rusyňský dity*. Prešov: Rusínska obroda.
- Hryb 1994b – Jan Hryb. *Čitanka pro rusyňský dity*. Prešov: Rusínska obroda.
- Jabur 1996 – V. Jabur. K niektorým otázkam charakteristiky noriem rusínskeho jazyka na Slovensku. In: P. R. Magocsi (ed.). *A New Slavic Language is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia / Zrodila sa nový slovanský jazyk. Rusínsky spisovný jazyk na Slovensku*. New York: Columbia University Press, 43–53.
- Jabur 2000 – V. Jabur. Rusínsky jazyk na Slovensku: stav po kodifikácii a perspektívy rozvoja. In: J. Doruľa (red.). *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 190–205.

- Jabur and Paňko 1994 – Vasyľ Jabur and Jurij Paňko. *Pravyla rusyňskoho pravopysu*. Prešov: Rusínska obroda.
- Juraškova 2017 – T. Juraškova. Choču cholem pjatnadcjat' rusyňských škol. *InfoRusyn – Narodný novynký XIV* (26), 7, 8–9.
- Kerča and Sočka-Boržavyn 1992 – Ihor Kerča and Vasyľ Sočka-Boržavyn. *Rusyns'kýj jazyk: očerk kompleksnoji praktyčnoji gramatyky* (unpublished manuscript).
- Kerča 2005 – Ihor Kerča. III. Sociolingvistichnýj aspekt. *Pudkarpats'ka Rus'.* In: P. R. Magocsi (red.). *Rusyňskýj jazyk*. Opole: Uniwersytet Opolski - Instytut Filologii Polskiej, 319–329.
- Konečný 2000 – Stanislav Konečný. Rusíni na Slovensku a vývoj otázky ich spisovného jazyka. *Človek a spoločnosť. Štúdie a články*. www.saske.sk/cas/1-2000/konecny2.html.
- Konečný et al. 2002 – Stanislav Konečný et al. *Sebareflexia postavenia a vývoja Rusínov na Slovensku. Niektoré výsledky etnosociologického výskumu na severovýchodnom Slovensku v roku 2002*. Prešov: Róbert Vico-vydavateľstvo.
- Krajňak 1992a – František Krajňak. *Malýj grekokatolyckýj katechizm pro rusyňský dity*. Prešov: Rusínska obroda.
- Krajňak 1992b – František Krajňak. *Molytvenyk sv. ružancja*. Prešov: Rusínska obroda.
- Kraľova 2015 – Ľ. Kraľova. Večerni školý rusyňskoho jazyka pro d'ity i doroslych OZ Kolýsočka-Kolíška v 2015 roci. *Narodný novynký XXV12*, 1, 3.
- Legislatívny ráamec pre jazyky menšín v Slovenskej republike*.
<http://www.culture.gov.sk/umenie/ttny-jazyk/archv>.
- Magočij 2005 – Pavel R. Magočij. III. Sociolingvistichnýj aspekt. *Ameryka*. In: P. R. Magocsi (ed.). *Rusyňskýj jazyk*. Opole: Uniwersytet Opolski - Instytut Filologii Polskiej, 285–302.
- Magocsi 2005 – P. R. Magocsi (ed.). *Русинський язык*. Opole.
- Magocsi 1987 – P. R. Magocsi. *The Language Question among the Subcarpathian Rusyns*. Fairview, New Jersey.
- Magocsi 1994 – P. R. Magocsi. *Rusíni na Slovensku*. Prešov: Rusínska obroda.

- Magocsi 1996 – P. R. Magocsi. Rusínska jazyková otázka znova nastolená... In: P. R. Magocsi (ed.). *A New Slavic Language is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia / Zrodil sa nový slovanský jazyk. Rusínsky spisovný jazyk na Slovensku*. New York: Columbia University Press, 5–40.
- Magocsi 2002 – P. R. Magocsi. Krainiak Frantisek. In: P. R. Magocsi and I. Pop (eds.). *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto - Buffalo - London: University of Toronto Press, 242.
- Magocsi 2007 – P. R. Magocsi. *Národ znikadiaľ: ilustrovaná história karpatských Rusínov*. Prešov: Rusín a Ľudové noviny.
- Magocsi 2016 – P. R. Magocsi. *Chrbtom k horám: Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov*. Prešov: Universum.
- Magocsi and Pop 2005 – P. R. Magocsi and I. Pop (eds.). *Encyclopedia of Rusyn History and Culture* (2nd rev. ed.). Toronto: University of Toronto Press.
- Maľcovska 1994 – Marija Maľcovska. *Manna i oskomyna*. Prešov: Rusínska obroda.
- Paňkevič 1923 – I. Paňkevič. Jazyková otázka v Podkarpatské Rusi. In: J. Chmelař, S. Klíma, and J. Nečas (eds.). *Podkarpatská Rus*. Praha, 130–150.
- Paňko 1992 – Jurij Paňko. *Normý rusyňskoho pravopysu*. Prešov: Rusínska obroda.
- Paňko 1994a – J. Paňko. *Rusyňsko-rus'ko-ukrajiňsko-sloveňsko-pol'skŷj slovnyk lingvističnyh terminiv*. Prešov: Rusínska obroda.
- Paňko et al. 1994 – J. Paňko et al. *Orfografičnyj slovnyk rusyňskoho jazyka*. Prešov: Rusínska obroda.
- Petrovcij 1993 – Ivan Petrovcij. *Dialektarij, abož myla knyžočka rusyns'koji bysidŷ u viršach*. Užhorod.
- Pliškova 1999 – A. Pliškova. Sproba rozložŷty Rusyniv, abo... *Rusyn IX*, 3–4, 2–3.
- Plišková 2004 – A. Plišková. Rusínsky jazyk na Slovensku po roku 1989. In: Š. Šutaj (ed.). *Národy a národnosti. Stav výskumu po roku 1989 a jeho perspektívy*. Prešov: Universum, 198–203.
- Pliškova 2005 – A. Pliškova. III. Sociolingvistichnyj aspekt. Prjašivska Rus'. In: P. R. Magocsi (ed.). *Rusyňskŷj jazyk*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 331–348.

- Plišková 2006 – A. Plišková. *Spysovnýj jazyk karpatšských Rusyniv: problemy stanovliňa, kodifikaciji, akceptaciji i sfer funkcionovaňa*. [Dissertation.] Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava.
- Plišková 2008 – A. Plišková. Practical Spheres of the Rusyn Language in Slovakia. *Studia Slavica Hungarica* 53, 1, 95–115.
- Plišková 2009 – A. Plišková. *Language and National Identity: Rusyns South of the Carpathians*. New York: Columbia University Press.
- Plišková 2014a – A. Plišková. Karpatorusinizistika v kontexte dejín Prešovskej univerzity. In: P. Kónya (ed.). *Univerzita v kontexte zmien*. Prešov: Vydavateľstvo PU, 442–449.
- Plišková 2014b – A. Plišková. Rusínsky jazyk na Slovensku 20 rokov po kodifikácii. In: Andrej Sulitka and Uherek Zdeněk (eds.). *Praha a menšiny: Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Praze dne 4. prosince 2014*. Praha: Etnologický ústav AV ČR, v.v.i., ve spolupráci s Magistrátem hlavního města Prahy a Domem národnostních menšin, o.p.s., 103–123.
- Plišková 2015a – A. Plišková. Rusínsky jazyk v kontexte Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov. In: K. Koporová (ed.). *Rusínsky spisovný jazyk na Slovensku: 20. výročie kodifikácie*. Prešov: Prešovská univerzita - ÚRJK, 202–231.
- Plišková 2015b – A. Plišková. Prjašivska univerzita bude maty unikatnu Biblioteku karpatorusynistiký. *Rusyn XXV*, 1, 12–14.
- Plišková 2016a – A. Plišková. Rusínske masmédiá na Slovensku v kontexte Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov. In: K. Koporová (ed.). *Dynamické procesy v súčasnej slavistike*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 101–129.
- Plišková 2016b – A. Plišková. Mgr. Petro Krajňak – pedagog, rusyňskýj aktivista, politik. *Rusyn XXVI*, 2, 1–3.
- Report of the CSCE Meeting of Experts on National Minorities*. 1991. Geneva.
- Sabov 1923 – E. Sabov. Literárny jazyk Podkarpatské Rusi. In: J. Chmelář, S. Klíma, and J. Nečas (eds.). *Podkarpatská Rus*. Praha, 125–129.
- Štatistický úrad SR. <http://portal.statistics.sk/showdoc.do?docid=43829>
- Suchýj 1994 – Štefan Suchýj. *Rusyňskýj spivnyk*. Prešov: Rusínska obroda.
- Tichý 1938 – F. Tichý. *Vývoj současného spisovného jazyka na Podkarpatské Rusi*. Praha: Orbis.

- Timkovič 2006 – Jozafát V. Timkovič. *Rusíni na Slovensku v cirkevných dokumentoch, I. diel*. Užhorod: Vydavateľstvo V. Paďáka.
- Tolstoj 1996 – N. I. Tolstoj. Úvodom. In: P. R. Magocsi (ed.). *A New Slavic Language is Born. The Rusyn Literary Language of Slovakia / Zrodil sa nový slovanský jazyk. Rusínsky spisovný jazyk na Slovensku*. New York: Columbia University Press, xiii.
- Uličianska 2008 – Zuzana Uličianska. Teater sja verne k ukrajiňskomu jazýku. *Narodný novynký XVIII (17–20)*, 3.
- Vaňko 2000 – J. Vaňko. *The Language of Slovakia's Rusyns/Jazyk slovenských Rusínov*. New York.
- Vladimír Rus de juxta Hornad (J. V. Timkovič) 2004 – *Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatska (9.–18. storočie)*. Košice.
- Zozul'ak 2008 – Aleksander Zozul'ak. Teater A. Dukhnovicha po ukrajiňský bude hraty lem pro horstku Ľudej!? *Narodný novynký XVIII (17–20)*, 3–4.
- Бонкало 1941 – А. Бонкало. *Руський літературний языкъ*. Літературно-наукова бібліотека, 4, Унгарь.
- Верхратський 1899 – І. Верхратський. *Знадоби для пізнання угорско-руських говорів: 1. Записки Наукового товариства імені Шевченка*. XXVII. Львів.
- Верхратський 1901 – І. Верхратський. *Знадоби для пізнання угорско-руських говорів: 2. Записки Наукового товариства імені Шевченка*, XL. Львів.
- Волошин 1921 – А. Волошин. *О письменном языкеъ Подкарпатских Русинов*. Ужгород.
- Гусьнай 1921 – И. Гусьнай. *Языковий вопросъ въ Подкарпатской Руси*. Книгопечатня “Св. Николая” въ Пряшевѣ.
- Стрипській 1907 – Я. Стрипській. *Старша руська письменность на Угорщинѣ*. Ужгород.
- Стрипській 1924 – Я. Стрипській. *Гдѣ документи старшей исторіи Подкарпатской Руси?* Ужгород.
- Удвари 2000 – И. Удвари. *Образчики з історії пудкарпатських Русинув XVIII. столітія. Изглядованя з історії культури и языка*. Ужгород.

Францев 1931 – В. А. Францев. *Изъ истории борьбы за русскій литературный языкъ въ Подкарпатской Руси въ половинѣ XIX ст.* Прага.

Штець 1969 – М. Штець. *Літературна мова українців Закарпаття і Східної Словаччини.* Братислава.

Online resources

Nariadenie vlády Slovenskej republiky 534/2011 Z. z. z 19. decembra 2011, ktorým sa mení a dopĺňa nariadenie vlády Slovenskej republiky č. 221/1999 Z. z., ktorým sa vydáva zoznam obcí, v ktorých občania Slovenskej republiky patriaci k národnostnej menšine tvoria najmenej 20% obyvateľstva. Available online at:

https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2011/534/vyhlasene_znenie.html

Legislatívny rámec pre jazyky menšín v Slovenskej republike. Available online at. <http://www.culture.gov.sk/umenie/ttny-jazyk/archiv>
Výnos Ministerstva kultúry Slovenskej republiky z 29. apríla 2004 č. MK-480/2004-1 o poskytovaní dotácií v pôsobnosti Ministerstva kultúry Slovenskej republiky. Available online at:

http://old.culture.gov.sk/files/files/zvesti/zvesti5-6_04_web.pdf

Nová pracovná skupina na ministerstve sa bude venovať rozvoju výučby rusínskeho jazyka a kultúry. Available online at:

<https://www.minedu.sk/nova-pracovna-skupina-na-ministerstve-sa-bude-venovat-rozvoju-vyucby-rusinskeho-jazyka-a-kultury/>

Lemko Language, *Quo Vadis?* Current Issues in the Linguistics Field of Lemko Identity: Loss and Revitalisation

Olena Duć-Fajfer

The Rusyn language in Poland, mainly referred to as Lemko/Rusyn or Lemko, formed as the natural ethnolect of a community that has populated a region of the Carpathians between the Poprad and Oslawa rivers since at least the Middle Ages and has been under the identity and cultural influence of Eastern Christianity. The community's emancipatory model¹ of development and (self-)identification have been based in large part on the language determinant, which has in turn affected its development and status. The type and quality of its linguistic forms have obviously been determined by the type of culture (agricultural and pastoral), the landscape (mountainous), and form of civic life – that of a rural community that was mostly free of serfdom and generated a homegrown intelligentsia quite early on (between the 17th and 18th centuries), an intelligentsia that felt responsible for the fate of the nation and its identity (Duć-Fajfer 2013).

Thus, when nation-building processes began in Central Europe in the mid-19th century, the Beskid Region spoke out in its own language,

---

¹ Here I refer to the concept of language emancipation used by Leena Huss and Anna Riitta Lindgren (Huss and Lindgren 2011; Lindgren 2013). Generally, the emancipation model is understood here as one opposite to the assimilation model.

which was an attempt to understand and place its cultural space in a polyphonic Galicia (Duć-Fajfer 2015: 137–156). At the time, two voices had great influence on the development, status, and position of the Lemko/Rusyn language among other languages. The first one, from 1860, belonged to Aleksij Torońskij (Тороньскій 1860) and held that the Lemko language (and the entire culture for that matter) was “*испорчена*” (i.e., contaminated) by foreign influences, and that the model for Ruthenian speech was to be found in and around Kyiv. The opposing voice was that of Matwij Astrjab (Астрябъ 1871), who pointed to the proto-Slavic pedigree of the Lemko language as being ancient and independent of both Great Russian and Little Russian, and called for respect for both it and its speakers: simple Rusyn highlanders who had faithfully preserved their Rusyness.

As one may conclude, considering the current status of the Lemko/Rusyn language, Astrjab’s voice prevailed, though the language would be dogged by various forms of degradation and depression of its potential throughout the entire process of its development. Starting in 1911, when the bimonthly (and later weekly) periodical *Lemko* started publishing entirely in colloquial Lemko, motivating the entire enterprise also by its linguistic aspect (Duć-Fajfer 2011), we may observe the gradual emancipation of both the language and the awareness of the Lemko community. The Lemko language was taught in schools from 1934 to 1939, and then, after a period of forced assimilation and Ukrainization of Lemkos under Communism, also largely performed with the help of the language (Duć-Fajfer 2001), Lemko was granted minority language status in Poland. It bears emphasis that the road to said achievement was laid by extremely determined and consistent activism on the part of Lemko elites, who never gave up demanding language and identity-related rights for their community, even during the difficult post-resettlement period. An important factor, among others, was the development and publication of a normative grammar of the Lemko language (Chomiak and Fontański 2000).

The recognition of Lemko as a minority language with full rights took place nearly in parallel to other variations of Rusyn being granted minority-language status in other countries, the opening up of political

borders, and the democratisation of East-Central Europe.² All that provided an opportunity for various efforts to preserve and develop Rusyn as the language of the stateless community of Carpatho-Rusyns, of which Lemko/Rusyn is a variant. The most significant and strategically important decisions regarding the Rusyn language community have been made at the four World Congresses of the Rusyn Language that have taken place so far (cf. Копорова 2015: 3–7).

In Poland, the Lemko/Rusyn language is protected on the basis of both entries in the *European Charter for Regional or Minority Languages* (Europejska karta 1992), henceforth “Charter,” ratified by Poland in 2003 and the 6 January 2005 *Law on National and Ethnic Minorities and Regional Languages* (Ustawa 2005). On the basis of expert investigations into the implementation of the provisions of the Charter in individual states, the Lemko/Rusyn language has made it on the list of the seven minority languages in Poland with the widest range of needs and opportunities for use in the public sphere (Wicherkiewicz 2011a). Since 1991, the language has officially been taught at state schools as the mother tongue of Lemkos on the basis of parent-submitted statements. Every child is to have the opportunity to study their mother tongue; therefore, Lemko language lessons are held (three times a week) as soon as at least seven such statements have been submitted at a school. Should that threshold not be met, interschool instruction may be organized once three statements have been submitted (Rozporządzenie 2007). At present, the Lemko/Rusyn language is taught at 35 schools of all levels, from preschools to high schools. As of 2015, an estimated 281 children study it.³ This state of affairs has persisted for nearly 10 years, with the trend being one of modest growth in the number of schools and students (Pogorzała 2009). From 2001–2017, the Pedagogical University of Cracow offered Philology majors a course of study that aimed to train specialists in the Lemko language, its literature, and culture, who could

---

2 Except Ukraine, where Rusyn has not been accepted as a minority language until now, and former Yugoslavia, where the language of Vojvodina Rusyns in Yugoslavia has had a minority language status since the mid-twentieth century.

3 These are numbers published in the press based on the data journalists obtain from school districts.

become qualified teachers and overall Lemko Studies experts (Ватраль 2011).

Besides the field of education, the Lemko/Rusyn language is used in at least eight other functional fields: that of everyday life, art and literature, journalism, theater, associations, churches, advertising, and academia (Дуць-Файфер 2004). The most spectacular manifestations of the exercise of the rights minority languages are entitled to in Poland include the inclusion of Lemko place names on road signs in nine villages in the Lemko homeland, Lemko high-school final exams, and internet radio that has been broadcasting entirely in Lemko 24 hours a day since 2011.⁴ Said initiatives have been and continue to be carried out mainly by young people,⁵ who demonstrate a high degree of determination when it comes to emancipating their native culture, and its language especially. This is worthy of note because that is the generation that is already facing the question of how to make its way and what steps to take regarding the great paradoxes that have resulted in the current situation of the Lemko/Rusyn language being extremely ambivalent. After all, on the one hand it has achieved a position that is at least officially on equal footing with other minority languages, including Ukrainian, which has stereotypically been put forward as the literary language for the Lemko dialect. On the other hand, there is the obvious mere feigning so typical of Polish government agencies regarding most actions compelled by minority rights and the requirements of democracy. In effect, not only has state language policy repeatedly failed to protect and nurture; on the contrary, it has been suppressing and curtailing the development of minority languages (Duć-Fajfer 2015b).

The ongoing practice of putting Lemko in a position of subordination to or placement inside Ukrainian, contrary to its independent status, has

---

4 www.lem.fm

5 These are mostly city dwellers up to 35 years old, most of whom studied Lemko at school. Some of them are graduates or students of Lemko philology and have high linguistic and ethnic awareness. Most of them are Lemkos by origin, heritage speakers of Lemko. Some of them have connected with the Lemko language, such as Lemko language teachers, journalists, interpreters, and editors of Lemko publications.

been detrimental and damaging. An example can be seen in the fact that a Ukrainian song was used by a Polish government agency when experts from the Charter recommended it promote the Lemko language. Alongside the Lemko language, schools in the Lemko homeland tolerate a hybrid, ideological form of it: “Ukrainian with Fundamentals of the Lemko Dialect.” The independent and full-fledged status of the Lemko language is often denied on the basis of statements by pro-Ukrainian activists with an interest in its degradation. Also detrimental is the absence of the requirements that are normally imposed on all activities that demand language competency. As regards the Lemko language (and similarly to other minority languages), it is officially permitted for professional work to be carried out without verification of service-provider language proficiency and without evaluation of output linguistic quality. In grant systems, the lack of such evaluation often leads to a linguistically appalling final product that is in turn taken to argue that the Lemko language is of low-quality, in addition to discouraging its study and competent use. The greatest damage is done when the Lemko language is taught by people who are not only not well-versed in the subject matter, but also sometimes practically do not even know the language. It is a similar case when books and periodicals are published without being reviewed to assure their quality in terms of language and substance. Many more similar examples of efforts undertaken by both the state and the community could be given (Duć-Fajfer 2015b), but I had merely wanted to point out some trends without going into a more in-depth review of examples that illustrate them.

Meanwhile, I would like to draw attention to another functional aspect of language: the attitude towards it of its speakers themselves, i.e., those for whom Lemko is an actual or hypothetical⁶ mother tongue. In the interwar period, over 130,000 declared the Rusyn/Lemko language as their mother tongue on the 1931 census (Statystyka 1938). Meanwhile, today that number is 6,279 (Spis 2011), according to the most recent census in 2011. Also worthy of note is the fact that while the number of

---

6 That is, according to their origin, they could be Lemko speakers, but in reality they often do not use Lemko in everyday life as they would fit were their mother tongue.

speakers of the Lemko language was equal to the number of declared *Rusnaks*/Lemkos in 1931, nearly 1/3 of the 9,640 people declaring themselves to be of Lemko nationality today do not speak Lemko as a mother tongue. This is the statistically visible assimilation process that has also led to statistical analyses, which place Lemko among threatened languages, with a status between endangered and severely endangered (Wicherkiewicz 2011b). This means that the natural process of intergenerational language transmission is increasingly being lost, and the youngest generation of speakers is shrinking in number at a very fast pace, even though one may still encounter families in which Lemko is the exclusive language of communication, including with the youngest members (Wicherkiewicz 2011b).

Studies on language attitudes among Lemkos conducted by Olena Duć-Fajfer, Justyna Olko, and Anna Maślana (Ватраль 2016) have shown that assimilative processes encompass ethnic identity and language in parallel, though they do not always completely overlap. The discernible continuum of attitudes among Lemkos towards their mother tongue is quite broad, ranging from sacralisation to the highest degree (encountered mainly among poets, activists, and those actively involved in preserving and revitalizing the language) to complete denial of both the value of and need for using the Lemko language to any degree at all.

No direct correlation can be determined between language attitudes and parameters such as age, education, place of residence, gender profession, etc. After all, on the one hand, it would seem that environments closest to that of a traditional rural community would be most conducive to the use of the Lemko language, and it might be said that such was the case until recently. Perhaps, full-fledged family language transmission still does occur in such environments. On the other hand, however, exclusion of the youngest generation from the language community is apparent in the abovementioned environments. Yet, it had seemed until recently that the city, education, and social advancement were disconnecting Lemkos from their language and identity. Today, we see that it is indeed in the cities that a conscious and committed process is underway among the educated and socially well positioned to preserve and use the Lemko language in as many functional fields as possible. It is there that spectacular language-emancipation phenomena are coming

to fruition, and also there that it is not all that rare to encounter full and natural intergenerational transmission and use of the Lemko language among the youngest generation. As regards the generational aspect, increasingly often it is indeed young people who exhibit much greater determination to preserve and develop their Lemko mother tongue than their parents or even grandparents. After all, they are already a generation that came of age outside the shadow barrier that had created trauma and a feeling of inferiority. They are also the beneficiaries of Lemko language instruction in schools. Hence, their linguistic awareness and the tools available to them often put them at the forefront of active language work and attitudes. However, it obviously needs to be stated that this phenomenon pertains to only the small percentage who are most visible in the Lemko community.

If one were to speak of a correlation of some kind, one is seemingly observable (though not completely unambiguous) between loss of natural language transmission and the territorial factor. After all, one cannot fail to observe the fact that Lemko youth in the Lemko homeland (i.e., ethnically Lemko lands) communicate practically exclusively in Lemko at their get-togethers, dances, musical ensembles, and other various occasions when they gather. Indeed, it is the other way around among Lemko youth “in exile” in the lands people were resettled to, where the number of Lemkos is significantly larger than in the mountains. Among the youth there, one hears Polish spoken nearly exclusively. It bears emphasis that while most of the young participants of such gatherings know the Lemko language quite well and use it to address the elderly, they use Polish in peer environments. What is interesting is that though manifestation of attachment to Lemkones in terms of nationality may be observed in ethnic attitudes among the aforementioned youth, they lack linguistic consistency. Nor are there any applicants from the “lands of exile” who might opt for Lemko Language Studies at the Pedagogical University of Cracow, and, therefore, these lands lack professional teachers and Lemko language instruction is in much worse a state there than in the Lemko homeland.

However, the aforementioned processes are not unambiguous. After all, the years 2015 and 2016 saw the opening of two new places of Lemko-language instruction in the western lands of exile (a preschool

in Przemków and an elementary school in Raszówka). Though the instructors do not have Lemko Studies qualifications, they have expressed interest in broadening their competencies and striving for quality of instruction. Contrary to my prior observations, I have recently encountered changes in language attitudes among young people and their communicating in Lemko. Although that does not change the general trends mentioned above, it does testify to the possibility of overcoming one-way, downward dynamics in linguistic processes.

For reasons of assimilation and civilisation,⁷ the Lemko language is extremely hybridized in everyday use, often to a degree that it strongly resembles Polish in every linguistic segment.

In the case of Lemko, the assimilation to the dominant/official language natural to every minority language is being strengthened by three unique additional factors. The first is the dispersal and geographical scattering of the community resulting from the expulsions that took place from 1944 to 1946, and then Operation Vistula (1947). The second is the lack of an outside country where Lemko/Rusyn would be the dominant language and its condition be institutionally supported and protected. The third is the ideological diminishment of the status of the Lemko language and its being regarded as a dialect of the Ukrainian language that is not entitled to language rights or opportunities and lacks full linguistic potential.

Anti-assimilation measures have been underway ever since language awareness started forming among the Lemko intelligentsia, with the most significant being the emancipation of the Lemko language as the full-fledged mother tongue of Lemko/Rusyns . It is first and foremost literature that has played a large role here and performs perhaps the greatest function in revitalisation and emancipatory processes through the present day (Duć-Fajfer 2016; Watral 2014). Most of the spectacular initiatives mentioned above which helped Lemko achieve the status of being one of seven minority languages in Poland to which the widest

---

⁷ I am talking about civilization in Spengler's terms (O. Spengler, *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*, t. 1, Wien 1918, tom 2, München 1922), see Fromm about the consequences of such measures: E. Fromm (1951).

range of language rights are supposed to apply, are geared towards emancipation, meaning they stem from aspirations to develop as many functional fields of civic life as possible in Lemko's mother tongue.

Since emancipation is an obvious modus for preserving and developing endangered minority languages and regarded as natural, few realize its flipside. Emancipation takes place according to the dominant structures' principles of thought and operation, and is based on catching up to those who, having power (i.e., an army and a fleet), are the ones who set the standards. Regardless of various compensation mechanisms, emancipation will always lead to frustration and inferiority complexes regarding the mother tongue and culture, which can be seen as a primary assimilation factor. Aspiration to the standards of the majority a) deprives languages of their uniqueness and the inner cores that generate their entire cultural mechanisms, and b) puts minorities in the role of always playing catch-up to those who are in the lead and consider their way to be applicable to everyone, as well as in the role of accepting said centric thinking.

In the revitalisation efforts currently underway, advantage can be taken of the various strategies and tools⁸ available thanks to speaker know-how and determination, as well as the opportunities offered by today's age. Of significance are not only the technological feasibility and media opportunities created by online interactivity, for example (which has been underestimated, if only on account of the dispersal of the Lemko community), but also the shift in the direction of revitalisation-related thought whose beginnings are already apparent in the Lemko language and identity. The basis of this shift is indigenesness, i.e., the aforementioned unique cultural and mental core that is at the heart of the distinctness and self-existence of indigenous languages. Revitalisation efforts should reach that core, activate it, and simultaneously protect what may be referred to somewhat metaphorically as the language's secret and its secrecy. For example, unlike Polish, which uses deverbal

---

8 See, for example, the suggestions in Hinton (2001a, 2011b and 2013), Tsunoda (2005), Grenoble and Whaley (2006), Sallabank (2010), Baker (2011), Austin and Sallabank (2011), Grenoble (2013), Olthuis & Skutnabb-Kangas (2013) etc.

nouns often, the Lemko language uses verbs more often than deverbal nouns; the translation between these two systems is bound to be less than perfect. Categorisation and abstraction may serve as another example. The Lemko language tends to present multiplicity with the help of terms for individual, separate, concrete objects. That does not lend itself to translation with the help of collective terms available in Polish (as well as in other languages of highly-developed civilisations) : for example, Polish collective terms “parents,” “siblings,” can be only translated into Lemko as “mom and dad,” “brother and sister,” and so on. When such basic indigenous aspects of worldview get changed due to switching to Polish-language constructions, the heart of Lemko language worldview is lost, and one begins to think, see, and comprehend in Polish. Similarly acting linguistically traditional forms and ways of knowing not related to the rational and logical structures acquired through classroom education cannot be updated, restored, or used outside the unique context of one’s own language (Bergier 2016; Дуць-Файффер 2015с) .

A fair share of revitalisation efforts should be based on activating this core of the language . At the same time, the dialectical diversity still tangible today in the Lemko language should obviously not be lost either (as has occurred in normalized, standardized languages). Language instruction needs to be carried out in such a way that would allow students to understand that there is more than one correct form that can be used. Instruction must be holistic and congruent with the traditional model of the world, as well as unique and different from that of dominant-language instruction and dominant knowledge transmission (Bergier 2016) .

I agree to all the conditions pointed out by (Crystal 2000: 127–144) as important for the revitalisation of endangered minority languages. The increase in prestige of minority language among its speakers due to the increase in its prestige in the eyes of the dominant community, due to the acquisition of a broader spectrum of rights by this language, due to its stronger presence in the educational system, due to the creation and maintenance of its textual, written representation, due to its use in electronic technology would definitely be a way of its strengthening. The actual emancipation of the Lemko language is mostly going on along the lines proposed by Crystal. However, as I mentioned before, that is a

way of viewing the language through the power system dictated by the power centers, based on rational ideologies. It is often the case that when we compare the value of a mother tongue to the value of the dominant language, when a minority language starts to develop systems similar to the dominant language, becomes understandable, interesting due to its difference, and at the same time such that a person can identify with it due to its ease of usage. This is an especially great danger for the Lemko language as well (Duć-Fajfer 2017).

Recently, in minority language communities there is an increase in understanding of the importance of constructing the value of mother tongues in accordance not with their relative value compared to the dominant language, but only with the native traditions (Battiste and Henderson 2000; Kuokkanen 2005; Kovach 2009; Skutnabb-Kangas Dunbar 2010; Chacaby 2011). Such understanding increases also in the Lemko cultural environment.⁹ When one sees the young generation of Lemkos cultivate to a strong degree this feeling of independent value of their mother tongue and the awareness of their responsibility for its future, the destiny of the Lemko language cannot yet be said to be final. Placing the Lemko language among moribund languages does not seem to be a decision motivated by its actual condition.

This has been merely a random sample of trends in steps being taken towards revitalisation and the responsibility a portion of Lemko speakers have woken up to regarding the cultural wealth contained in the mother tongue that their ancestors have handed down to them. As we see that awareness of said responsibility is growing inside the younger generation of Lemkos, the fate of the Lemko language is not sealed. However, deciding to include it in revitalisation projects among languages that are being lost would not appear unsubstantiated or unwarranted by the condition it is currently in.

---

⁹ The examples of such thinking are immersion Lemko language programs introduced in the Pedagogic University in Kraków and in certain schools, the creation of an explanatory, not bilingual Lemko dictionary, the publishing of the series *Library of Lemko Classics*.

References

- Austin and Sallabank 2011 – Peter K. Austin Jullia Sallabank (eds.). *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Battiste and Henderson 2000 – Marie Battiste and James Youngblood (Sa'ke'j) Henderson. *Protecting Indigenous Knowledge and Heritage*. Saskatoon: Purich Publishing Ltd.
- Bergier 2016 – Aleksandra Bergier. *The Use of Traditional Knowledge in Indigenous Language and Culture Revitalization: Building Resiliency through Epistemic Abundance* (doctoral dissertation). University of Warsaw.
- Chacaby 2011 – Maya Chacaby. *Kipimoojikewin: Articulating Anishinaabe Pedagogy through Anishinaabemowin (Ojibwe Language) Revitalization*. Toronto: University of Toronto, M.A thesis.
- Chomiak and Fontański 2000 – Mirosława Chomiak and Henryk Fontański. *Gramatyka lemkiwskoho iazyka. Gramatyka języka lemковского*. Warszawa: Rutenika.
- Duć-Fajfer 2001 – Helena Duć-Fajfer. Być Łemkiem w PRL-u. In: Czesław Robotycki (ed.). *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego MCCXLVII. Prace Etnograficzne 36 PRL z pamięci*, 141–172.
- Duć-Fajfer 2011 – Helena Duć-Fajfer. Łemko (1911–1914) – czasopismo inicjujące okres nowoczesności w dziejach Łemkowyny. *Річник Руської Бурсы* 2011, 13–20.
- Duć-Fajfer 2013 – Helena Duć-Fajfer. Tożsamość narodowa i język Łemków w XIX i XX wieku. In Beata Machul-Telus (red.). *Łemkowie*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 29–60.
- Duć-Fajfer 2015a – Helena Duć-Fajfer. Allocating Identity – versus, against, above, in spite of: The Lemko Becoming in Galicja. In: Alina Molisak and Jagoda Wierzejska (eds.). *Galician Polyphony. Places and Voices*. Warsaw: Dom Wydawniczy Elipsa, 137–156.
- Duć-Fajfer 2015b – Helena Duć-Fajfer. Paternalizm unikowy, czyli jak radzić sobie z ustawowymi zobowiązaniami. In: Anita Adamczyk, Andrzej Sakson, and Cezary Trościak (red.). *Między łękiem a nadzieją. Dziesięć lat funkcjonowania ustawy o mniejszościach narodowych*

- i etnicznych oraz o języku regionalnym (2005–2015)*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe WNPiD UAM, 71–81.
- Duć-Fajfer 2015c – Helena Duć-Fajfer. Die schwierige Ethnogenese der lemckischen Gemeinschaft in Polen. In: Y. Kleinmann, and A. Rabus (eds.). *Aleksander Brückner revisited. Debatten um Polen und Polentum in Geschichte und Gegenwart*. Göttingen: Vallstein Verlag, 168–196.
- Duć-Fajfer 2016 – Helena Duć-Fajfer. Literatura a proces rozwoju i rewitalizacja tożsamości językowej na przykładzie literatury łemkowskiej. In: Justyna Olko, Tomasz Wicherkiewicz, and Robert Borges (eds.). *Integral Strategies for Language Revitalization*. Warszawa: Faculty of Artes Liberales, University of Warsaw, 174–220.
- Europejska karta 1992 – *Europejska karta języków regionalnych lub mniejszościowych 1992*. <http://mniejszosci.narodowe.mac.gov.pl/mnc/prawo/europejska-karta-jezyk> (accessed June 25, 2016).
- Fromm 1951 – Erich Fromm. *The Forgotten Language; an introduction to the understanding of dreams, fairy tales, and myths*. Reinhart.
- Kovach 2009 – Margaret Kovach. *Indigenous Methodologies: Characteristics, Conversations, and Contexts*. Toronto: University of Toronto Press.
- Kuokkanen 2005 – Rauna Kuokkanen. Láhi and attáldat: the philosophy of the Gift and Sami Education. *The Australian Journal of Indigenous Education* 34, 20–32.
- Pogorzała 2009 – Ewa Pogorzała. Nauczanie języka łemkowskiego w polskim systemie oświaty. In *Zborník príspevkov z vedeckej konferencie Forum Slavica 2009 v Nitre*. <http://docplayer.pl/6564921-Nauczanie-jezyka-lemkowskiego-w-polskim-systemie-oswiaty.html> (accessed June 27, 2016).
- Rozporządzenie 2007 – *Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z dnia 14 listopada 2007 r. w sprawie warunków i sposobu wykonywania przez przedszkola, szkoły i placówki publiczne zadań umożliwiających podtrzymywanie poczucia tożsamości narodowej, etnicznej i językowej uczniów należących do mniejszości narodowych i etnicznych oraz społeczności posługującej się językiem regionalnym (Dz. U. Nr 214, poz. 1579)*. http://www.dbg.vdg.pl/attachments/article/10/Rozporzadzenie_MEN_20071114.pdf (accessed June 27, 2016).

- Skutnabb-Kangas and Dunbar 2010 – Tove Skutnabb-Kangas and Robert Dunbar. Indigenous Children Education as linguistic Genocide and a Crime against Humanity? A Global view. *Gáldu Čála – Journal of Indigenous Peoples Rights 1*. Kautokeino: Resource Centre for the Rights of Indigenous Peoples.
- Spis 2011 – *Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2011. Podstawowe informacje o sytuacji demograficzno-społecznej ludności Polski oraz zasobach mieszkaniowych*. Opracowanie przygotowane na Kongres Demograficzny w dniach 22–23 marca 2012 r., Warszawa, marzec 2012 rok. http://stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/lu_nps2011_wyniki_nsp2011_22032012.pdf (accessed May 28, 2016).
- Statystyka 1938 – *Statystyka Polski 1938*. Warsaw. RP. 68: 32–45, 88: 26–35.
- Ustawa 2005 – *Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (Dz. U. Nr 17, poz. 141, z późn. zm.)*. <http://mniejszosci.narodowe.mac.gov.pl/mne/prawo/ustawa-o-mniejszosciac/6492,Ustawa-o-mniejszosciach-narodowych-i-etnicznych-oraz-o-jezyku-regionalnym.html> (accessed June 25, 2016).
- Watral 2016 – Marta Watral. Postawy względem języka łemkowskiego – wzór i jego realizacja/ Поста́вы вгля́дом лемкі́вського́ языка́ – взір і його́ реаліза́ція. In: Justyna Olko, Tomasz Wicherkiewicz, and Robert Borges (eds.). *Integral Strategies for Language Revitalization*, 221–260.
- Wicherkiewicz 2011a – Tomasz Wicherkiewicz. *Opinia nt. Raportu Komitetu Ekspertów Rady Europy ds. Europejskiej karty języków regionalnych lub mniejszościowych z początkowego cyklu monitorowania realizacji postanowień Karty w Polsce oraz zaleceń Komitetu Ekspertów w sprawie stosowania Karty przez Polskę z 7 grudnia 2011 r.* http://kaszebsko.com/uploads/Raport_Karty_PODSUMOWANIE_TWicherkiewicz.pdf (accessed June 25, 2016)
- Wicherkiewicz 2011b – Tomasz Wicherkiewicz. *Sytuacja językowa Łemków - stan, zagrożenia i postulaty*. <http://www.beskid-niski.pl/forum/viewtopic.php?t=3906> (accessed June 25, 2016).

- Астрябъ 1871 – Матвій Астрябъ. Кѡлька слѡвъ о лемковскѡй бесѣдѣ.
Учитель. Львовъ, 43–52.
- Ватраль 2011 – Марта Ватраль. Плекаючы русиньско-лемкѡвскѡй язык. *Рѣчник Руской Бурсы* 2011, 21–25.
- Ватраль 2014 – Марта Ватраль. Петра Муриякы лѣтературный програм вчыня лемкѡвскости. *Рѣчник Руской Бурсы* 2014, 133–143.
- Дуць-Файфер 2004 – Олена Дуць-Файфер. Соціолѡгвѣстѣчний аспект; Лемковина. В: Paul Robert Magocsi (ред.). *Русиньскѡй язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.
- Копорова 2015 – Кветослава Копорова. Вступне слово. В: Кветослава Копорова (ред.). *Русиньскѡй лѣтературный язык на Словакѣи 20 рокѡв кодѣфикацѣи. Зборник рефератѡв з IV. Мѣджѣнародного конгресу русиньскѡго языка*. Пряшѣвска унѣверзитѣ в Пряшовѣ – Инштѣтут русиньскѡго языка і културы, 3–7.
- Тороньскѣи 1860 – Алексѣи И. Тороньскѣи. Русины-Лемки. *Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860*. Львѡвѣ: Типомъ Ставропѣгѣйского Института, 389–428.

Post-1989 Publishing Activities of Rusyns in Their Mother Tongue (Periodicals and Non-Periodicals)

Kvetoslava Koporová

Introduction

The history of European peoples testifies that a pivotal element of origin, formation, and further existence of peoples is their language. The literary language of Rusyns in Central Europe has been in existence more than three hundred years, since the first Rusyn texts came into existence at the end of the 17th c.¹ Attempts to solve the question of literary language accompanying cultural and political life of Rusyns appeared

---

1 In the Kingdom of Hungary, immediately after the Rusyn Greek Catholic Church became autonomous from the Roman Catholic eparchy in Eger, ideas of enlightenment started being popularized, including the idea of developing literary activities. At the time of Joseph Decamillis as the bishop of Mukachevo, in Trnava, Slovakia, the first books for Carpathian Rusyns were published. They were religious books translated from Latin to the “Slavic language” by Decamillis himself. His catechism (*«Катхизисъ для науки оугрорускимъ людемъ зложенній»*) was published in 1698, followed by the primer (*«Букварь языка славенська писаній чтенія оучитися хотящимъ въ полезное руковоженіе»*) published in 1699 (Падяк, В. 2012. *Нарис історії карпаторусиньської літератури XVI. – XXI. стороча*. Пряшів: Сполук русиньських писателів Словеньска, 19).

at approximately the same time. The language issue was connected with the issue of Rusyn national identity.² The question resurfaced again at the end of the 20th c., when, after the Velvet Revolution in the former Communist block, the situation became favorable for the development of ethnic groups and minority peoples without countries of their own, and Rusyns used this situation to their benefit. In 1995 the Rusyn language in Slovakia was codified.³

Rusyns as a minority currently live in several countries: Ukraine, Slovakia, Poland, and Hungary; because of migrations, small communities of Rusyns live in Romania, Serbia, and Croatia, as well as outside Europe in the US and Canada. There are several versions of their language (Magocsi 2004). This volume officially proclaimed the Rusyn language as the fourth East Slavic language, along with Russian, Ukrainian, and Belarusian. In Part III of the volume, titled Sociolinguistic Aspect, authors from different Rusyn communities (Igor Kercha from Ukraine, Anna Plišková from Slovakia, Olena Duć-Fajfer from Poland, Gergely Benedek from Hungary, Mihajlo Fejsa from Serbia, and Paul Robert Magocsi from the US) discuss the spheres where Rusyn language varieties are used, including journalism, to which this article is dedicated. More precisely, I will write about current Rusyn journalism in Slovakia, its achievements and problems. The post-1989 publishing activities of Rusyns in their mother tongue are connected to the establishment of the Rusyn Revival (*Rusínska obroda*; 1990),⁴ the first Rusyn organisation within the then-Czechoslovak Federal Republic, albeit the publishing activities of Rusyns in their mother tongue had a much longer tradition. It

---

2 See Dulichenkob (1996: 3–15).

3 About the process of the formation of the Rusyn literary language and the beginning of its functioning in various spheres of cultural and societal life, see Plishkova (2009); Magocsi (1996); Vaňko (2007).

4 In the European and non-European context, the Rusyn Revival, however, became the fourth Rusyn organisation (alongside the Rusyn Association, 1983 in Minnesota; Stovaryšiňa Lemkiv, 1989 in Poland; and Obščestvo karpatskych Rusínov, February 1990 in Ukraine) in the modern history of Rusyns (as an autochthonous nation, living in its territory in the border regions of the present-day Ukraine, Slovakia, Poland, Romania, and Hungary), which historians named the third national revival.

dates back to the second half of the 19th century, i.e., the period of intense development of national movements throughout Europe, and is related to the establishment of national-revival organisations, such as *Литературное заведение пряшевское* (The Prešov Literary Institute; 1850–1856), *Общество Св. Василия Великаго* (The Society of St. Basil the Great, 1866–1872), *Общество св. Иоанна Крестителя* (The Society of St. John the Baptist, 1862–1874), or *Русское культурно-просвѣтительное общество имени Александра В. Духновича* (The Russian⁵ Cultural-Educational Society of Aleksander V. Dukhnovich, 1923–1948).

Thus, it is not unusual for the publishing activities of Rusyns after the Velvet Revolution to follow the traditions of former associations that were more or less favourable towards their national revival activities. A favourable national revival period also occurred after 1989, when Rusyns were given a new chance for their own existence. In the context of the past era and as a reaction to new opportunities given to minorities in modern Europe, other associations and organisations, alongside the Rusyn Revival, were gradually established, focusing their activities on publishing periodicals and non-periodicals in their mother tongue. The question arises whether the contemporary model for ethnic development is suitable in all its aspects and for all national minorities in those countries where they live, with regard to their specific historical developments. The paper focuses on the following:

1. Providing an overview of publication activities of the Rusyn minority living as a compact community predominantly in north-eastern Slovakia within individual associations which take the legal form of civic associations;
2. Pointing out the priorities which Rusyns set in the process of revitalisation after 1989 and comparing and contrasting them with the actual situation in their publishing activities;
3. Defining the positives as well as the negatives of the current model of allocation of finances for the development of the Rusyn

---

5 Russian – in this context meaning Rusyn. In the given period, the ethnonym “Russian” was used to denote (not only) Rusyn inhabitants of Greek-Catholic religion, as national identity was often substituted for confessional affiliation.

national minority in Slovakia by means of an analysis of projects focused on publishing activities submitted by individual civic associations (in the context of equal allocation of finances as well as the quality of individual project outcomes – periodicals and non-periodicals).

Media – Print Periodicals

In 1991, in accordance with the priority goals of the Rusyn Revival defined at its first, founding, assembly in Medzilaborce in March 1990, an editorial office for periodicals and non-periodicals was established, which started to publish a weekly *Народны новинкы* (National News) exclusively in Rusyn. This editorial office operated, as was mentioned above, within the Rusyn Revival, being the first pro-Rusyn organisation in the then-Czechoslovak Federal Republic and from 2004 to the present day. It has operated as an independent civic association *Русин і Народны новинкы* (Rusyn and People's Newspaper). Between 2000 and 2008, a quarterly for talented school children and youths titled *Русалка* (Fairy) was part of the weekly *Народны новинкы*. The role of the appendix *Поздравляня Русинов* (The Greetings of Rusyns)⁶ was to present the most recent works of belles-lettres in Rusyn by adult authors. Due to a lack of finances, both appendices were issued only occasionally (when the publisher managed to find enough funds).⁷ The editorial office, as is suggested by the association title *Русин і Народны новинкы*, also issues a cultural-religious magazine with a Christian orientation – the bimonthly *Русин* (Rusyn). In 2006, this magazine was published by the World Congress of Rusyns in spite of the fact that it was still prepared

---

6 The title copies the first Rusyn almanac of the period, published by Литературное заведение Пряшевское: *Поздравление Русинов на год 1851*. Apart from other things, the almanac focused on publishing literary efforts (predominantly religious poetry) of the then Rusyn national intelligentsia and was issued by the Rusyn national revivalist and Greek-Catholic priest Aleksander Dukhnovich.

7 The greatest state support for these Rusyn periodicals (as the only ones of their kind) was recorded between 1991 and 1994, which is why, in this period, the newspaper could be regularly published as a weekly and the magazine as a monthly, i.e., in accordance with the terms of their registration.

by the same editorial team.⁸ Due to a lack of finances for the publishing of *Народны новинкы*, the literary appendix *Поздравліня Русинів* has, since 2016, been included in the bimonthly *Русин*. Apart from these two periodicals, providing service for the Rusyn media world, another newspaper started to be issued in 2004 – the monthly *InfoРУСИИ* (InfoRUSYN), whose publisher is the Rusyn Revival in Slovakia. The addition of this new periodical to the media market did not, however, generate an appropriate increase in finances or in quality in comparison to the existing periodicals. On the contrary, the constantly decreasing amount of finances for the first two periodicals was only further subdivided, favouring *InfoРУСИИ*. This means that not only did Rusyns not acquire finances for the new periodical, but its birth was also the outcome of conflicts between the Rusyn Revival and the editor-in-chief of the weekly *Народны новинкы*. This fact is also confirmed by the first issue of *InfoРУСИИ*, where the reader finds out that the newspaper started to be issued by the Rusyn Revival because of dissatisfaction with the content of the weekly *Народны новинкы*, as it did not pay sufficient attention to such materials which would provide information about the activities of the Rusyn Revival.⁹

Characteristics and content of periodicals

Despite a significantly different financial situation compared to that at the start of publishing *Народны новинкы*, the editorial office has been issuing this periodical until the present day with no reduction in the level of quality; nevertheless, after many years of restricted funding, its frequency has decreased and, since 2011, the newspaper has been issued

---

8 This was a team of editors who, after their contracts with the pro-Ukrainian weekly *Nove žytt'a* (*New Life*) were terminated, started publishing the weekly *Народны новинкы* and magazine *Русин*. These two periodicals are still issued today.

9 See the introductory material by the author Anna Kuzmiaková, the then-Chair of the Rusyn Revival in Slovakia, who, at the same time, deputised as editor-in-chief of the monthly (earlier, an editor of the weekly *Народны новинкы*): *Зачінаме*. In: *InfoРУСИИ* č. 1/2004, p. 1.

monthly (in contrast to *InfoPVCИH*, whose frequency, paradoxically, with a decrease in quality, changed in 2008 from monthly to biweekly). As the deputy editor-in-chief and copy editor Anna Plišková stated, since the very start of its existence, the editorial office has considered supporting and mobilising the cultural and national life of Rusyns in Slovakia and enhancing the formation of a nationally aware young generation of Rusyns by means of a normative language as its priority.¹⁰ That is why since its birth, *Народны новинкы* has been the one and only Rusyn-language periodical in which discussions have been held on nationality, religion, education, and literature, as well as topics related to the everyday life of Rusyns. The newspaper also provides space for linguistic topics, on which readers and academics as well as the broader lay public can comment. The views on contemporary standard language (questions and comments) are, consequently, dealt with by the Linguistic committee, operating at the Institute of Rusyn Language and Literature, University of Prešov.¹¹ In contrast, *Русин* is a cultural and Christian magazine with an interregional focus, which means that it provides space for a broad spectrum of issues affecting Rusyns in all countries of the Carpathian area (Slovakia, Ukraine, Poland, Hungary, Serbia, Romania, and Croatia), also encompassing the Czech Republic, Germany, Russia, the USA, and Canada. Apart from ethnic topics, the magazine also deals with issues of Rusyn literature and the religious life of Rusyns; in its layout, there is also a section on fine arts and museum studies (dedicated to Andy Warhol and the Museum of Modern Art in Medzilaborce). The published material reflects the academic, or scientific, character of the magazine, which bears witness to the editorship's ambition to, in this way,

---

10 Anna Plišková is also a professional linguist who was present at the birth of and is still actively involved in the process of the cultivation of the standardized Rusyn language in Slovakia. As a university lecturer, she forms the young generation for the needs of pedagogical practice in national education by means of the teacher-training study programme in Rusyn language and literature at the Institute of Rusyn Language and Literature, University of Prešov.

11 The readers' (as professional users of Rusyn normative language, linguists, as well as the general public) responses were a stimulus to revise and amend the language norm adopted in 1995. See Ябур – Плішкова (2005).

fill the absence of a specialised academic magazine focused on national as well as international Rusyn historical, literary, and sociolinguistic issues.

As mentioned above, in 2004, the Rusyn media world was augmented by a new monthly (since 2008 a biweekly), issued by the Rusyn Revival in Prešov – *InfoPVCИH*. Although each new periodical in Rusyn should be considered a success of the post-1989 revitalisation process, the monthly *InfoPVCИH*, in conflict with the fundamental mission of its publisher defined in the statute of the Rusyn Revival in Slovakia (to use the mother tongue in order to revive the Rusyn nationality), unexpectedly started to publish in some of its issues, as much as 40 percent of its material in Slovak (Plišková 2006), which could be considered a competitive way of attracting the attention of those readers who had subscribed to *Народны новинкы*. Over time it became obvious that the periodical had abandoned Slovak (certainly, also as a result of negative reactions from the readers, as well as criticism from the Institute of Rusyn Language and Culture at the University of Prešov) and, at present, publishes a great majority of texts in Rusyn. Concerning the content of the periodical in question, as is implied by its title, the publisher's goal is to provide information on current activities of the Rusyn national movement (predominantly those of the Rusyn Revival in Slovakia), publish annual reports from individual assemblies of the Rusyn Revival, and also informative materials regarding other civic associations, profiles of Rusyn personalities on their anniversaries (the column "Rusyn celebrities"), information from the region (the column "Our village"), the schedule of national-ethnic broadcasting on the RTVS channel, as well as the calendar of performances at the Aleksander Dukhnovich Theatre in Prešov. Moreover, the newspaper provides space dedicated for child readers – games, riddles, poetry for young learners, etc. *InfoPVCИH* contains a great amount of information which reflects the cultural-social life of Rusyns in Slovakia; however, analytical material of a more profound character is lacking from this periodical. It can be stated that, by its structure and content, *InfoPVCИH* resembles the pre-November model of the former Cultural Association of Ukrainian Workers in Prešov, which published the Ukrainian-language newspaper *Нове життя/Нове жыт'я* (which also provided information

on the events and the cultural-social life of Rusyns; however, only in Ukrainian and without any self-critique; this periodical is still issued today for the Ukrainian ethnic community in Slovakia as well as those Rusyns who have adopted a Ukrainian national identity). From the above characteristics, it follows that *InfoРУСИИ* can be considered a periodical (alongside print information media) aimed at the older generation, who prefer its classical – printed – form, or do not have access to the internet. Although in the most recent issues (after 2014, when the administration of the Rusyn Revival changed), an increase in the quality of materials published has been recorded, *InfoРУСИИ* still plays the role of a mere auxiliary medium in the Rusyn revitalisation process in Slovakia by its content as well as the quality of individual contributions. With regard to the unfavourable financial situation, Rusyn leaders are considering merging *InfoРУСИИ* and *Народны новинкы*, which would enable an increase in the frequency as well as the quality of the content.

Non-Periodicals

Non-periodicals are publications of scholarly or popular-academic literature about Rusyns, as well as publications issued in the process leading up to the codification of the standard Rusyn language, which was one of the priorities defined by the Rusyn Revival at its first assembly on March 25, 1990 in Medzilaborce¹² (*Ortografické pravidlá* [Orthographic Rules]; 1994, *Ortografický slovník* [Orthographic dictionary]; 1994, *Slovník lingvistických termínov* [Dictionary of Orthographic Terminology]; 1994 and others). There were also the first attempts to publish belles-lettres in the mother tongue of Rusyns (first, within the literary appendices of *Русалка* and *Поздравління Русинів*), later issued as self-contained collections of poetry and prose. The first recorded publication was a popular-academic book *Мирна наша русинська путь* (Our Peaceful Rusyn Way; the Rusyn Revival within the editorship of *Русин і Народны новинкы*, Prešov: 1992). It was published in Rusyn and Slovak as well as in English. The editorship of *Русин і Народны новинкы*, first, as part of the Rusyn Revival, and as an independent civic association

---

12 See Koporová (2008: 49–50)

since 2004, has prepared more than 120 publications for press (apart from belles-lettres and popular-academic literature, also Rusyn language and literature textbooks). Besides the publisher mentioned above who, as proved by the number of publications, has had the longest tradition and the most publishing experience, further associations and organisations with publishing ambitions have appeared in the Rusyn world. Apart from the Rusyn Revival mentioned above, non-periodicals are also issued by the following associations and societies: Spolok rusínskych spisovateľov Slovenska (The Association of Rusyn Writers in Slovakia), Združenie inteligencie Rusínov Slovenska (ZIRS, The Association of Rusyn Intelligentsia in Slovakia), and Spolok Rusínov Spiša (The Spiš Society of Rusyns) with its occasional publishing activities. Among the most recent are the civic association *tota agentura* (That Agency), the civic association Кольсочка-Коліска (The Cradle) and some other civic associations, as well as the Museum of Ruthenian Culture in Prešov (as part of the Slovak National Museum)¹³ and other independent organisations.¹⁴ These rather numerous publishers pursue their activities on the basis of projects under the auspices of the Slovak Ministry of Culture, and since 2011, by the Department for Ethnic Culture in the Slovak Government Office.¹⁵

---

13 In 2010, the museum issued a children's magazine *Bobrunka/Babarunka* (Ladybug), which, however, ceased to exist after this period..

14 For several years, the following authors have been publishing their own works at their own expense: Jozef Kudzej, Helena Gicová-Micovčinová, Štefan Smolej, and, more recently, Kveta Morochovičová Cvik, František Dancák and others.

15 Apart from the above organisations, publishing activities in the Rusyn linguistic world (in Cyrillic, or the Latin graphic system) are also pursued by both Eastern-rite churches – Greek-Catholic (by means of the association Obščestvo sv. Joana Krestiteľa [St. John the Baptist Society] issuing the monthly magazine *Artos*, as well as *Grekokatolyckýj rusynskýj kalendar'*; the Order of St. Basil the Great publishes the monthly *Blahovistnik/ Благовѣстник*); the Orthodox youth issues a magazine, *Истина (Istyna)*, which, however, apart from its title in Church Slavonic, uses Slovak and the Latin graphic system.

The Language of the Publications

Naturally, all those who publish in Rusyn should accept the codified standard Rusyn language established in 1995 as the language norm. It is, however, surprising that some publishers do not respect it, which results in linguistic confusion, especially as perceived by the readers,¹⁶ not to mention teachers of Rusyn and students studying the Rusyn language in teacher-training programmes at the University of Prešov. The Institute of Rusyn Language and Culture, University of Prešov (as the highest institution cultivating the language norm and guaranteeing its maintenance) has issued several academic works analysing violations of the standard language norm;¹⁷ it keeps pointing the issue out by means of a series of linguistic tutorials issued in *Народны новинкы*, as well as in linguistic spots within ethnic broadcasts on Radio Patria, as well as internet FM radio for Rusyns. In order to sum up the violations of the language norm by individual publishers, it could be stated that the civic associations in question who consult with, or have their materials to be published proofread by professionals, do not make significant mistakes or violate the language norm (also with regard to its revisions and amendments adopted in 2005, ten years after the codification). What is shocking, however, is the fact that it is the Rusyn Revival in Slovakia (or its individual members who are, at the same time, copyeditors of some non-periodicals) which respects neither the language norm adopted in 1995 – of which it was a supervisor – nor the revisions and amendments adopted in 2005. Based on an analysis of the number of cases when the language norm was violated, especially in publications issued by the Rusyn Revival in Slovakia as well as some other publishers (edited by a member of the Rusyn Revival, such as The Spiš Society of Rusyns), it can be stated that the publisher (or copyeditors of the periodical *InfoРусин*, as well as editors of non-periodicals issued by the Rusyn Revival) have not identified with the following:

---

16 Cf. the following material: Крайняк (2014: 3).

17 In 2007, a self-standing almanac *Jazyková kultúra a jazyková norma v rusínskom jazyku (Rusyn Language Culture and Norms)* was even issued. See Plišková (2007). See also Jabur (2008), Zozuľak (2008).

1. The grapheme ě [jo], instead of which they use ъо (soft sign + o) normally used in Ukrainian orthography.
2. The grapheme ĭ ['i] which indicates the softening of the preceding consonant.

It seems that the use of the above graphemes in the standard Rusyn language needs re-evaluating. The inconsistency in the orthographic norm was also a leading topic at the 4th International Congress of the Rusyn Language September 23–25, 2015, commemorating the 20th anniversary of the codification of the Rusyn language in Slovakia.¹⁸

Conclusions: Projects: Yes or No?

The problems in Rusyn publishing activities within projects have several aspects. To compare the contemporary situation with that prior to November 1989, it must be said that the position of Rusyns as a minority living in the Slovak Republic has not improved, but has become worse. Apart from the A. Dukhnovich Theatre in Prešov as a professional institution,¹⁹ the socio-cultural needs of Rusyns are only fulfilled at the level of volunteer activity. In practice, this means that while in the past (during the socialist era) Rusyns (then Ukrainians) had a well-functioning structure of professional employees (in the area of culture and education, editorship of periodical and non-periodical national press, as well as a full structure of services – photographers, drivers, means of transport, premises, technology, etc.), at present, with the exception of the period from the 1990s until 2004, all publishing activities are based on projects, which means there is no opportunity to employ a professional from the above areas. This causes problems in the allocation of finances assigned for the development of Rusyn culture (unfortunately, in favour of folklore

---

18 From the congress, the following almanac of papers was issued: *Русинський літературний язык на Словакії (20 років кодифікації)/The Rusyn literary language in Slovakia (20th anniversary of its codification)*. See Koporová (2015).

19 In spite of the fact that in 2008, following repeated urgent requests by Rusyns, the Museum of Ruthenian Culture was established in Prešov, it does not employ a single professional historian specialising in museology.

festivals, organised by the Rusyn Revival, which are also held as part of projects; therefore, with regard to the most recent government regulations in the area of taxation of part-time contracts, a great amount of finances are ‘eaten up’, that is, consequently, paid back as taxes to the State Treasury).

Moreover, an increase in the number of civic associations in the Rusyn national context cannot be ignored; these are established purposefully with the aim of receiving financing, in particular also for publishing, or any project that could be approved regardless of its contribution to the development of the Rusyn ethnic community in Slovakia. These civic associations are primarily established in north-eastern Slovakia, which is the region known for the highest unemployment within the Slovak Republic.

Based on the above facts it seems that such a model for allocating finances to Rusyns is not satisfactory since it does not make publishing activities possible at a professional level. In most cases, this publishing is done by amateurs – volunteer nationalist enthusiasts who do it alongside their main jobs; at the same time, a great number of young people, or graduates of the study programme “Rusyn language and culture,” leave their region, where they could find work as professionals in the area of Rusyn language, and instead, accept any job to avoid unemployment. Moreover, project-based activities cannot be regulated in any way (in the sense of quality improvement, adherence to the language norm, etc.), as there is no adequate monitoring mechanism in place overseeing the quality of project realisation. The Rusyn minority is, apart from other things, specific in not having its own country which would meet its socio-cultural needs, as opposed to other nationalities living in the Slovak Republic, which is why its needs should be fulfilled in different ways from those applied to nationalities which have their own states.

In the context of contemporary priorities, defined at the Rusyn Round Table discussion group established in November 2012, it could be expected that, in the allocation of funds intended for the development of the Rusyn ethnic minority in Slovakia, significant changes will take place. At one of its sessions in Prešov, the Rusyn Round Table declared that media (including print media), publishing activities and education would be priorities for Rusyns.²⁰ In any case, Rusyn leaders should

---

20 By voting Ing. Milan Mňahončák the new Chair of the Rusyn Revival

strive for employment opportunities for Rusyns in those areas which they defined as priority, while the contemporary model of financing (projects) would only function as a supportive mechanism, complementing, or assisting in, financing activities realised by professionals from the areas of education, media, and non-periodical publishing. Only time will tell whether the leaders of the Rusyn movement are strong enough to actually pursue all of this.

References

- Dulichenko 1996 – Aleksander Duličenko. Carpatho-Rusyn in the context of regional literary languages of the contemporary Slavic world. In: Paul R. Magocsi (ed.). *A New Slavic Language Is Born*. New York: Columbia University Press, 3–15.
- Jabur 2008 – Vasyl' Jabur. Ortografičny problemy i korekciji v rusyňskim jazyku na Slovakiji. In: Anna Plišková (ed.). *Rusyňskij jazyk medži dvoma kongresamy*. Prjašiv.
- Koporová 2008 – Kvetoslava Koporová. Spolky a organizácie v rusínskom národnom hnutí: tradície a súčasnosť. In: Anna Plišková (ed.). *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989*. Prešovská univerzita v Prešove – Ústav rusínskeho jazyka a kultúry.
- Koporová (ed.) 2015 – Kvetoslava Koporová. *Русинський літературний язык на Словакії (20 років кодифікації)/The Rusyn literary language in Slovakia (20th anniversary of its codification)*. Prešov: Prešovská univerzita – Inštitút rusínskeho jazyka a kultúry.
- Magocsi 1996 – Paul Robert Magocsi. *A New Slavic Language Is Born*. New York: Columbia University Press.

(at its 12th assembly on May 17, 2014), this organisation, consequently, became a member of the discussion group Rusyn Round Table, implying an improvement in communication, and, mainly, in the pursuit of programme and priority goals, from which the organisation had digressed in recent years. The situation in the Rusyn Revival, however, turned out to be much more complicated, which is why, after a year in his position, Ing. Mňahončák resigned. At present, Ing. Martin Karaš, a young Rusyn activist, is the new Chair.

- Magocsi 2004 – Paul Robert Magocsi. *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык*. Opole: Uniwersytet Opolski.
- Plišková 2006 – Anna Plišková. *Списовный язык карпатыских Русинів: проблемы становлення, кодифікації, акцентації і сфер функціонування*. Dissertation thesis. Bratislava: Slovak Academy of Science – The Ján Stanislav Institute of Slavic Studies 78.
- Plišková (ed.) 2007 – Anna Plišková. *Jazyková kultura a jazyková norma v rusínskom jazyku/Языкова культура і языкова норма в русинському языкy*. Prešov: Prešovská univerzita, Ústav regionálnych a národnostných štúdií.
- Plishkova 2009 – Anna Plishkova. *Language and National identity: Rusyns South of the Carpatians*. New York: Columbia University Press/East European Monographs.
- Vaňko 2007 – Juraj Vaňko. The Rusyn Language in Slovakia: Between a Rock and a Hard Place. *International Journal of the Sociology of Language* 183.
- Zozuľak 2008 – Alexander Zozuľak. Akceptácia normativnosti v rusyňskij publicistici na Sloveňsku. In: Anna Plišková (ed.). *Rusyňskij jazyk medzi dvoma kongresamy*. Prjašiv.
- Крайняк 2014 – О. Франтішек Крайняк. Наш літературный язык у практиці. *Народны новинкы novembra 2014*. Культурно-сполоченьскый місячник Русинів СР z 5.
- Ябур – Плішкова 2005 – Василь Ябур, Анна Плішкова. *Русинський язык у зеркалі нових правил про основны і середні школы з навчанням русинського языка*. Пряшів: Русин і народны новинкы.

On Line Resources

Русин, культурно-христіанський часопис. 2012, 2013, 2014, 2015, 2016. www.rusynacademy.sk

č. 24, ročník V.
december 2008

Cena 10,-Sk

INFO РУСИН

INFORMAČNÝ DVOTÝŽDENNÍK RUSINOV SLOVENSKA
INFORMAČNÝ DVOJTYŽDENNÍK RUSINOV SLOVENSKA

3 ОБСЯГУ

Стріча старых Піддулянців	5
Проф. Р. Магочі на засіданні в РОС	6
Нове оцініня Владыку Гойдича	7
Пряшівський Віфлємський вечір	8

Дорогі Русини і наші симпатизанти

Світло, котре пришло медкі нас в подобі Роджественных свят, освітлює душы і серця нас вшыткых силніше, главні тепер в часі свят і з приходом Нового року. Вшыто наоколо є красне і миліше. Істо кажды мать скушеность з тым, як барз ся нам жадає тото Роджественне світло, а то нелем через свята, але і про наш далшый особный, родинный і сполоченський жывоєт. Не даіме ся стянугти до комерчного колочоту, жебы сьме ся двіма старостями не охудобили о душевный замкток такого теплого і душамилівога світла. При желанях ці планов до Нового року не майме великы очі, бо потім є заримток о вельо векшій. Не прожуйме свою щедрость лем через свята, але і цілий Новый рік, бо дорогыма дарунками свос боляче сумліня не вылічме. Рік 2008 был і про Русинів як і русиньскы організації досправды богатим на культурны, освітні, церковны і іншы акції. Одбыло ся много визначных фактів, які ся записали до історії Русинів, написало ся

Щастливый Новый рік 2009 цілий русиньскій родині

много статей о актівах Русинів. Сьме горды нато, же майоріта Словенской републикы узнавать Русинів за народностну меншыну і неоуділіну часть нашого штату. Вшытны на кінці єдноє і зачатку другого року ся глуше задумуєме і біланцуєме, што доброго, але і планово нам приніс старый рік. Но як уж є давным звыком при желанях до Нового року, з надійєв вірме в ліпшы часы того наступаючого року. Про нас Русинів буде тот Новый рік істо о вельо ліпшій і в тім, кідь не будеме забывати на наше глубое русиньське корія. Бо кедь ся дахто зрікать своіого корія, генезы, тра-

діцій, минулости і континуіты, ці уж іде о народ або особу, кедь сй не знаєть, ці не хочє знати - зрікать ся тым нелем своіой сучастности, але і будуčnosti яка нас чекає в наступаючым році 2009.

До Нового рока нам жєлаєме, жебы сьте нашлі фурт тоту найліпшу дорогу, жебы сьте не блудили в тмі, але через світло, котре є меджі нами, нашлі оправдіву правду. Бо лем правда понукать слободу чоловіка. Нашов правдов є, же сьме Русини і надале будеме і же при найблжішій зраховано люоєд, котре є за дверями, на то не забудеме. Най ся у Ноеім році зміцнїть у вшыткых нас пе-

ресвідчєня і цінность ідентічности, історії, прямованя і духовных цінностей нашого русиньского корія. Цілий русиньскій родині вінчуєме най ся Роджественна атмосфера світла перенесе до цілого Нового рока. Жєлаєме вам, жебы манжєлє жыли в любви і порозумліно, жебы родині мали радость зо своіх дітєй а дітє ся радовали з любви своіх родичів. Бо лем любов робить люоєд щастливима, щастя зась додавать силу а лем сила нам поможе ієювати зо здравлем, котре істо многим з нас хыбить.

Велике ДЯКУЄМЕ за старым роком належть вшыткым словенським Русинам, дописователям, читателям, добровольным помічникам, симпатизантам Русинів, братам Русинам в іншых штатах і вам вшыткым, котры сьте ся активно поділяли при обріджїно нашо сполочного діла на хосно і благо вшыткых Русинів Словенська.

За Выкыной выбор Русиньскій обріджї на Словенську вам іщі раз вінчуємо выдареный Новый рік до „русинства“ по цілий рік.

Сілавя Лісїнова

Пріорітї діятельства РОС на 2009 рік

На основі 10. Сейму РОС і зміны Станов РОС на далшый період діятельства РОС, ВВ РОС на своіх децембровых засіданнях обговорив і схвалив главны пріорітї організації на 2009 рік. Меджі них належть - **Посиління містных організації РОС і їх фінанчне забезпечєня.** Главні ліпшоє пропалаціє МО в окремых реґіонах, збогачіньом культурного жывоєта в окремых організації через інтензіваціє стрічі Русин реґіону, бісіды, балы і освітні акції. Забезпечтї фінанці на актівах МО через централны акції як: Русиньскы клубовы вечеры, Дні русиньскых традицій, Віфлємскы вечеры. Зо спомянутых централных акцій РОС кажды

ход каждой організації. На актівах МО будуть жаданы фінанці і з містных грантів. Вытворити **інформачно-пропалачны табылы** о актівах МО. РОС і РОС на видітельных місцях. **Дорішты організованя централных акцій зо заміряньом на розвой вшыткых жанрів культуры і їх пропалацію до тых областей, де жыють Русини.** Буде потрібне дорішты проблематку ексїстуючїх централных акцій і вытворіня новых. Цілословенський конкурс **Співы мого роду** преорієнтовати на лувовый фєтєвал, бо у 2009 році ся буде організовати у Староліобованьскім і Бардіювскім реґіоні. Треба добудувати організаційный штаб, найліпше з

мав далше якістне продовжованя і жебы го не забезпечовав лем еден чоловік. Декламаторський конкурс - **Духовнічів Пряшів** розшырити о категорію народных

розповідачів і модераторів. Вітязї у тых категоріях будуть участниками Філіярської ноты - фєстивалу гумору і сатїры. **Філіярську**

► с. 2

ФЕДОР ВІДО – ІЛЬКО СОВА З БАУСОВА

Magazine *InfoРусин* (first issue in 2005). Note the combination of Latin and Cyrillic in the title.

НН. інфо РУСИН

Народны новинкы Русинів Словакії

Ч. 1–2 2017 | річник XIV (26)

факты | культура | історія
актуалны інформації
о Русинах а не лем про Русинів
ціна 0,50 €

Словацька влада занимала ся меншыновыма языками

Влада Словацькой републіки на своїм засіданню 11-го януара 2017-го року схвалила інформацію о стані хоснованя языків народностных меншын на території Словацькой републіки за період років 2015 і 2016. Уповномочений про народностны меншыны і етнічны групи ся день по тім стрітнув із міністром транспорту, жебы рішыти двоязычны означіня на желізіці.

З домова

Нова книжка Ш. Сухого

Із нашой історії

Православіє: Проблем юридикції

с. 7

с. 10

Петро Медвідь

Передкладана інформація, котру приготував Уряд влади Словацькой републіки із Урядом уповномоченого Словацькой републіки про народностны меншыны і етнічны групи, мапує період років 2015 і 2016 і сумарізує внутродержавны легіслативны рамки хоснованя языків

В Пряшові представили лого ку Року Адолфа Добрянського

28-го децембра 2016-го року, на 11.00 год. скликав до просторів Сло-

Starting January 1, 2017, *Народны новинкы* transferred the copyright to the magazine *InfoРусин* hoping for an improvement of quality, and most importantly, for the upholding of the correct codified norm which *Русиньска оброда*, the warrantor of codification in 1995, could not uphold. Unfortunately, however, the front page, which also serves as the background on the Facebook profile of the chief editor, Petr Medvid, does not testify to much success in this area. At the last meeting with the members of the Society *Русин і Народны новинкы* in December 2016 at the Institute of the Rusyn Language and Culture in Prešov University, Martin Karaš, the current Chairman of the Rusyn Society in Slovakia, promised that he would do everything in the question of language norm to ensure stability and uniformity across the Rusyn publishers in Slovakia.

The Emancipation of the Lemko Language in the Context of Language Ideologies of Lemko Ethnic Activists

Ewa Michna

There are many forms of language emancipation; they can be found in the context of broader processes, such as the emancipation of oppressed groups, and the overcoming of trauma by groups who are underprivileged, marginalised or the victims of discrimination, and also in historical processes of nation-building and more contemporary politics of identity and struggles for recognition. In multilingual societies, as Leena Huss and Anna-Riitta Lindgren argue, languages are rarely equal. Instead, they form a hierarchy of various levels. Those lower down the hierarchy are not represented in all domains; instead, they are used only in the private sphere, often merely in spoken form, in the context of daily life, and are at the same time considered inferior. Often, groups using and identifying with such languages are subject to oppression which goes beyond the sphere of language (Huss and Lindgren 2011: 2). Underprivileged languages are frequently stigmatised as uglier, less pure, less civilised or vulgar. Furthermore, such languages are seen as less usable and viable, and therefore as the ones that should be replaced by the dominant language (Dorian 1998). In such situations, language emancipation aims to ameliorate this underprivileged position.

Language emancipation processes were of considerable significance in historical nation-building. In Protestant countries, language emancipation processes began during the Reformation, when the

appearance of the written form of a language was linked to the argument that the Word of God should be accessible to the faithful in the national language, which replaced Latin in the religious sphere (Huss, Lindgren 2011). Language emancipation and the development of literacy in local ethnolects were significant factors in the history of nation-building among such groups as the Basques, the Romansch, the Kashubians, and the Sorbs (Porębski 1991). In the case of such communities, among which the Carpatho-Rusyn group can be included, we can see demands for the development of a literary standard, literary creation and the translation of the Bible into local dialects. The role of language is of particular importance in nation-building processes in East-Central Europe. According to Józef Chlebowczyk, a sign of the first phase of nation-building processes in this part of Europe could be seen in the promotion and development of language, aimed at the national self-definition of ethnolinguistic groups, through language codification. Dialects and sub-dialects lost their previous variety, to be replaced by a uniform literary language. In this period, national campaigners were compelled to defend the separate identity of their language and the value of its existence; they also endeavoured to achieve its introduction into schools and to see it granted equal rights in various aspects of society (Chlebowczyk 1983). At the same time, emancipation processes are inextricably connected to discussions as to who the language users are, following the popular nationalistic argument that language is the main determinant of national identity (Billig 2008: 71). Language is universally considered to be an essential attribute of a nation: “Every self-respecting nation must have a language which is more than simply a means of communication, a ‘sub-dialect’ or ‘dialect’. It must be a fully developed language. Anything else would imply lack of development of the nation itself.” (Haugen 1980: 180). A distinct language, as one of the essential elements of culture, can become the matrix for the construction of cultural borders and a criterion for the classification of the world and the differentiation of what is ‘ours’ and what is ‘foreign’.

The last few decades have seen further language emancipation leading to changes in what was hitherto seen as the fixed language map of the world. This is linked to the global movement of linguistic minorities who are involved in emancipation politics, which they introduce into

new domains (Huss and Lindgren 2011). Contemporary examples of language emancipation promote changes in international law regarding the respect of basic language rights. The adoption of the European Charter for Regional or Minority Languages was of great importance for the protection of the linguistic diversity of Europe and the realisation of the aspirations of those who wished to defend that aspect of their cultural heritage. Although the ratification of the charter is not obligatory even for European Union member states, it nevertheless represents a significant step forward in the realisation of the rights of language minorities. It focusses attention on the question of the protection of minority languages, and obliges those states that are signatories to implement at least minimal policies to protect the existence of minority languages in aspects of the public sphere such as education, the media, and cultural life (Dołowy-Rybińska 2011: 51).

Processes of language emancipation always include a political aspect, and the activities of groups displaying such aspirations face opposition from various social agents. Often, these opponents are the authorities of nation states who see the attempts to raise the status of a language, and to give it a literary form, as a threat to their authority, and even as the first step towards secession, when these activities are carried out by a group whom they consider to be part of their ethnos. On the other hand, conflicts within the group are also a significant factor, and we can observe opposition to the attempts at emancipation by certain members of one's own ethnic group. The roots of such opposition often lie in the nature of the definition of membership in the ethnic group and, respectively, different attitudes to the question of the separate identity of the language and its status. It is worth noting that the recognition of the separate identity of a language is not so much a linguistic question, but rather a political one, as it is the state which has the power to define, using methods which include legislation, whether a given language exists independently or whether it is part of another language of a group which has authority (Billig 2008).

In this article I will use the definition of language emancipation suggested by Huss and Lendgren, who "...define language emancipation as the process through which the dominated language is brought into use in various sectors of public life, orally and in writing, while the status of

the language is enhanced. It is a recurring sociolinguistic phenomenon that a low status vernacular is introduced in oral as well as written form to one or several prestigious societal domains where it has not been used previously. At the same time, the status of the language is enhanced.” (Huss and Lendgren 2011: 2). According to the definition used in the project Language Emancipation in Finland and Sweden, the authors elaborate on this definition. “Language emancipation may consist of one or more of the following elements (among others). The language to be emancipated (...):

- is revalorized and gains respect both inside and outside the group;
- gains an official status through legislation;
- is introduced orally and in writing in one or several prestigious societal domains where it has not been previously used;
- on a societal level, a language shift begins from the high-status language to the low-status language in order to improve the position of the low-status language in society (...);
- an on-going language shift from low-status to high -status language in private life, especially in the home, is slowed down or reversed (...);
- corpus planning is carried out in order to develop written standards, to develop vocabulary for different domains, to write grammars and dictionaries, etc., thus creating a modern infrastructure for the language.” (Huss and Lindgren 2011: 3).

The dynamics of the process of language emancipation can be analysed in the light of discussions and polemics within the group concerning the solutions chosen. These debates, determined by ideological linguistic divisions between group members, have considerable significance for the progress of the standardisation and revitalisation of the Lemko language. I believe that the linguistic issues which I intend to analyse require us to consider both the specific situation of a stateless group with identity divisions, and the broader context of the activities undertaken in order to achieve the emancipation of the Lemko language, including the struggle which began in the 1990s, for the recognition of Lemkos as a separate ethnic group.

The considerations contained in this article are based on the results of empirical research carried out since the mid-1990s among the ethnic activists of the Lemko community. This research consisted of in-depth,

free interviews, dealing with broadly understood issues of group identity. An important element of these conversations was the discussion of such issues as the relationship between identity and language, the codification of the Lemko language, the teaching of Lemko in schools, and the future of the language. Interviews from the second half of the 1990s, i.e., the beginning of the codification of the Lemko language and its systematic introduction into the public sphere, showed the early stages of the standardisation of Lemko and the efforts to achieve recognition for it. The empirical material is provided by interviews conducted in July and September 2015 with members of the Lemko community, namely, activists involved in the preservation, development, and dissemination of standard Lemko; Lemko language teachers; Greek Catholic and Orthodox clergy from Lemko parishes, some of who also teach their ethnic language. The material assembled in the course of these interviews is supplemented by the results of observations of various events such as ethnic festivals and the Congresses of the Rusyn Language in Prešov (1999) and in Krakow (2007), by the analysis of Lemko press publications, the programmes of the Lemko internet radio station Lem.fm, and the material from the radio station website. The interviewees were chosen according to fixed criteria. I decided to interview those individuals who have participated since the early 1990s in the standardisation of the Lemko language and who are active participants in the efforts to achieve recognition of Lemko as an independent language and state protection for it, who organise the teaching of the Lemko language both inside and outside schools, and who promote the position of the language in various aspects of the public sphere. The interviewees act to preserve the position of the language in numerous fields, and some of them are also authors, teachers of the Lemko language, and members of Lemko organizations.

This article will present discussions and debates within the group regarding the Lemko language and the activities undertaken for its preservation and development. These debates are the result of various language ideologies. The empirical material gathered since the early 1990s allows us to reconstruct a corpus of ideas regarding the language and shared by the subjects of this research, who are Lemko activists involved in the process of emancipation of the Lemko language and in language policies. These opinions are characterised by a language

ideology consisting of a range of ideas that language users articulate as a rationalization and justification of the perceived structure and use of the language (Silverstein 1979). They cover a range of issues relating not only to the structure of the language, but also to such fundamental questions as its place in the family of Slavic languages. The personal narratives analysed in the course of my research show the subjects' opinions on a range of issues: the contemporary state of the Lemko language and the reasons for this, threats to its existence, and also strategies for emancipation. Interviewees also assess existing achievements in language emancipation and the most important challenges facing groups of activists involved in the preservation and development of the language. Another important question is the problem of the legitimisation of the activities undertaken by Lemko activists to promote the language. We can see the appearance of issues pertaining to the relation between language and identity, and attempts to answer the question as to who should determine the objectives and strategies of emancipation and who should realise them. There is also the question of the form of the 'true' Lemko language. Who is its custodian? What are the relations between the (variously defined) 'true' Lemko language and the propositions, accepted in the course of its codification, which have sometimes been described as 'artificial'? The scope of this article means that some of the ideas pertaining to separate language ideologies will be described in more detail while others will be only briefly indicated. I intend to show the dynamics of internal debates within the group and discussions relating to the language. I will also indicate aspects of the Lemko language emancipation process which have been present since its beginning in the early 1990s, as well as new ones which have appeared in the personal accounts collected in 2015.

Language Ideologies

Language ideologies are broadly defined by Silverstein as 'any set of beliefs about language articulated by the users as a rationalization or justification of perceived language structure and use'. (Silverstein 1979: 193). An important aspect of the functioning of language ideologies is noted by Laura Ahearn (2012). Following Paul Kroskrity, Ahearn

indicates four essential characteristics of language ideologies. First, a clear majority of language ideologies are subordinated to the interests of particular social or cultural groups. They may be used to justify the language emancipation of the group, but also to block the aspirations of groups with such intentions. Second, as in every society, there are various divisions and groupings, as well as different language ideologies. Third, people may show a varying degree of awareness of the language ideologies of their own and other groups. Fourth, language ideologies mediate between social structures and forms of speech (Ahearn 2012: 22). It can be argued that the first two characteristics are of particular importance in the context of the processes analysed here. They show that language ideologies should not be perceived as a homogenous cultural matrix. Bartłomiej Chromik (2009), following Kroskirty, argues that an important factor for the revitalisation of a language is a state of ideological clarification, i.e., a state of consensus, or at least a degree of acceptance of differences in opinion by all parties who are in any way affected by the revitalisation of an endangered language.

The concept of language ideology is significant for the analysis of internal discussions regarding the Lemko language, which have accompanied language emancipation attempts since the early 1990s. This is particularly close to the anthropological approach which has been the basis for the research which I have carried out for the last 20 years. This approach enables researchers of language processes to consider the perspectives of language users and to seek interdependence between these perspectives and the structure of the language and social phenomena.

Two Competing Language Ideologies in the 1990s

According to the latest census in 2011, 10,531 Polish citizens declared that they were members of the Lemko community, one of the groups of highlanders whose autochthonous territory is to be found in the Carpathians, in the south-east of Poland (Gudaszewski 2015: 121). After their forced resettlement in 1947 as part of Vistula Operation, the Lemko population is concentrated in two areas. Some are scattered in western Poland, while others live in the Polish Lemko region (*Lemkovyna*).

The Lemko group is divided in terms of identity. Some of its members identify with the Ukrainian nation, some argue that Lemkos form a group which is distinct from Ukrainians on various levels, whether ethnic or national. (Moklak 1997; Duć-Fajfer 2013; Dziewierski, Siewierski, Pactwa 1992; Michna 1995). Such dual identity has considerable significance for language research and for attitudes regarding the Lemko language. Both sides of the identity debate present completely different language ideologies. Lemkos, who consider members of the Lemko community to be part of the Ukrainian nation deny the existence of a separate Lemko Language. They argue that Lemko is only one of the dialects of the Ukrainian language. This fundamental assumption leads to a range of consequences. Lemko-Ukrainians oppose the codification of the Lemko language, considering such objectives to be unnecessary, since in their view Ukrainian is the literary language of the Lemkos. Lemkos with a Ukrainian national consciousness claim that attempts to give a literary form to Lemko will lead to the creation of an artificial language, which, because of its archaic form, will be of no use in the modern world. They also see attempts at codification of Lemko as being anti-Ukrainian and aiming to weaken and divide the Ukrainian minority in Poland (Michna 1995, 2004). Considering the Lemko dialect to be a mere form of communication within the group, they oppose all attempts at its standardisation.

Lemkos who do not self-identify as Ukrainians and who attempt to achieve emancipation have diametrically opposed views on their language arguing in favour of the distinct language identity¹ of their

---

1 Lemko activists who want to show that Lemko is not a dialect of Ukrainian note the phone ы, which is characteristic of Lemko but which does not appear in Ukrainian, and a range of borrowings from other languages (Polish, Slovakian, Hungarian, and Romanian), which are not to be found in Ukrainian. On the other hand, according to pro-emancipation Lemko activists, certain arguments in favour of the concept of a separate Lemko identity are not linguistic, but are instead connected to questions of the identity of group members. Lemko activists consider that the deciding factor in questions of the separate identity of the Lemko and Ukrainian languages is the awareness of language users who do not see Ukrainian as their mother tongue (Michna 2004: 66–70). A similar view, in relation to the

ethnic group. The standardisation of Lemko, giving it the status of a literary language, as well as efforts to achieve its recognition by the state as a distinct language, and its teaching in school, were seen by them as essential elements of their politics of identity and of the struggle for the recognition of a distinct Lemko community, which, until the democratic transformation of 1989, was considered by the Communist authorities to be part of the Ukrainian nation. Lemkos who believe that they are a distinct group argue that their activities for their language emancipation are justified and that the possession of a codified language by the Lemko group is a very significant element of the process of developing their ethnic distinctiveness.

Since the 1990s, Lemko language ideologies representing both sides of the identity debate have been closely linked with the definition of group interests. As in Ahearn's paradigm, they serve to justify activities of those Lemkos in favour of emancipation and are also used by Lemko-Ukrainians, in their attempts to block the aspirations of their opponents. We can see here echoes of Herder's concept of linguistic nationalism, which is also the basis of European ideologies which 'combined particular linguistic traditions with particular types based on the criteria of linguistic nationalism' (Wicherkiewicz 2014: 17). As a result of such convictions, a group endeavouring to achieve national or ethnic self-definition must prove that it has a distinct language, whereas a group which has attained the status of a nation and has a national state aims to achieve linguistic homogeneity and is reluctant to grant rights to those groups wishing to achieve language emancipation.

The Sociolinguistic Situation of the Group

The Lemko language is a minority language in Poland. The Lemko community is characterized by asymmetric bilingualism, as Lemko is primarily spoken in private – in the home and with friends and neighbours.

---

whole range of Rusyn dialects, is presented by Paul Robert Magocsi, who argues that although these dialects are close to Ukrainian, they should be considered as a separate language system. The decisive factor is the degree of codification of Rusyn dialects, their significant corpus of literature and increasing prestige (Magocsi 1999: 110–111).

Lemko is the medium of communication in everyday situations and also during festivities, where group members speak in their language ‘in Church’, and also at events of an ethnic character. In an ethnically foreign environment, for example, at school, at work, and among ethnically Polish acquaintances, Lemkos speak Polish. The Lemko language is used above all in rural settings, where there are greater concentrations of Lemkos. As a result, the Lemkowyna region provides an environment which is much more favourable for the Lemko language than the western regions of Poland (Misiak 2006: 111–112), where Lemkos, resettled as a result of Operation Vistula, live mainly in the cities. In cities, even in family settings, Lemko is spoken only occasionally, and intergenerational transmission of the language is disappearing. The younger generation has a passive knowledge of Lemko – children and adolescents understand the language of their parents and grandparents but do not speak it (Duć-Fajer 2004). All the people I interviewed indicated that the decline in the transmission of the Lemko language from generation to generation has been accelerated by the increase in the number of mixed marriages. There is a lack of sociological research to specify the degree of linguistic assimilation of the Lemkos. The most recent available figures on the numbers of Lemko speakers are to be found in the 2011 census, in which 6,0004 citizens of Poland stated that they used the language in a domestic setting (Członkowie... 2011). The sociolinguist Wicherkiewicz includes Lemko among the potentially endangered languages (Poland’s...).²

Lemko, Rusyn or Ukrainian? Debates Regarding the Identity of the Language of the Lemkos

Opinions on the identity of the Lemko language expressed by activists studied in my research contain echoes of the debates to be found in

---

2 Potentially endangered languages have a large number of speakers among the youngest generation yet lack official status and have low or relatively low prestige. They are used in most situations by all age groups, and are securely transmitted from generation to generation. Nevertheless, they are replaced in some aspects of life by the dominant language (Wurm 1998: 192).

academic circles, where there is a lack of consensus on this question. Agreement as to the classification of the language is limited to the statement that Lemko belongs to the group of East Slavic languages. Tomasz Wicherkiewicz comments that there is a debate among contemporary scholars, where three separate positions can be distinguished. The first view is that the Lemko dialect represents a completely distinct language system (Chomiak and Fontański 2004: 12); the second argues that it is a local variant of the Rusyn language (Dulichenko 2003; Magocsi 2004); the third considers Lemko to be a dialect of the Ukrainian language (Łesiow 1997; Rieger 1995). In the interviews I have conducted, I have encountered all three viewpoints. They often mentioned the names of particular scholars, whose views on the identity of the Lemko language or dialect could be seen as supporting their position on its status. However, comparative analysis of interviews dating from the early 1990s and those carried out in 2015 show certain differences. In the early 1990s, which saw the beginning of the processes of emancipation in the Lemko group, the most important difference was the division between those members of the community who considered Lemko to be a separate language (as is suggested by Chomiak and Fontański) and those who saw it as merely one of the dialects of the Ukrainian language. These differences of opinion led to extremely emotional discussions. The question as to whether Lemko should be seen as part of the broader Rusyn language area did not concern my interviewees. However, as the empirical material gathered in 2015 shows, the question whether Lemko belongs to the Rusyn language area has now become a topic of consideration among Lemko activists.

Some of my interviewees, especially those who were active in the Rusyn movement, wanted, in accordance with the decisions of successive Congresses of the Rusyn Language co-organised by the Congress of Carpathian Lemkos, to see a rapprochement between the languages of the Lemkos and Rusyns, especially those from the Prešov region. Some of my interlocutors even consider the possibility of reaching an understanding with the Prešov Rusyn community, and accept language decisions that would be binding in both local versions of the Rusyn language, i.e., Lemko and the Rusyn of the Prešov region. One person even supported the common codification of the Lemko language with the participation of Slovakian Rusyns.

People who share the opinion that the Lemko language belongs to the Rusyn language range are more likely than others to favour the church use of translations made in Slovakia of the Gospels and the Apostolic Letters.³ Significantly, my interviewees showed a certain terminological confusion: in their comments regarding the church use of Lemko, they did not distinguish between the Rusyn and Lemko languages. They often emphasise that the language of the Prešov Rusyns and Lemko are ‘almost the same language’ and that ‘there are only slight differences’. They also declare that churchgoers from the Lemko region do not have any problems in understanding religious texts translated in Slovakia. Below there are two typical comments:

“When X organised the Keremesz [a festival of Lemko culture, E. Michna] in Olchowiec, he invited a priest from Slovakia so that it could be in Lemko, so that the reading of the Apostolic Letters and the sermon could be in Lemko.” (M-2015-3-V/40–45)⁴

---

3 The use of the Rusyn language in the Orthodox Church in the Lemko region should be seen in the context of similar processes in the Greek Catholic Church in the Prešov region in Slovakia. Practices in this region have been a model for clergy in the Lemko region, who use translations that have been made in Slovakia. This was decided by Lemko leaders attending the Congress of the Rusyn Language in Prešov, where the question of the language to be used in church contexts was given particular attention. The translation of religious texts was discussed by representatives of the Orthodox and Greek Catholic Churches from all the relevant regions. Significant also was the activity of the World Congress of Rusyns, which includes Lemko supporters of emancipation. It is the World Congress which published the Rusyn version of the Gospels translated by Peter Krajniak, a priest from the Prešov region. It is also significant that certain members of the Orthodox clergy in the Lemko region studied at the seminary in Prešov. Apart from the laity, it is these priests who are the chief supporters of the use of Lemko in church ceremonies..

4 (M-1998-2-C/30–35) – brackets contain information regarding the interview. M/F refers to the sex of the interviewee; the first figure is the year of the interview and the second is the interview number, C/T/V (city, town, village), ...the last digits are the interviewee age range.

“The liturgy is in Old Church Slavonic, and the sermons are in Lemko, because both priests are Lemkos, but we still read the Apostolic Letters; we call them the Apostle; we read the Apostle in Lemko. And the Gospel as well, the priest reads it in Lemko. This is the Rusyn translation, except that we still fine-tune the Rusyn to make it more like ours. Well, the pronunciation is a little bit different, but really the language in this translation is the same.” (M-2015-5-T/60–65)

However, such opinions are met with strong opposition by those who argue that the Lemko language should be seen as a separate language system and reject the possibility of lexical borrowing from the language of the Rusyns from the Prešov region. They emphasise that Rusyn borrowings, lexical items used among Rusyns in Slovakia, aiming to avoid Polonisation or Ukrainization of the Lemko language, are in reality its Slovakisation, as the language of the Rusyns of Slovakia has numerous borrowings from the majority language, in this case Slovak, just as Lemko has elements which come from Polish. Such views are expressed above all by those activists who, while they do not consider Lemkos to be part of the Ukrainian nation, are not active in the Rusyn movement. Some of my interlocutors also indicate that sometimes a better solution would be the acceptance of Ukrainian forms, owing to the similarity in the structures of the Lemko and Ukrainian languages. Those with such opinions often state that a Slovakised language is artificial and foreign for ordinary Lemkos; they comment that ‘we don’t talk like that’. Some of those who share these views are openly critical of those groups whom they see as responsible for the rapprochement between the Lemko language and the Prešov version of Rusyn. The most frequent allusions in this context are to the radio Lem.fm., which is supported by the organisation Ruska Bursa.

“The radio scene [Lem.fm – EM] is so keen on Slovakia that you can see this even in their language; they introduce Slovakisms. There are differences between the Prešov version and our language. People don’t like this.” (M-2015-8-T/45–50)

“There is a lot of fascination with Slovakia and the processes there. They want to introduce them here. I’m surprised by certain tendencies, we have something that people prepared here and we should continue on this path

and not introduce something new. As for this fascination with what's going on in Slovakia, and bringing it here to our land – no. For instance, this word *dostomennist* – if you ask older Lemkos what *dostomennist* means, they'll say that it's from Slovak, we have always said *swidomost*. But this is used to avoid Ukrainian; because a word is Ukrainian, they use the Slovak [one – E.M.].”(M-2015-3-V/45–50)

It seems that cooperation within the Rusyn movement, resulting in changes in the language, has not met with acceptance from all members of the group, some of whom would prefer to see the preservation of Lemko linguistic autonomy and are reluctant to accept increased cooperation with Slovak Rusyns and borrowings from the language of Prešov Rusyns.

Opinions Regarding the Sociolinguistic Situation of the Group

All researchers agree that Lemko is an endangered language. In conversations in the 1990s and also in 2015, interviewees expressed concerns that the language of their community might not survive. On the other hand, more recent conversations have been characterised by a much higher degree of language awareness and more detailed diagnoses and explanations of the reasons for the fall in the number of the users of the Lemko language and its Polonisation. In the 1990s interviewees stated that the most important factor for the decided Polonisation and language assimilation of the members of their community was their resettlement after Vistula Operation and their subsequent geographical dispersal. In interviews in 2015, there is a much wider catalogue of explanations for the language situation of the group. I will list the reasons which appear most frequently, quoting typical responses.

The most significant reasons for language assimilation indicated by the subjects of my research were the geographical dispersal of the group as a result of forced resettlement during Vistula Operation and the fact that the group is a minority.

“If endangered languages include Basque, and even Irish, which benefits from the best possible support from the state, then what can we do, as we don't have the same advantages. If we were not part of a diaspora, if we were all in the same place, then maybe we would have a chance. Basically, we are a minority.” (M-2015-4-T/65–70)

Some of my interviewees argue that an important factor is fear of using the language in public as a result of past experiences, such as forced resettlement and persecution during and after Vistula Operation. This is particularly true of the older generation.

“The resettlement meant that people are afraid, and the fear associated with the resettlement and the later actions of the Communist authorities lasts to this day, especially for the older generation. I remember from my time in Krakow that when people went to church, they spoke Lemko, but when the same people met in the tram and you spoke to them in Lemko, they answered in Polish.” (M-2015-9-T/35–40)

A frequently mentioned factor is the influence of the majority language, which, according to my interviewees, is a reflection of a series of phenomena connected with modernity, which means that the majority of the group live in a Polish language environment. The most frequently mentioned factor is the influence of the media, with which children are in contact from their earliest years, school, migration from the countryside to the city, and economic emigration, which has increased in recent years. The following three comments are typical:

“I think that it’s getting worse and worse in the city, where the lack of contact with the Lemko community means that the language is, well... weak in its use. In its spoken use, I won’t say anything about the state of its writing, because that’s really terrible.” (M-2015-8-T/45–50)

“Here we have migration and emigration, and assimilation in Poland. There is a problem with students. When young people move to Krakow, they lose contact with the Church, the language, and Lemko culture.” (M-2015-9-T/35–40)

“The Lemko language is really endangered, knowledge of Lemko is very rare. There are still some people who can communicate in this language, but it has a lot of Polonisms regardless of whether the speakers are young or old. It’s natural, since they have lived in a Polish environment for so many years, they’ve read Polish books, watched Polish television, gone to Polish schools; this means that the institutions have done their work.” (M-2015-6-C/50–55)

The last comment notes an important characteristic of the language of contemporary Lemkos, in that it describes increasingly frequent lexical

borrowings and even significant structural changes. The majority of my interviewees noted this process, which they considered to be a negative phenomenon. One person even stated that, as a result of the low level of language awareness, not all Lemkos know that the language which they use has so many Polish accretions that it is difficult to recognise it as Lemko.

“Many people think that they speak Lemko, but the level of Polonisation is so high that the borders overlap, and that this language practically stops being a separate language.” (F-2015-1-C/55–60)

Interviewees also describe the rapid pace of the disappearance of intergenerational communication, with the reluctance of parents to teach their children Lemko. There are various reasons for this abandonment of the use of Lemko in conversations with children. According to many interviewees this is due, among other factors, to laziness: it is easier, as for those who live in a Polish environment, the use of another language at home requires effort; another significant reason is lack of time for children; some parents do not wish their children to have problems at school, as certain families remain convinced that bilingualism can lead to learning problems.

“The language is endangered; when we look at the youngest children, it’s very rare for them to speak Lemko at home... Some parents think that learning Lemko at home is not good, because later there are problems at school.” (F-2015-2-V/30–35)

“I think that the reason for all of this is that parents think that it is better not to teach Lemko, because the child will go to school and make mistakes there, and have problems learning.” (F-2015-7-V/30–35)

“But you can see from the beginning which children think in Lemko, and are taught it from the beginning; it’s their first language. They are fewer and fewer, and the younger the class, the worse it gets. We can see the changes that have taken place over the last few years: children in the younger classes hardly ever learn Lemko at home; the pace [of this change] is terrible.” (F-2015-2-V/30–35)

Certain interviewees note that some parents wish to replace intergenerational transmission with language learning in the school system, and would prefer schools to have the responsibility of teaching

children Lemko. This attitude may be interpreted both in the context of parental laziness mentioned above, or lack of time for children as a result of work, as well as particular views on the language. For parents, the Lemko language is important enough to enrol their children in Lemko classes at school, but it is not seen as so important that it requires the effort of independent study at home.

“Parents think that schools will teach Lemko, although as a teacher I know that this is impossible, but the parents think that when the child goes to school s/he will learn the language there.” (F-2015-7-V/30–35)

“People expect that child should be able to speak [Lemko] after some time at school. Parents think that with three hours [a week E.M.] the child will learn to read, write, speak and sing in Lemko. I try to explain to parents that this can’t be done.” (F-2015-2-V/30–35)

Interviewees also note that some parents have a different attitude to learning Lemko. The parents think that as the child speaks Lemko at home, it is not necessary to learn the language at school. Interviewees believe that this has a negative influence on language skills, as it only ensures knowledge of the spoken language. On the other hand, at school children learn to read and write, which is particularly important for children who do not know the Cyrillic alphabet,⁵ as Russian is no longer a compulsory school subject.

“They even speak Lemko,; it’s their first language, but heavily Polonised. The Lemko language should be spoken, written and read. In my opinion, anyone who can’t read and write Lemko, and what’s more in Cyrillic, doesn’t know the language. And the parents don’t know how to write [Lemko]. It’s only at school that children learn how to read and write [Lemko].” (M-2015-6-C/50–55)

---

5 The problem of a lack of knowledge of the Cyrillic alphabet among younger Lemkos who began school after 1989, when Russian ceased to be a compulsory school subject, has also been noted by Greek Catholic and Greek Orthodox clergy, whom I interviewed as part of my research in 2015. Although some clergy have introduced the teaching of Cyrillic into religion classes, interviewees argue that the steps taken are far from adequate, if the faithful are to be able to read religious texts with ease.

“Parental involvement in the teaching of Lemko is, well, I don’t want to offend anyone, but it’s minimal. Or else they say that the child knows Lemko because they speak Lemko at home, so why should s/he learn Lemko at school and waste time; it would be better if s/he studied something else.” (M-2015-8-T/45–50)

The last comment highlights yet another problem. Some parents consider the study of Lemko to be pointless, in that knowledge of the language is not, in their opinion, useful. It does not provide any benefits, as it is only used in the family, or in a very narrow group of members of the Lemko community. Therefore, from a practical perspective, they consider it better to devote time to the study of other subjects or other, more useful languages.

“What’s more, they say ‘the language is of no use to him, so why give him even more work? It can only be used to communicate with other Lemkos so what’s the point of the language...? Today it’s English; everyone speaks English; it’s the international language of communication, and as for Lemko...’ It’s a matter of language awareness of some people.” (M-2015-3-V/45–50)

The majority of the interviewees also emphasise that mixed marriages have a very negative influence on the preservation of the Lemko language.

“The language disappears when there are mixed marriages,; it disappears, to a greater or lesser degree. It isn’t used at all at home, and if it is used, then it is changed a lot by the influence of Polish. You can see that the homes are bilingual, and then their Lemko has typically Polish word endings.” (M-2015-8-T/45–50)

A small number of interviewees also noted that, despite numerous attempts to increase its appeal and prestige, the Lemko language is still seen by a significant number of group members as a mere means of oral communication. Its low level of prestige is due to the nature of the group – small, with the status of a minority, and without their own state.

“And sometimes entirely Lemko families don’t speak in Lemko. This is also because of this [inferiority] complex. And sometimes in my own family, my relatives say that Lemko is only good for the stable. This is a symbolic saying – ‘only for the stable’.” (F-2015-7-V/30–35)

“The activities for emancipation are limited, because they are aimed at a language which never had the status of an official language, because it was never a state language or an administrative language of a recognised country, and so this always gives it this disadvantage.” (F-2015-1-C/55–60)

Discussions regarding the language situation of the group show a distinct geographic division. My interviewees from the Lemko region often compare the language situation of the group in their historic heartland to the situation in the west of Poland, which is home to those Lemkos resettled in the wake of Vistula Operation. They believe that the situation of the language in the ‘west’ is dramatic. Intergenerational transmission is rapidly disappearing, and it is very difficult to organise education there, as the Lemko community is scattered over a large area, and there is a lack of teachers.

Lemko activists involved in the promotion of the language agree in their assessment of the situation: they consider Lemko to be an endangered language, with little potential, and highly Polish. The view of the majority is that if intergenerational transmission, which is disappearing rapidly, is not replaced by institutional transmission, i.e., teaching in schools, then it will be impossible to preserve the language.

Debates Regarding Codification

The process of standardisation of the Lemko language began in the interwar period, with the appearance of a movement in Lemko literature favouring autonomy and arguing that Lemko culture and literature could develop completely independently, using Lemko as a literary language.⁶ As part of the attempts to achieve complete independence of the Lemko language undertaken by this movement in 1933 and 1934, schools in Lemkovina were provided with two textbooks in the local language, authored by Metodyj Trochanovskij, who was the first to try to provide a standardised version of the Lemko language, based on the dialects of Western Lemkowyna. The language was also highly significant in efforts

---

⁶ For more on the movement for autonomy and the authors associated with it, cf. Duć-Fajfer (2001).

to achieve institutional emancipation of Lemkos during the Communist period. At the request of Lemko activists, *Nashe Slovo* published a section entitled 'Łemkowska Stroniczka'. Attempts to 'improve' the Lemko dialect in order to make it more closely resemble literary Ukrainian were the source of continuous conflicts and led to certain Lemkos, who emphasised the distinct identity of both groups, ceasing to collaborate with the Ukrainian periodical. Subsequent publication in Lemko could only take place after the fall of Communism. Processes of codification of Lemko should be viewed in the context of standardisation processes of other varieties of Rusyn. The First Congress of the Rusyn Language in 1992 accepted the Rhaeto-Romance version of standardisation, establishing that the first step would be the standardisation of local variants of the Rusyn language in Slovakia and Ukraine and of the Lemko language in Poland, and then a common literary language for all Rusyns would be developed (Magocsi 2004: 9–11). In Poland, the process of codification was begun by the Lemko Society (*Stovaryshynia Lemkiv*), an organisation which was part of the Rusyn movement and a member of the Congress of Carpathian Rusyns. However, in contrast to Rusyn organisations in other countries, the Society did not consider including standardisation as one of the main goals in its statute. On the other hand, one of its fundamental objectives was the teaching of Lemko (*Statute*, 1989). It is worth noting that the teaching of Lemko in the school system required standardisation of the language. Steps towards the normalisation of the language were first taken by the Commission of Education, working within the framework of the Society. The main objective of this commission was to introduce the teaching of Lemko into the school system. In the 1991–1992 school year in the primary school in Uście Gorlickie in Lemkowyna, the efforts of Mirosława Chomiak (President of the Education Commission of the Association of Lemkos) led to the organisation of the teaching of Lemko as an optional subject as part of the school curriculum. This met with a positive response on the part of parents, which was important, as Polish law states that the teaching of minority languages should take place at the request of parents or guardians. Attempts at codification of the language began with the preparation of textbooks and grammars for children. This task was given to Mirosława Chomiak by the Education Commission.

My research regarding the Lemko activists in the early 1990s, at the time of the initial stages of the teaching of Lemko in Polish schools and the first attempts at standardisation, revealed that codification was not a subject which gave rise to strong emotions. Apart from the Ukrainian Lemkos, who opposed any form of codification of the Lemko language, there were no major controversies concerning the choice of basic language norms. The standard for the language, based on the West Lemkowyna dialects, gained the approval of the majority of Lemko activists and authors in favour of Lemko language emancipation. Interviewees stated that one of the reasons for the lack of controversy regarding the choice of language norms was the resettlement of the Lemkos, which meant that the differences in Lemko dialects became negligible. As they are scattered throughout the western and northern regions of Poland, group members today speak in a similar way. According to my interviewees, the result of the dispersal and resettlement of the Lemko community was that there were no larger concentrations of Lemkos or strong pockets of regional difference, where the inhabitants would have postulated that their dialect should become the literary norm. On the other hand, one of the crucial decisions which codifiers had to make was the choice of alphabet. Although the teaching of Russian ceased to be compulsory after the fall of Communism, and the Cyrillic alphabet is not universally known among the younger generation of Lemkos, codifiers had no doubts that the eastern alphabet was the only one to allow continuity of tradition of literacy.

At the same time, Lemko activists saw the standardisation of Lemko as a long-term, gradual process, involving the introduction of Lemko into numerous areas of public life, the development of Lemko literature and the publication of Lemko periodicals. They did not believe that the Lemko language was in need of an official act of codification. Since the early 1990s, the Polish state had allowed for the financing of publications in Lemko and its teaching in the classroom. Interviewees argued that codification was necessary so that Lemko authors could write correctly, and was, above all, crucial for teachers of Lemko (Michna 2004).

Codifiers were more concerned with work on what language norms to accept, rather than whether their propositions would meet with the approval of all the members of the group. When the first Lemko grammar

book, written by Mirosława Chomiak and Henryk Fontański, was published in 1999, the first stage of codification was seen as complete. Although some of my interviewees in 2000 expressed reservations regarding certain propositions, the majority hoped that there would be a process whereby the norms would become universally accepted by members of the group.

The interviews which I conducted in 2015 indicate certain new issues. They show that the optimism of activists in the early 1990s was somewhat excessive. Certain interviewees express questions about the process of codification: they comment that, in reality, codification has not taken place; there is a grammar book, but not everyone accepts it. At the same time, the Lemko community has no alternative proposition that might replace the solutions that are suggested there. The rules it contains do not meet with the agreement of all those who were involved in the codification of the language, which means that there are those who do not believe that its grammar is binding for everyone. The following is one of the typical comments:

“Contrary to various opinions, I believe that Lemko isn’t codified; there is a grammar book, but there isn’t any codification. There is no act, there is no codification. The view still persists that there should be a document. At least the Lemko Society should do this. I mean for instance that the Lemko Society should agree that this grammar is binding. I am of the opinion that there should be a document, that the grammar is binding. And we’ll see how the community accepts this; if it recognises that the language is codified, then it is the success of this community. And if it doesn’t accept it, then we’ll have to think about it.” (M-2015-8-T/45–50)

Those who recognise the codification norms are aware of the existence of opposition among those within the group who either entirely reject the process of codification or do not accept the norms which it proposes.

“Those who decided on the rules in the past are now the ones who dispute them. They say that some of them are artificial. That’s right, there is always something that’s accepted in codification. For example, I don’t agree with everything that’s in the grammar book, I hear something else, but I write as it is in the first grammar book.” (F-2015-2-V/30–35)

“There are people who don’t agree with the codification and claim that there is no [Lemko] language. But how can you teach a language when you say it doesn’t exist? If it doesn’t exist, then I don’t teach it. But this is somehow allowed by parents, and schools, and school boards.” (F-2015-7-V/30–35)

Some of the interviewees, in contrast to opinions expressed in the 1990s, believe that the intra-group debate relating to codification has a wider scope. Scepticism towards codification has been expressed not only by Lemko-Ukrainians, who at the beginning of the 1990s openly opposed measures for the emancipation of the Lemko language.

“Pro-Ukrainian organisations are no longer a threat for the language. The borders have been clearly marked, we know who they are and one can choose... I don’t think that it’s a question of being pro-Ukrainian. Some people are very locally-minded, they want things to be just like in their village. Its rather the effect of a lack of a broader perspective.” (F-2015-2-V/30–35)

The majority nevertheless say that the opposition of Ukrainians and Lemkos with a Ukrainian national consciousness can still be dangerous for the emancipation processes of the Lemko community. According to my interviewees, opponents of codification act, whether deliberately or not, in order not to antagonise those Lemkos who are the objects of their activities, and conceal that they support Lemko-Ukrainians in activities aimed at removing the distinctions between the two groups.

“When we started the codification, those who were supporters of the other option didn’t believe that we would manage. When it came to fruition, when Watra⁷ started, then they had to think how to cause problems. Now they want to take over everything.” (M-2015-4-T/65–70)

Some of those who share the opinions expressed in the last fragment believe that, since the state recognition of Lemko language and the

---

7 Watra, an ethnic festival which first took place in Czarna in 1983, and later in other localities in Lemkowyna (Hańczowa, Bartne, Żdynia), was a significant event run by Lemkos of the Rusyn affiliation; since 1990, when activists from the Union of Lemkos took over its organisation, it has been given a pro-Ukrainian character.

inclusion of Lemkos in the Statute of 6 January 2005 on national and ethnic minorities and on regional languages has made it the language of the Lemko ethnic minority, Lemko-Ukrainians cannot so openly oppose attempts at emancipation. They believe that they have, therefore, somewhat changed their strategy.

“For the Ukrainian group, the teaching of Lemko is absolutely a bone of contention. The Ukrainian activists use a silent strategy. They write anonymous articles opposing the teaching of Lemko, I am sure that they are against our activities, this can be seen in the articles appearing anonymously in *Nashe Slovo*... All the time there is this rhetoric, that we are inventing some kind of artificial language, or Russian. At the time of the last Matura examination⁸ they wrote on Facebook that there are questions in Russian in our Matura. X wrote that everything in Ruska Bursa is in Russian.” (F-2015-1-C/55–60)

Some of my interviewees are of the view that the codified version is an ‘artificial’ language invented in universities, differing from the Lemko of their fathers and grandfathers. They argue that the ‘pure’, ‘true’ language is that of the oldest users. For them, it is important to maintain many varieties, and be as close as possible to the language spoken by ‘ordinary’ Lemkos.

Other criticisms of the codifiers accuse them of conscious and deliberate removal of Ukrainian elements from the Lemko language, leading to a separation of language systems which are close to one another. There is also a parallel discussion relating to the correct strategy regarding loanwords. A frequent argument states that it is important to remember that ‘Ukrainian is closest to us’.

A new aspect of the intra-group discussion concerning the codification of Lemko is the belief on the part of some of my interviewees that it is harmful, in that it can lead to the disappearance of the rich variety of sub-dialects of the Lemko language. Such arguments were present during the codification of Rusyn in Slovakia as well as in Ukraine, mainly among Rusyns with a Ukrainian national consciousness. They now appear in discussions within the group regarding the codification

---

8 Matura examination: – a state examination at the end of secondary school.

of Lemko, although at the beginning of the codification processes, my interviewees stated that variations between the dialects of the Lemko language had faded as a result of the resettlements.

Codification and What Then?

Further controversy is caused by the refusal of certain groups or individuals to legitimise activities of other parties who wish to revitalise and emancipate the Lemko language and promote its codified version. There are debates regarding the role of certain parties in this endeavour. Should teachers teach according to the rules in the grammar book, and if so, which version should they use, as 2004 saw the publication of the second, amended edition by Chomiak and Fontański? There is also a significant dispute as to who should teach Lemko. As there are now more university graduates with a degree in philology qualified to teach in schools, should they replace existing, unqualified teachers? Can teachers from outside the group (i.e., Poles) teach Lemko? In the interviews from 2015, there were differences of opinion regarding these issues.

Some interviewees consider that the improvement of the teaching of Lemko requires professionalisation and that unqualified teachers of Lemko should be replaced by graduates of Lemko philology who are also well-trained professionals. Some interviewees expressed radical opinions, suggesting that incompetent teachers should resign.

“Some teachers have no knowledge of Lemko. Some teachers don’t know Lemko well. Children finish the whole school cycle without having learnt anything. Teachers like that should resign.” (F-2015-2-V/30–35)

“We should think about quality. We can see the results of the work of those teachers who have studied philology. Because they know about literature, they know how to encourage children, and the children are eager to learn. They read literature, even the archaic kind, because it’s theirs. But here, we don’t have this awareness; children, some children go to Lemko classes like to religion classes; they don’t learn a lot, but the group allows this to happen.” (F-2015-1-C/55–60)

However, not all of my interviewees are supporters of such changes. Some consider that if someone knows Lemko as a result of their heritage

then they can teach it, since it is not a philological education that is most important, but rather that the teacher should be a member of the Lemko ethnic group. One interviewee claimed that only such people can transmit not only the Lemko language, but Lemko culture as well:

“How can a teacher who is not a Lemko instil patriotism in a child? I think that the teacher should be a member of the group, and for many Lemkos this is linked with our religion. A Polish teacher will never teach this.”
(M-2015-8-T/45–50)

Views on the appropriate choice of teachers represent one of the new areas of disagreement among activists of Lemko organisations in this research. The reasons for this are not only the interests of particular individuals but also different ideas regarding the language.

Supporters of professionalization are to be found mainly among those of my interviewees who are involved in the process of codification and the education of qualified teachers. They consider that the Lemko language is an essential value of the group, and that language emancipation is their important task. They see its preservation and growth above all in the conscious realisation of language policies, and attach most importance to the development of teaching in the school system. They argue that only professional teaching can replace disappearing intergenerational transmission. However, my interviewees also include those for whom codification and professionalization are of lesser importance. They do not see the teaching of Lemko in schools in the broader context of activities of a planned language policy and emancipation processes.

We can inquire as to the reasons for these changes and the appearance of competing language ideologies. Ahearn’s work could be seen as relevant in this regard, as she argues that a marked majority of language ideologies serve the interests of specific social or cultural groups. This is true of the Lemko community, whose members display deep divisions regarding their identity. A further reason is the continuing institutionalisation of the collective life of the Lemkos at the beginning of the 21st century, with the appearance of new organisations, as well as a new generation of Lemko leaders in existing organisations. These have somewhat different concepts of the direction to take, and are often more inclined to cooperate with Lemko-Ukrainian organisations, or declare that there is a multidimensional identity whose various elements

can and should be recognised. A frequent argument declares the need to end conflicts within the group and to achieve 'the reconciliation of the Lemkos', who, as a minority group, are additionally weakened by such divisions.

With the appearance of new organisations, there has been a blurring of previously marked divisions. The new situation contrasts with the circumstances of the 1990s, when the opponents of codification of the language were mainly Lemkos with a Ukrainian national consciousness, connected in particular with the Lemko Union. Today, we can hear criticisms, of both the methods of codification and the strategies for the revitalisation and preservation of the Lemko language, which originate from opposition within the group, and from leaders of organisations whose activity is aimed at the entire Lemko community, and who are not involved in the Rusyn movement. In the early 1990s, it was the group of activists linked with the Lemko Society, and involved in the Rusyn movement who began the emancipation processes of the group, an essential element of which was work on the standardisation of the language, endeavours by both specialists and members of the group to achieve recognition of its distinct identity, and its introduction into new areas of use. The appearance of new parties who reject the strategies of their predecessors has initiated a new series of discussions and debates. Groups intending to maintain marked lines of divisions, additionally confirmed by recognition in Polish law of Lemkos as a minority distinct from Ukrainians, now have ideological rivals within their own community. This leads to questions regarding the legitimacy of the activities of both communities and the right to decide the language policies of the group. Moreover, it can even be argued that in the case of the language community, in addition to the two fundamental language ideologies who have been rivals since the early 1990s, we have seen new ones with somewhat different methods of rationalising and justifying their views on the structure of the language and its use. Certain leaders who do not consider the maintenance of clear distinctions between the Lemko and Ukrainian communities to be the main responsibility of the group are involved in activities that involve both cultural areas. This of course has an influence on their perspective on the language. Leaders with such views believe that cultural and artistic events can combine

both Lemko and Ukrainian elements. They are involved in publishing, but do not think that it is essential that their texts should be bound by the norms of the grammar book which came out in 1999 or 2004; they attach greater importance to the preservation of archaic language, the search for old words, and respect for the usage of ‘ordinary’ Lemkos. They do not see the need for codification of the language or the development of its standard form. This meets with the opposition of other activists, associated with the Rusyn movement, who can be characterised as guardians of a separate Lemko identity, and who believe that previous decisions should be respected, that the norms based on the grammar book of 1999 should be further developed and perfected, that texts should be published in the codified Lemko language, and that the purity of the language should be maintained by following the accepted language solutions. They argue that teaching should be based on the norms that have been developed, and it should be professionalised and monitored as much as possible. For them, the language is not merely a means of communication but a significant ethnic marker. It must be remembered that some of these ethnic leaders began their involvement in the movement to emancipate their language during the period of the struggle to achieve recognition of the separate identity of the Lemko community, when maintaining a clear distinction between the Lemko and Ukrainian communities was an essential element of their strategy.

Each of the two groups claims that the other does not have the right to represent the Lemko community as a whole. If we are to follow Kroskrity’s concept of *ideological explanation*, my research shows that in questions regarding its own language, the 21st century Lemko community is not only far from achieving a consensus but has not even reached the stage of accepting differences of opinion. Apart from agreement as to the endangered status of the Lemko language, most activists involved in the preservation and development of Lemko are divided in their views regarding the language. There are debates regarding the classification of the Lemko language and assessment of the processes of its emancipation, as well as its codification and the solutions that this has entailed, but also discussions as to who has the right to act in the name of the group to maintain, develop and protect the language. The origin of these

differences is to be found in separate language ideologies. To be sure, this does not facilitate attempts to preserve and revitalise the language of this small and dispersed minority.

References

- Ahearn 2012 – L. M. Ahearn. *Living Language: An Introduction to Linguistic Anthropology*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Billig 1995 – M. Billig. *Banal Nationalism*. London: SAGE Publications.
- Chlebowczyk 1983 – J. Chlebowczyk. *Procesy narodotwórcze we Wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początku XX w.)*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Chomiak and Fontański 1999 – M. Chomiak and H. Fontański. *Gramatyka języka lemковского*. Katowice: Śląsk.
- Chomiak and Fontański 2004 – M. Chomiak and H. Fontański. *Gramatyka języka lemковского*. Warszawa: Fundacja Wspierania Mniejszości Lemkowskiej Rutenika.
- Chromik 2014 – B. Chromik. Aspekty pojęcia ideologie językowe istotne z perspektywy działań rewitalizacyjnych. *Zeszyty Łużyckie* 48.
- Członkowie mniejszości narodowych i etnicznych w rozumieniu ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych według najczęściej wymienianych języków kontaktów domowych*. 2011.
<http://mniejszosci.narodowe.mac.gov.pl/mne/mniejszosci/wynikinarodowego-spis/7001,Czlonkowie-mniejszosci-narodowych-i-etnicznych-w-rozumieniu-ustawy-o-mniejszosci.html>
- Dołowy-Rybińska 2011 – N. Dołowy-Rybińska. *Języki i kultury mniejszości w Europie: Bretończycy, Łużyczanie, Kaszubi*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Dorian 1998 – N. Dorian. Western Language Ideologies and Small-Language Prospects. In: Lenore A. Grenoble and Lindsay J. Whaley (eds.). *Endangered Languages. Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge University Press, 3–21.
- Duć-Fajfer 2001 – H. Duć-Fajfer. *Literatura lemowska w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.

- Duć-Fajfer 2004 – H. Duć-Fajfer. Соціолінгвістичний аспект – Лемковина. In: *Русинський язык*. [Najnowsze dzieje języków słowiańskich] Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej.
- Dziewierski, Pactwa and Siewierski 1992 – M. Dziewierski, B. Pactwa and B. Siewierski. *Dylematy tożsamości: studium społeczności lemkowej w Polsce*. Katowice: Randall & Sfinks.
- Kroskryty 2004 – P. Kroskryty. Language Ideology. In A. Duranti (ed.). *Companion to Linguistic Anthropology*, Oxford: Blackwell.
- Gudaszewski 2015 – G. Gudaszewski. *Struktura Narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. Narodowy Spis Powszechny Ludności i mieszkań*. Warszawa: GUS.
- Huss and Lindgren 2011 – L. Huss and A. Lindgren. Introduction: Defining Language Emancipation. *International Journal of the Sociology of Language* (209), 1–15.
- Jahns 2010 – M. Jahns. To nie jest fajka. Alienacja znaczenia jako przykład ideologii językowej, In: B. Mikołajczyk, J. Taborek, and W. Zabrocki (eds.). *Język w poznaniu*. Poznań: Wydawnictwo Rys.
- Łesiów 1997 – M. Łesiów. *Ukraińs'ki govirki u Pol'si/Gwary ukraińskie w Polsce*. Warszawa: Wydawnictwo “Ukraińs'kij Arhiv”.
- Magocsi 1999 – Paul R. Magocsi. The Rusyn Language Question Revisited. In: Paul Magocsi (ed.). *Of the Making of Nationalities There Is No End*. New York: Columbia University Press/East European Monographs, 86–111.
- Magocsi 2004 – Paul R. Magocsi. *Rusin'skyj jazyk*. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Polskiej.
- Michna 1995 – E. Michna. *Łemkowie. Grupa etniczna czy naród?* Kraków: Zakład Wydawniczy NOMOS.
- Michna 2004 – E. Michna. *Kwestie etniczno-narodowościowe na pograniczu Słowiańszczyzny wschodniej i zachodniej. Ruch rusiński na Słowacji. Ukrainie i w Polsce*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Misiak 2006 – M. Misiak. *Łemkowie. W kręgu badań nad mniejszościami etnolingwistycznymi w Europie*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Moklak 1997 – J. Moklak. *Łemkowszczyzna w II Rzeczypospolitej. Zagadnienia polityczne i wyznaniowe*. Kraków: Historia Jagiellonica.

- Nowakowski 1992 – K. Nowakowski. „Sytuacja polityczna na Łemkowszczyźnie w latach 1918–1939”. In: J. Czajkowski (ed.). *Łemkowie w historii i kulturze Karpat*, Cz. I. Rzeszów: Editions Spotkania, 313–350.
- Poland's Linguistic Heritage - Documentation Database for Endangered Languages*. T. Wicherkiewicz, et al. “Lemko Rusyn”. <http://innejezyki.amu.edu.pl/Frontend/Language/Details/23> [accessed 11.12.2016].
- Porębski 1991 – A. Porębski. *Europejskie mniejszości etniczne. Geneza i kierunki przemian*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Rieger 1995 – J. Rieger. *Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper.
- Silverstein 1979 – M. Silverstein. Language Structure and Linguistic Ideology. In: P. Clyne, W. F. Hanks, and C. L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Wicherkiewicz 2014 – T. Wicherkiewicz. *Regionalne języki kolateralne Europy – porównawcze studia przypadku z polityki językowej*. Poznań: Rys.
- Wicherkiewicz 2016 – T. Wicherkiewicz. *Język rusińsko-łemkowski, Dziedzictwo językowe Rzeczypospolitej*. <http://www.inne-jezyki.amu.edu.pl/Frontend/Language/Details/23>, (dostęp 30.10.2016)
- Wurm 1998 – Stephen A. Wurm. Methods of Language Maintenance and Revival with Selected Cases of Language Endangerment in the World. In: K. Matsamura (ed.). *Studies in Endangered Languages*. (Papers from the International Symposium on Endangered Languages, Tokyo, 18–20 November 1995). Tokyo: Hituzi Syobo.

The Rusyn Language in Ukraine and Slovakia: Identity and Language Preservation

Elena Boudovskaia

1. Introduction

Joshua Fishman, in his article “What do you lose when you lose your language” (1996), says that the ties between a language and the culture of a community go both ways. On the one hand, a language both expresses and symbolizes its community’s culture. On the other hand, “positive ethnolinguistic consciousness,” an attitude towards language in a community’s culture that includes a sense of kin/community, holiness, and responsibility towards one’s language, is necessary if one wants to stabilize a language which is in danger. Fishman also argues that “creating community is the hardest part of stabilizing a language” (1996: 80), but it is necessary because only such a community can sustain intergenerational language transmission, which is the main prerequisite for language preservation. The general consensus is that if a language is not transmitted to children, it is well down the road to extinction (see, e.g., the scale in Grenoble and Whaley 2006: 20: *Safe – At Risk – Disappearing – Moribund* [not transmitted to children] – *Nearly extinct – Extinct*).¹ What Fishman effectively says is that language preservation

---

¹ That is a widely accepted point of view; see also Krauss (1992: 4), though there are also other views: see a slightly different understanding of “moribund” in Wurm (1998: 192). See an overview in Crystal (2000: 26 ff).

can be carried out only by a community of people who care enough to undertake sustained efforts to preserve or rescue their language because good feelings about, and commitment towards their language are part of their culture. If culture is needed to sustain the language associated with it, it also might mean that the damage done to the culture might result in damage to its language.

In this paper, I discuss the mechanism and implications of such damage through the example of the deliberate ruining of Carpatho-Rusyn culture in the post-World War II period. The damage to the Carpatho-Rusyn culture at that time was an important factor leading to serious changes in the status of the Rusyn language in Ukraine and its endangerment in Slovakia.

2. Geographical Scope; Materials

The people who are the subject of this article live in the Carpathian Mountains of Eastern Europe. Their language, Rusyn, belongs to the East Slavic group; it is the westernmost language in the group. Their homeland is a compact territory within the borders of several contemporary states: Ukraine, Slovakia, Poland, Romania, and Hungary; there are also small enclaves in Serbia (the province of Vojvodina) and Croatia. The name of the people can vary: the population have called themselves Rusyns or Rusnaks; historically the ethnonym Rusyn also denotes other groups of people (namely, the East Slavic population of the former Polish-Lithuanian Commonwealth).² The ethnonym accepted

---

2 "... at least until the 1920s, the Ukrainians of Galicia and Bukovina also called themselves Rusyns. Consequently, Ukrainian authors considered the ethnonym Rusyn to be an older name for Ukrainian, while Russian authors considered it to be a regional name for Russian." Magocsi (1998: 39). The ethnonym Boiko or Lemko is not used by the people themselves: "... none of the so-called Lemkos and very few of the so-called Boikos living on the southern slopes of the Carpathians have ever called themselves Lemkos or Boikos, but instead use the terms Rusyn or Rusnak to describe themselves." Magocsi (1998: 311). In the Hungarian census of 1910, the respondents were asked to state their native language; if there were a question about nationality, it would probably reflect citizenship rather than language (ibid., 318).

in contemporary scholarship is Carpatho-Rusyn,³ but I will use the term Rusyn when speaking of the language. In this article, I will talk mostly about the Carpatho-Rusyns of Ukraine and will briefly reference those in Slovakia. My own research is based on interviews with Carpatho-Rusyns in Ukraine and Slovakia conducted in 1987–1992 and in 2009–2016.

3. Historical Situation and Demographics of Rusyn Speakers

The number of Rusyn speakers in Slovakia was slightly more than 30,000 in 2014.⁴ In Ukraine, according to the 2001 census, Rusyn speakers live mostly in the Transcarpathian region, where their numbers are not high: in the census of 2001, fewer than 7000 people stated their native language was Rusyn and about 11 thousand people stated their nationality was Rusyn (that is about 0.5% and 0.8% of the population of the region, while Ukrainians have constituted more than 80%, or about one million). In the interwar period, 1919–1939, when these territories belonged to Czechoslovakia, the number of Rusyns was 372,500 in Subcarpathian Rus' (the contemporary Transcarpathian Region of Ukraine) and 85,600 in the Prešov Region (of contemporary Slovakia).⁵

Official data suggest that the number of Rusyn speakers in Transcarpathia alone dropped 53 times since the interwar period. However, the actual numbers of Rusyn speakers, at least in Transcarpathia, may be much larger. In Transcarpathia, out of about one million people who stated their native language was Ukrainian, the majority were born in the region. In everyday life they use the same dialects as the people who state that their native language is Rusyn. Ukrainians from eastern regions of the country have a very hard time understanding the natives of Transcarpathia. Transcarpathians understand literary Ukrainian because of school instruction and mass media, which are exclusively in Ukrainian.

---

3 Magocsi (2015: 578–589), see also Figure 1 *ibid.*, showing the compact territory populated by Rusyns according to the Austro-Hungarian census. For more detail, see Magocsi (1998; 2011).

4 According to the data in the Statistical Yearbook of the Slovak Republic 2015.

5 Magocsi (2015: 582).

4. The Rusyn Language between the Wars

In both territories, historic Subcarpathian Rus' and the Prešov Region, Rusyn dialects were the main means of communication in the rural area.⁶ In interwar Subcarpathian Rus', then a distinct province of Czechoslovakia with nominal autonomy and its own governor, the Rusyn language was made official alongside Czech (Magocsi 2015: 582). That helped the language to be used in a number of contexts beyond everyday communication (periodicals, courts, primary education, etc.) The language was not yet officially codified, or made uniform; rather, it existed as a number of varieties, ranging from a version of written Russian with very few local elements (this variety remained as the language of the Rusyn emigré press in America until it died out in the 1960s, see Bidwell 1971) to local dialects.

The language used in literature and periodicals by writers and newspaper journalists was most often based on another language (Russian or Ukrainian), with only a couple of writers (Hodynka, Stryps'kŷj) using the forms closer to local dialects. In education, a more Russified/Church Slavonicized version was used. In a sense, there was an understanding (that continued in Rusyn American schools of the twentieth century) that Rusyns spoke one language, but wrote in a different one, and that the written language of Rusyns was closer to Russian, or effectively was Russian.⁷ The language of the local government was closer to spoken varieties, but it was not uniform. In the end, the official communications were

---

6 More so in the Subcarpathian Rus', except for several districts in the south-west with a purely Hungarian village population; less so in the Prešov region where villages speaking Rusyn and East Slovak dialects were often next to one another.

7 The vestiges of such views can be seen among some Rusyn language activists till now. When I was working with a teacher of Rusyn in Sunday schools on a translation from English into Rusyn, when the prewar Rusyn language did not have a word for a contemporary item, the teacher would pick a word that would be closer to Russian than to Ukrainian. On the one hand, this may be the wish to distance from Ukrainian, the dominant language; on the other hand, her understanding was that Rusyn literary vocabulary for some reason was closer to Russian.

issued in a Russified version of the spoken language. Official paperwork for local needs was more often based on consistent dialect forms. The local elements became very prominent in the language of official communication during the Hungarian period in Subcarpathian Rus', 1939–1944, when generally the Rusynophile orientation was promoted (see Magocsi 2015a: 287 ff., and the texts in Kapral' 2010, Kapral' 2011). At that time, Rusyn started on the way to becoming a language – from the vernacular to a standard, developed, elaborated language. Although initially it bore the strong imprint of another language that was considered preferable for writing, with time it developed more usages for its own elements in certain spheres. It was acquiring elaboration (in the terms of Haugen 1966: 505), which is maximal variation in function, if not yet standardization, which is minimal variation in form.

5. The So-called 'Re-unification' with the Soviet Union

After the Soviet Army came to the territory of Subcarpathian Rus' in September–October 1944, it soon transpired that Stalin had decided not to return this territory to Czechoslovakia. Instead, “security officers in the Soviet Army together with local Subcarpathian Communist activists organized in Mukachevo on 26 November 1944 the first Congress of People's Committees, which called for the 're-unification' of what was now called Transcarpathian Ukraine ... with its 'Soviet Ukrainian motherland,' hence, with the Soviet Union.”⁸ The “re-unification” formally took place in June 1945, when Czechoslovakia formally ceded Transcarpathian Ukraine to the USSR.⁹

6. In the Soviet Ukraine after the war

After the territory of Subcarpathian Rus' became part of the Soviet Union, the Soviet government in Ukraine started to eradicate the various components of Rusyn national identity. Similar processes were soon carried out in Slovakia. The Soviet authorities had vast experience

---

8 Magocsi (2015: 584).

9 Magocsi (2015: 585).

stamping out national and cultural identities with the goal of creating “the new historical community of people – the Soviet people,” i.e., imposing on people the new Soviet identity and effectively ridding them of their old loyalties.

The Soviet experience included the collectivization of the 1930s which, besides causing massive loss of life, broke the intergenerational transmission of culture in the Russian village (see Olson and Adonyeva 2013), as well as in the Ukrainian village. Another Soviet practice was the mass deportation of nationalities. This deprived minorities of their native land that had played a key role in their identity, damaged intergenerational ties, and pushed minorities to cultural assimilation. The experience of mass deportations in the Soviet Union before, during, and after WWII was also adapted to the new countries of the Soviet bloc (Poland, Czechoslovakia, etc.), together with other practices that destroyed minority identities.

In the case of Transcarpathian Rusyns, unlike the Lemko Rusyns in Poland, there were no mass deportations, but a different strategy was adopted in order to dilute the Rusyn population by bearers of the Soviet mentality. After 1945 a massive influx of new settlers, Russians and Ukrainians, was organized, so that by 1989, there were about 170,000 Ukrainians and 49,000 Russians who arrived from other parts of the Soviet Union.¹⁰ Also, several other aspects of the Carpatho-Rusyns' national identity were attacked at the same time: the group's name, Rusyn or Rusnak, was banned and replaced by the name Ukrainian; the Greek Catholic church was eradicated and replaced by the Orthodox church;¹¹ and the Rusyn language was banished from all public spheres –

---

10 See Magocsi (2015a: 309).

11 In Transcarpathia, by the time of the arrival of the Red Army, the Orthodox church held one-fifth of all parishes. After that, Orthodox agitators helped by the Red Army converted 60 more parishes to Orthodoxy. Then, in 1947, the Greek Catholic bishop Theodor Romzha, who refused to break with Rome, was subjected to an arranged traffic accident and was then poisoned in the hospital; the pressure on the remaining Greek Catholic priests to convert to Orthodoxy continued; and in 1949, the Greek Catholic church was declared illegal; the remaining priests, monks and nuns were arrested, and the property was confiscated, often to be «loaned» to the Orthodox church. See Magocsi (2015a: 314 f).

government, media, education, etc. – and demoted to the status of dialect, that is, an idiom “excluded from polite society” (Haugen 1966: 499).

7. “Rusyn is not a Language”

The official policy of Ukrainian authorities towards the Rusyn language has been a strict and angry rejection of its status and its classification as a dialect of Ukrainian. This policy started with the arrival of the Soviets, and continues throughout the Soviet and post-Soviet periods down to today. At present, Ukraine’s position is understandable, because the claim for a distinct language could be understood as a claim for territorial separatism, something especially suspect, taking into account the so-called “Russian speakers’ support” by Putin in the East of Ukraine.

However, such an attitude towards the Rusyn language was in place long before Putin’s territorial claims. I will give just one example from 2011, chosen because it demonstrates both the official Ukrainian position towards the Rusyn language and the grassroots response from Carpatho-Rusyns (thanks to the Internet and the option for readers to leave comments!). An article by Anna Tarkanij (UA-Reporter.com) titled “Transcarpathian Babylon, or There is no common language for all”¹² supports the official point of view that the Rusyn language does not exist, and quotes several people in favor of this view, such as the Dean of the Department of Philology in the Užhorod University, etc. Among the interviewees is Pavlo Čučka Jr., an Užhorod-based poet who writes popular humoristic poetry in Rusyn but in Ukrainian script. His position is the following: “We have [=these, i.e. who argue for the Rusyn language, are] sordid, corrupted, primitive people. [Truck] drivers start to argue with professors to claim the existence of some language of their own.”¹³

This “how-dare-they” colonial attitude gives power to experts and authorities, and in a rude, insulting way denies people any say in

---

12 Tarkanij (2011).

13 «Маємо нечистоплотних, корисливих і примітивних. Шофери починають сперечатися з професорами і доводити існування якоїсь їхньої мови.» *ibid.*

the question of their own language. The person who wrote this article propagating the official position, however, has a local, Rusyn last name.¹⁴

That is probably the reason why her article is followed by two comments addressed to her¹⁵ that are in Rusyn, written apparently by two different people since they use slightly different orthography (the first one does not use *y*, the second one does). Unlike Čučka, both commentators are calm in tone (which is rare for post-Soviet Internet discussions) and contain reasoning with the author but no personal

---

14 The name Tarkanij is listed and etymologized (from Hungarian) in the dictionary of Transcarpathian last names (Čučka 2005: 545). Another possibility is that the author, and her being Rusyn, is known in the community.

15 Here are the texts and translation of the two comments:

Коментарии

05.04.2011 (00:49) / Русин

Я далекий от політики, айбо Анцю де ти чула українську в Закарпатті? Та даже профессура Ужгородського національного говорит на ній лиш на роботі, що вже казати про народ. Шкода. Тільки много писанини і тільки брихні на мою правду. А русини що живють в Чихії они , по-твоему ,тоже українською говорят? Бо они так не думают. Они кажут що то є їх рудний язык! Туй някої політики, сама правда.

Рейтинг: 1

[ответить](#)

26.03.2011 (15:43) / мигаль

Анцє,ни сміши чилядь,на Закарпаттю говорять "українською мовою" до 80% житилю краю!у нас мало ко говорить и розуміє ісю насаджену комуняками и совітами нову,завто усі розумвуть русинську,на якуї говорили наші предкы за 1000 году.

Рейтинг: 0

[ответить](#)

Translation:

1 (Rusyn): I am far from politics, but Ancjo, where did you hear Ukrainian in Transcarpathia? Even the professors of the Užhorod Nat'l University speak it only at work, and simple people don't do even that. So much writing, and so many lies against my truth. And the Rusyns who live in the Czech Republic, do they also speak Ukrainian? They don't think so. They say it is their native language. It is not politics, just the truth.

2 (Myhal' [Michael, a common name]): Ancjo, don't be ridiculous, what do you mean – "up to 80% of the population in Transcarpathia speak Ukrainian?" Very few people speak or understand this language pressed on us by Communists and Soviets, but all understand Rusyn, which our ancestors have been speaking for 1000 years.

insults. Both commentators address the author by the diminutive, endearing Rusyn form of her first name and by the familiar, informal 2nd person pronoun, which creates a family atmosphere. Both commentators treat the author as a community member and remind her of things she, an insider, should be well familiar with. The first comment says that even university professors in Transcarpathia speak Rusyn outside of work; the second one says that very few really speak the literary Ukrainian language introduced and enforced by the Soviets. The authors of these comments do not blame or shame the author of the article for supporting the official point of view. They rather remind her that this point of view may be convincing for outsiders, but insiders see right through it. For them, it is a ridiculous piece of propaganda intended to do more symbolic violence to insiders' valuable language. In short, she, an insider, should have known better.

8. “Our Speech is Trashed up” Master Narrative

However, the attitudes towards the Rusyn language among its speakers are not always so beneficial. After 1945, literary Rusyn was effectively banished from public usage and therefore, practically eradicated. Nevertheless, the Soviet administration had no means to forbid half a million people to speak Rusyn in everyday life. It could, however, do symbolic violence against the spoken language, in order to demote its status and to make speakers ashamed of it. One very effective tool for such symbolic violence was the new master narrative¹⁶ of “trashed up speech.” While collecting local dialects in Transcarpathia, since the 1980s, I discovered that almost every encounter with a native speaker started with an explanation that seemed to be repeated almost verbatim from person to person: “Our way of speaking is a very badly twisted Ukrainian, we have so many Hungarian, Polish, German, Romanian words, our idiom is so trashed up” (*наша мова засмічена*). Recently, I was surprised to find this master narrative applied by Rusyns to their language also on the Slovak side of the border. It seems to be a post-war, Soviet invention, not

---

16 In the sense of Clifton and Van De Mieroop (2016).

found in the Rusyn interwar literature or journalism.¹⁷

The assumption that vocabulary is the main element of a language, and that a language whose vocabulary has multiple loanwords is not a proper language, is present also in many contemporary Internet holy wars on the topic of language in Ukraine.¹⁸ It is possible that this master narrative originated in the Ukraine's school system and was designed to humiliate dialect speakers. After 1945, both in Transcarpathia and Slovakia, the new Soviet school system organized for Rusyns with Ukrainian as the language of instruction (see below) was given the task of demoting and ridiculing the Rusyn language, and it did so by employing the «our speech is trashed up» master narrative. Rusyn speakers might have adopted this master narrative as a way of showing strangers that they are not only aware of the differences between their idiom and the standard one, but that they also have an explanation for it. However, since pride in all things Rusyn is nowadays low or non-existent, they may not realize that in using this dominant master narrative, they also adopt the dominant negative attitudes towards themselves and their language.

9. Factors Counterbalancing Negative Attitudes to Rusyn in Transcarpathia

Such negative language attitudes make Rusyn speakers ashamed of using their language in front of strangers. However, this does not prevent them from using Rusyn among themselves in everyday communication, whether in villages or towns. Furthermore, Transcarpathia is one of the few regions of Ukraine where, according to the census of 2001, rural areas experience natural increase of population. Children born in villages learn Rusyn as their first language, with the result that intergenerational

---

17 Interestingly, I have not seen this attitude among the Rusyns in America whose ancestors emigrated before 1945. Such Rusyns often explain to an interested stranger that their language contains a lot of words from other languages, but in their eyes, that does not carry any negative connotations. It is another proof that this attitude appeared among Rusyns in the Soviet period.

18 http://fakeoff.org/culture/ruskiy-dialekt-ukrainskogo#.V_qFunfwjXs.twitter

transmission of the language continues. Moreover, the way of living in Transcarpathia may contribute to the Rusyn language preservation. As my interviews with Rusyns reveal,¹⁹ their ancestors used to go abroad, either for seasonal work, such as harvesting grain in Hungary, or to coal mines in America and Belgium, in order to earn money and bring or send it home since the nineteenth century. Even in Soviet times, when most people in Transcarpathia could find work close to home, many formed temporary brigades and went to Russia and eastern Ukraine to earn grain and money as construction workers or harvesters. After the fall of the Soviet Union, most factories in Transcarpathia were closed; overpopulation made men go as construction workers to the Czech Republic, and women, as caregivers to Spain and Italy or as seasonal agricultural workers to Austria and Poland. The majority of workers do not consider permanent emigration as an option.²⁰

This lifestyle – earning money abroad, bringing it home, building a house bigger and better than one’s neighbor – allows people a considerable degree of freedom from the post-Soviet administration, and also lets them evade the stigma of speaking the wrong language and the pressure to shift to the prestigious one. In one’s own village, a Rusyn speaks one’s native language; at a building site in the Czech Republic, one also speaks one’s native language to his fellow villagers in the brigade; one probably knows enough Czech to get along, but it is a foreign language that does not encroach on one’s Rusyn. Also, since the foreign worker earns considerable amounts of money and brings it home, s/he becomes a respected person both in the village and in one’s own eyes, and does not need to feel inferior because of one’s speech.

In official and academic Ukraine, Rusyn is a dialect (idiom) of economic disadvantage, but abroad as well as in Rusyn villages it is not.

---

19 See also Magocsi (2015a: 145 ff).

20 That also was the case historically: out of Rusyns who went to America before WWII, an unusually high proportion, about 30%, returned home: see Magocsi (2015a: 145). According to my interviews, the people who returned (the interviewee’s grand- and great-grandparents) usually brought home money, bought land, gave their children educations, and became respected people in their villages.

10. The Situation in Slovakia

In Slovakia, the attitude of the Communist government towards Carpatho-Rusyns was similar. After 1952, the Rusyns of Slovakia were forbidden to use their historic ethnonym; they were declared Ukrainians, and Ukrainian became their language in the public sphere, including school education.²¹ Subsequently, Slovakia's Rusyns would choose more often to identify themselves as Slovaks, so that they would not have to identify themselves as Ukrainians.²²

There were also at least two events of relocation that affected the Rusyns of Slovakia, though not on a large scale. In 1947, Rusyns were encouraged to move to Ukraine by the promise of land, and just over eight thousand did so.²³ Later, during the building of the Starina water reservoir in the 1970s, around three thousand were resettled to nearby towns (especially Snina).

Nowadays, there are more possibilities for Carpatho-Rusyns to earn money, but not in their native villages. Consequently, many people – especially young people – move to large cities which are outside the Rusyn ethnolinguistic area. There they shift to Slovak.

In the post-Communist era, Rusyns are officially recognized in Slovakia as a distinct national minority. Their language is acknowledged as a minority language; there are magazines and books published in Rusyn; there is a professional Rusyn-language theatre; there are TV and radio programs, and two elementary schools where Rusyn is the language of instruction. The Institute for Rusyn Language and Culture at Prešov University²⁴ publishes Rusyn textbooks and trains teachers. Despite all this, parents seem to prefer educating their children in Slovak. According to many Rusyns in Slovakia I interviewed, the Rusyn language is used less and less consistently in favor of Slovak, especially by the younger generation.²⁵ The damage to the Rusyn community and

---

21 Plishkova (2009: 70 ff).

22 See also Plishkova (2009: 71).

23 Magocsi (2015: 324).

24 Organized in 1993 and then renewed in 1999; see Plishkova (2009: 85, 137).

25 See also Plishkova (2009: 92).

positive consciousness, together with the economic pressure, seems to have led to the gradual decline of the language.²⁶

11. Conclusions

There are two main aspects in the recent evolution of the Rusyn language: its use as a literary and official language, and its oral transmission between generations. While Soviet policy, which eliminated the Rusyn language from the public sphere, ruined the beginnings of the standard Rusyn language both in Ukraine and Slovakia, policies in post-Communist Slovakia have helped standardize the language. However, the Soviet/Communist policies damaging Rusyn national identity and positive ethnolinguistic consciousness contributed strongly to the Rusyn language decline in Slovakia, another factor being the economic pressure from the dominant Slovak language and culture.

In Ukraine, Soviet policies had also caused damage to the ethnic identity of Rusyns; however, the decline of the spoken Rusyn language seems to have happened there to a lesser degree, since the intergenerational transmission of language is still in place in villages. The cause for that might be both the larger numbers of Rusyn inhabitants in the Transcarpathian Region and the larger degree of their economic independence from the job market in Ukraine, specifically the Transcarpathian tradition of earning money abroad and sending it back home.

The future destiny of the Rusyn language in Ukraine and Slovakia, including its survival or decline, is likely to depend not as much on its codification as on the presence of a positive ethnolinguistic consciousness in the communities, that is, on the ability of individuals to ignore the pressure of the state ideology and instead, to pass on to their children a sense of pride that their Rusyn language is an important part of who they are.

---

26 Another factor contributing to the rapid decline of the Rusyn language in Slovakia could, of course, be the smaller size of the Rusyn population, which in the Prešov region was initially five times less than in Subcarpathian Rus'.

References

- Bidwell 1971 – Charles Everett Bidwell. *The Language of Carpatho-Ruthenian Publications in America*. Pittsburgh, PA: University Center for International Studies. University of Pittsburgh.
- Clifton and Van De Mieroop 2016 – Jonathan Clifton and Dorien Van De Mieroop. *Master Narratives, Identities, and the Stories of Former Slaves*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Crystal 2000 – David Crystal. *Language Death*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Čučka 2005 – Pavlo Čučka. *Prizvyšča zakarpats'kyx ukrajinciv: Istoryko-etymolohičnyj slovnyk*. L'viv: Svit.
- Fishman 1996 – Joshua Fishman. “What Do You Lose When You Lose Your Language?” In Gina Cantoni (ed.). *Stabilizing indigenous languages*. Flagstaff: Northern Arizona University Press, 186-196.
- Grenoble and Lindsay 2006 – Laura A. Grenoble and J. Whaley Lindsay. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haugen 1966 – Einar Haugen. “Dialect, Language, Nation.” *American Anthropologist* 68 (4), 922–935.
- Kapral' 2010 — Mixail Kapral' [Mihály Káprály]. *Rusins'kyj dajdžest 1939-1944. III/1. Kronika. Teksty z užhorods'kyx novynok “Nova Nedělja” y «Karpatska Nedělja» 1939-1941 gg.* Nyíregyháza: Nyíregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszéke.
- Kapral' 2011 – Mixail Kapral' [Mihály Káprály]. *Rusins'kyj dajdžest 1939-1944. III/2. Kronika. Teksty z užhorods'kuj novynky “Nedělja” 1941-1944 gg.* Nyíregyháza: Nyíregyházi Főiskola Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszéke.
- Krauss 1992 – Michael Krauss. *The World's Languages in Crisis. Language* 68, 4–10.
- Magocsi 1998 – Paul Robert Magocsi. Mapping Stateless Peoples: The East Slavs of the Carpathians. *Canadian Slavonic Papers* 39 (3–4), 301–334.
- Magocsi 2011 – Paul Robert Magocsi. *Carpatho-Rusyn Settlement at the Outset of the 20th Century with Additional Data from 1881 and 1806*. 3rd revised ed. Erie, PA: Carpatho-Rusyn Research Center.

- Magocsi 2015 – Paul Robert Magocsi. The Heritage of Autonomy in Carpathian Rus' and Ukraine's Transcarpathian Region.” *Nationalities Papers* 43: 4, 577–594, DOI:10.1080/00905992.2015.1009433.
- Magocsi 2015a – Paul Robert Magocsi. *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest, New York: Central European University Press.
- Olson and Adonyeva 2013 – Laura J. Olson and Svetlana Adonyeva. *The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise*. Madison, WI: The University of Wisconsin Press.
- Plishkova 2009 – Anna Plishkova. *Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians*. New York: Columbia University Press.
- Statistical office of the Slovak Republic 2015 — Regional Statistical Yearbook of Slovakia.
- Tarkanij 2011 – Hanna Tarkanij. Zakarpats'kyj Vavylon, abo spil'noji movy dlja vsix nemaje. *UA-Reporter* (25 March).
<http://ua-reporter.com/novosti/102030> (accessed 24 November 2016).
- Wurm 1998 – Stephen A. Wurm. Methods of Language Maintenance and Revival, with Selected Cases of Language Endangerment in the World. In: Matsumura, Kazuto (ed.). *Studies in Endangered Languages* (Papers from the International Symposium on Endangered Languages, Tokyo, 18-20 November 1995). Tokyo: Hituzi Syobo, 191–211.

Креативность и культурная адаптация в переводе сказки *Winnie-the-Pooh* Алана А. Милна на лемковский язык

Хенрик Фонтаньский

На протяжении последних лет издательством Лемко Товер изданы два перевода на лемковский язык произведений мирового канона литературы для детей: произведения Антуана де Сент-Экзюпери „Le Petit Prince” («Малый Принц») (Сент-Экзюпери 2013) и повести Алана А. Милна „Winnie the Pooh” (Милн 2015). Оба перевода выполнены Петром Криницким. Первая книжка, снабжённая аудиокнигой, вызвала большой интерес среди лемковской общественности, особенно у молодого поколения лемков. Этот факт стал стимулом для углублённых социолингвистических исследований проблем, связанных с ревитализацией языков этнических меньшинств, в том числе лемковского (Hornsby 2015). Предметом изучения был, в частности, вопрос о так называемых *new speakers*, усваивающих язык вне традиционных каналов: семьи и локальной языковой среды. Двумя годами позже выходит в свет перевод очередного классического произведения мировой детской литературы с лемковским названием «Віні Пу». Языковую сторону переводов Криницкого высоко оценивает видный лемковский писатель и переводчик Петро Мурянка: „Підме [...] до проблеми [...] трансляторської праці Петра Криницкого. Піднімає її при омовленню першого бестселера, яким був лемківськоязычний «Малый принц».

І там єм выповіл вшытко втішне, вшытко тепле, што мі душу гріє о языку Петра Криницького. І в тым виді ся не змінило, а кед так, то на ліпше” (Бесіда 1/2016: 25). (Перейдём [...] к проблеме [...] переводческой работы Петра Криницького. Я затрагивал её при обсуждении первого бестселлера, каким был лемкоязычный «Маленький принц». И там я высказал всё радостное, всё тёплое, что греет мою душу, о языке Петра Криницького. И в этом отношении ничего не изменилось, а если изменилось, то в лучшую сторону [перевод наш – ХФ]).

В этой статье мы ставим себе целью показать на репрезентативных примерах, как переводчик использовал лексико-фразеологический и грамматический потенциал лемковского языка, его креативные возможности для реализации трудных переводческих задач воспроизведения языкового юмора исходного текста и такой его лингвокультурной адаптации, которая — сохраняя функциональную эквивалентность с оригиналом — сделает его эмоционально близким лемковскому читателю.

Вопросам, связанным с реализацией названных переводческих задач в художественных текстах, посвящено много работ, как теоретических (Tokarz 1997; Szmydtowa 1955), так и аналитических (Jędrzejko 1997; Teodorowicz-Hellman 1997), в частности также касающихся переводов произведения А.А. Милна на разные языки (Rzemykowska 2005; Lipiński 2004; Sojda 2012). Вместе с тем, каждый новый перевод создаёт специфические проблемы.

Переводческими задачами и их практическими решениями, которым мы уделим внимание ниже, будут перевод собственных имён, передача каламбуров и других словесных игр, использованных в повести, применение фольклорных мотивов в переводе стихотворных фрагментов оригинала, употребление лингвокультурно маркированной фразематики как средства переводческой адаптации, а также учёт в переводе различий в некоторых общих стилистических чертах языка оригинала и языка перевода. Заметим при этом, что в случае перевода отдельных выражений или фрагментов текста названные задачи накладываются друг на друга, требуя от переводчика незаурядной изобретательности.

Собственные имена

Перевод собственных имён, прежде всего главных героев книги, может совмещать в себе и передачу языковых игр, и культурную адаптацию. Заметим при этом, что культурная адаптация в этой области не проводится переводчиком насильно. *London* остаётся *Лондоном*, *Christopher Robin* это *Кристофер Робин*, а *Sanders*, „под чьим именем” жил в Лесу Медвежонок, это (с небольшим изменением) *Сандер*, что лемковским читателем может восприниматься как сокращенная, фамильярная форма имени *Александр*.

Петро Криницкий решил также не менять значительно формы имени Медвежонок (хотя, как мы покажем в дальнейшем, здесь всё-таки появляется лемковский акцент). Передачу на письме произношения английского наименования, а не — как, например, в польских переводах И. Тувим (*Kubuś Puchatek* – Milne 2008) и М. Адамчик (*Fredzia Phi-Phi* – Milne 1986) – придумывание имени более близкого этническим конвенциям языка перевода, можно, конечно, оценивать по-разному. Не исключено, что мотивацией могло быть сознание того, что читателями книги будут также англоязычные лемки, которым повесть знакома и близка в оригинальной форме (также её название, совпадающее с именем главного героя). Возможно, что решающее влияние оказала всемирная известность мультфильма. В комментариях к книге (Милн 2000а: 55) отмечается двойственная, андрогинная натура главного персонажа повести. Первая часть имени Медвежонок, *Winnie*, это ласкательная форма женского имени *Winifred*. Кстати, в польском переводе Моники Адамчик эквивалентом этого компонента является форма с женской коннотацией *Fredzia*. Петро Криницкий воспроизводит в своём переводе фонетический облик компонентов *Winnie* и *Pooh*: *Віні Пу* и проявляет творческую изобретательность в передаче фрагмента, в котором Кристофер Робин пытается выяснить странное имя своего игрушечного друга:

When I first heard his name, I said, just as you are going to say,

"But I thought he was a boy?"

"So did I," said Christopher Robin.

"Then you can't call him Winnie?"

"I don't."

"But you said--"

"He's Winnie-ther-Pooh. Don't you know what 'ther' means?"

"Ah, yes, now I do," I said quickly; and I hope you do too, because it is all the explanation you are going to get. (5) - цитується по виданню (Milne 1983)

Кед я першыраз почул його імяно, рюк ем само тото, што і вы хочете речы:

- А я мысліл, же то хлопец.

- Та і я так мысліл - адпові

Крыстофер Робін.

- Чом товды го кличеш Віні?

- Я го так не кличу.

- Але ты повіл...

*- Повіл ем **Він-і Пу**. **Хыбаль ты знаш, што значыт „він”?***

- Є, тепер уж знам - одрюк ем прудко і надію ся, же вы тіж спохватили, понеже то єдине поясніня, котре дастанете. (13–14)

- цитується по виданню (Милн 2015)

В тексте повести *ther* — это звуки без значения. В переводе же „*він*” (лемк. ‘он’) решает, казалось бы, проблему пола главного героя саги, однако всё-таки загадочным остаётся элемент (частица?, союз?) „*i*”. Переводчику удаётся воспроизвести эффект мнимого объяснения и добавочно включить в свою передачу имени *Winnie* переводческую игру с читателем, «обнаруживая» вместе с ним в этом английском звукосочетании лемковское личное местоимение третьего лица мужского рода.

Внимания заслуживают также переводческие эквиваленты собственных имён остальных персонажей. Звукоподражанием, как в оригинальном тексте, передано имя осла *Eeyore* [i:’jo:], причём к ономотопеическому компоненту добавлен переводчиком суффикс *-к(о)*, свойственный лемковским сокращённым формам имён, т.е. *Ійко* (ср. лемк. *Ілько, Ірко, Юрко, Васко, Лешко, Яцко* и др.; см. Wolnicz-Pawłowska 1993: 58–62, 66). В словаре Я. Хорощак находим аналогичный, употребляемый реально дериват — со звукоподражательным элементом *гав* (воспроизведение лая собаки) и суффиксом *-к(о)*: *гавко* ‘собака’, являющийся результатом «детского» словообразования (Hogorszczak 2004: 41).

Собственными именами с лемковским суффиксом *-атк(о)/-ятк(о)*, образующим названия молодых животных (ср. в словаре Я. Хорошака: *голубятко* ‘голубёнок’ от *голуб* ‘голубь’, *дичатко* ‘поросёнок кабана’ от *дик* ‘кабан’, *еленятко* ‘олёнёнок’ от *елен* ‘олень’, *мачатко* ‘котёнок’ от *мачка* ‘кошка’ (Horuszczak 2004: 45, 53, 58, 89 и др.), наделены в переводе важные, но по физическим габаритам маленькие персонажи: *Piglet* и *Roo*. Лемковское имя маленького поросёнка: *Пацятко* от *паця* ‘свинья’ — это имя собственное, образованное от нарицательного. Кстати, в связи с обозначением этого персонажа Петро Криницкий вводит в текст перевода комический приём, которого нет в первоисточнике и из-за грамматической природы английского языка не могло быть. Это языковое отражение неопределённости пола, то есть средний род имени *Пацятко*, детерминирующий употребление в среднем роде согласованных с ним слов (прилагательных и глаголов), а также употребление с той же референцией местоимения среднего рода *оно*. В английском тексте *Piglet* обозначается местоимением мужского рода *he* (*him* и, соответственно, притяжательными *his*):

I know Piglet well, and he's quite a different colour.

Piglet began to say that this was because he had just had a bath, and then he thought that perhaps he wouldn't say that, and as he opened his mouth to say something else Kanga slipped the medicine spoon in, and then patted him on the back and told him that it was really quite a nice taste when you got used to it. (51)

- Я добрі знам Пацятко, оно має доцяп інчу барву.

Пацятко хотіло одраз пояснити, же то зато, же праві ся выкупало, але потім подумало, же радше бы того не речы, і кед уж отворило рьяк, жебы речы дашто інче, товду Канта му прудко витурила лжыцю з медицином, пак го поклепала по хырбеті і повіла, же нона медицина смакує докінце добрі, лем треба до ней привыкнути. (118)

Яркий юмористический эффект вызван необычным, не встречаемым в реальной речи, употреблением формы среднего рода в первом лице для обозначения самого себя:

- I'll dig the pit, while you go and get the honey. (29)

- Я буду копало яму, а ты за тот час гыбай за медом. (70)

В аспекте переводческой эквивалентности интересно имя кенгурёнка *Baby Roo*. Его мать *Kanga* получает в переводе сходный с первоисточником фонетический облик *Канга*, причём конечный согласный приобретает статус окончания существительного женского рода. Имя кенгурёнка *Roo* воспроизводит конечную часть английского названия *kangaroo*, что символически подчёркивает физическую близость и генетическую связь детёныша с матерью (*Kanga*). Переводчик образовал имя кенгурёнка *Ратко*, следуя тому же приёму, то есть использовал конечный согласный [p] лемковского названия *кангур*, прибавив к нему суффикс молодого существа *-атк(о)*; в полном варианте: *Дімятко Ратко*. С этим словосочетанием согласуются формы среднего рода, однако имя *Ратко* мужского рода, а кроме того другие формы определяют мужской пол кенгурёнка:

Baby Roo was practising very small jumps in the sand, and falling down mouse-holes and climbing out of them, and Kanga was fidgeting about and saying "Just one more jump, dear, and then we must go home." [...]

"Look at me jumping," squeaked Roo, and fell into another mouse-hole. (47)

Дімятко Ратко ся вправляло в гопканю на піску. Падало до мышачых дір, пак з них выходило, а Канга крачала за ним і гварила:

- Мій дорогій, іщы лем раз скачыш і підеме домів. [...]

- Позерай як гопкам - запискал Ратко і внал до мышачой діры. (108-109)

Интерес представляет перевод названий (или собственных имён) таинственных, вымышленных, виртуальных существ, обитающих в воображениях героев саги: *Heffalump*, *Woozle* и *Wizzle*. Название *Heffalump*, детская модификация слова *ellephant* (так и представлено это животное на иллюстрациях Э. Шепарда), получило в переводе удачный, как представляется, эквивалент *Слоняч*. Суффикс *-ач* выделяется, между прочим, в лемковских дериватах со значением носителя признака, названного в производящей основе, как, например, *баюсач* ‘усач’ от *баюсы* ‘усы’, *бородач* ‘бородач’, от *борода* ‘борода’, *пелехач* ‘волосатое, кудлатое живое существо’ от *пелех* ‘косма, прядь’, *рогач* ‘рогач’ от *rig/pig*, *рогы* ‘рог, рога’, *силач* ‘силач’ от *сила* ‘сила’ и др. (Horoszczyk 2004: 23, 24, 26, 112, 132, 133, 141), а также как производитель действия, названного в про-

изводящей основе, ср. *грач* ‘игрок’ от *грати* ‘играть’, *рубач* ‘лесоруб’ от *рубати* ‘рубить’, *чытач* ‘читатель’ от *чытати* ‘читать’ и др. (Horoszczak 2004, 46, 138, 146). *Слоняч*, таким образом, это живое существо, либо имеющее признаки слона, либо выполняющее действие, названное в производящей основе (*слон-*). Кристофер Робин так описывает поведение этого существа: “*I saw a Heffalump today, Piglet.*” “*What was it doing?*” asked Piglet. “*Just lumping along,*” said Christopher Robin (27). Английский глагол *to lump* в сочетании с *along* служит выражению значения ‘тяжело ступать, идти’, что подтверждает ассоциацию со слоном, ср. в переводе неологизм Петра Криницкого *слонячыти ся*: — *Пацятко, виділ єм днес Слоняча. — А што робил? — звідало Пацятко. — Лем ся так слонячыл гори-долов — одповіл Крістофер Робін* (65). Таким образом, переводчик учитывает также возможность предоставляемой словообразовательной системой языка мотивации глаголом действия, создавая неологизм *слонячыти ся*, ср. *блиндач* ‘бродяга’ от *блндати* ‘слоняться, шататься, шляться’ (Horoszczak 2004: 23, 375). Обратим при случае внимание на лемковскую особенность в переводе наречия *along*, которое относится, скорее, к передвижению по горизонтали. По-лемковски можно также сказать *ходити там и назад*. Но лемки жили испокон веков в горах и передвижение вдоль селения чаще всего было одновременно движением вертикальным. Быть может, этим объясняется синонимичность лемковских выражений *там и назад* и *гори-долов* (*гори-долов*), причём второе из них более частотно. Словообразовательное творчество П. Криницкого проявляется при переводе речевых реакций Поросёнка (*Piglet*, *Пацятко*), заглянувшего в Пасть и шокированного увиденным там и услышанным оттуда:

"Help, help!" cried Piglet, "a Heffalump, a Horrible Heffalump!" and he scampered off as hard as he could, still crying out, "Help, help, a Herrible Hoffalump! Hoff, Hoff, a Hellible Horralump! Holl, Holl, a Hoffable Hellerump!" (33)

- *Ратуйте, ратуйте! - закричало Пацятко. - Слоняч, Страшливий Слоняч! - Такой погнало лем му пяти блисли і заєдно верещало: - Ратуйте, ратуйте, Слонливий Страшач! Страшуйте, страшуйте, Ратливий Слоняч! Слонюйте, слонюйте, Страшливий Ратач!* (78)

Неопределённое животное *Woozle*, которому принадлежали, как ошибочно предполагали *Winnie Pooh* и *Piglet*, оставленные на снегу следы лап (здесь, кстати, интересный неологизм переводчика: *labai* ‘следы лап’ от лемк. *лаба* ‘лапа’; ср. лемк. *окаі* ‘круги под глазами’), названо в переводе *Лосиця*. В словаре Я. Хорощака находим, правда, слово *лось* ‘лось’, но ни в одном лемковском словаре или тексте не отмечен дериват от этой основы, обозначающий, например, самку (как *медведиця*, *павуриця* или *голубиця*). Так что образование *Лосиця* остаётся таинственным. Следов становится больше и *Winnie* приходит к выводу, что они сделаны ещё одним животным: *Wizzle* — в переводе это *Лисиця*. Обратим внимание, что лемковское название самки лисы — *лишка*. Переводчик использует знакомые морфемы, но их объединение не образует известных и понятных слов, что и соответствует замыслу, заключённому в переводимом тексте.

Разные комические эффекты связаны также с двумя именами деда поросёнка, которые якобы записаны на доске перед домом, в котором сейчас живёт *Piglet* (*Пацятко*). В самом деле надпись на обломке доски *TRESPASSERS W* — это фрагмент объявления перед частным владением, возможно: *TRESPASSERS WILL BE PROSECUTED* ‘Нарушители границ будут преследоваться по закону’, в переводе: ВСТУП ДО ЛІСА З, то есть полностью, по-видимому: ВСТУП ДО ЛІСА ЗАБОРОНЕНИЙ ‘Вход в лес запрещён’. В объявлениях выступают устойчивые выражения, фраземы, и такой перевод (с уточнением: *до ліса*) в лингвокультурном отношении кажется для лемковского читателя более естественным. Рассказ Поросёнка об именах деда создаёт комические эффекты, и не всем переводчикам удаётся воспроизвести заключённый в этих историях языковой юмор. С этой задачей Петро Криницкий справился, как представляется, удачно. Сравним:

And his grandfather had had two names in case he lost one - Trespassers after an uncle, and William after Trespassers. (18)

А його дідо мал два імена, на припадок, кед бы єдно стратил - Вступдоліса по уйку, а Зиновій по Вступдолісови.

В английском тексте юмористически сопоставлены два совпа-

дающих по форме предложно-падежных сочетания: *after (a)* + существительное со значением посессивного субъекта-отправителя (ср. русск. *имя унаследовал от дяди*) и *after (a)* + существительное со значением темпоративно-локативным, напр. какое-либо слово произносится или пишется после иного слова (имя *William пишется / произносится после Trespassers*). Аналогичные значения имеют лемковские выражения, имеющие форму *no* + предложный падеж, что позволило переводчику адекватно передать языковую шутку. Добавочно Петро Криницкий помещает в речи Поросёнка странное для существительного женского рода окончание *-ови* (*no Вступдоло-сови*), что подчёркивает необычный характер этого „имени”.

Юмористические эффекты создаются, конечно, не только игрой формами слов, но также абсурдным употреблением языковых выражений. Оба эти приёма сочетаются и удачно передаются переводчиком в следующей языковой игре:

<p><i>"Perhaps it's some relation of Poooh's," said Christopher Robin.</i></p> <p><i>"What about a nephew or an uncle or something?" Kanga agreed that this was probably what it was, and said that they would have to call it by some name. "I shall call it Pootel," said Christopher Robin.</i></p> <p><i>"Henry Pootel for short." (51–52)</i></p>	<p>- <i>Може то даяка родина з Пу повіл Крістофер Робін. - Який сестренець або уйко? Канта согласила, же так може быти, і повіла, же треба го буде даяк называти. - Будеме го называти Пуйко - рюк Крістофер Робін. - В скорочыню: Уйко Пуйко. (118–119)</i></p>
--	--

Как видно, Петро Криницкий вводит здесь ещё один элемент языковой игры: связь с *Пу* подчёркивается не только, как в английском тексте, общим элементом в именах (*Poo – Pootel, Пу – Пуйко*), но также в закреплении в собственном имени семейной связи (*уйко – Уйко*).

Каламбуры. Языковые игры

Типичную структуру каламбура (языковой игры) описывает В.С. Виноградов: «Каламбуры обычно состоят из двух компонентов, каждый из которых может быть словом или словосочетанием.

Первый компонент такого двучленного образования является своеобразным лексическим основанием каламбура, опорным элементом, стимулятором начинающейся игры слов, ведущей иногда к индивидуальному словотворчеству. [...] Второй член конструкции слово (или словосочетание) – «перевёртыш», результирующий компонент или результатанта, представляющая собой как бы вершину каламбура. Лишь после реализации в речи второго компонента и мысленного соотношения его со словом-эталоном возникает комический эффект, игра слов. Результанта может быть взята из лексических пластов, как составляющих литературную норму языка, так и находящихся за её пределами, или вообще относится к фактам индивидуальной речи» (Виноградов 1978: 153).

Комический языковой эффект получается в разговоре Пуха с Совой, когда незнакомое ему слово *issue* Медвежонок воспринимает как звук чихания и просит Сову повторить непонятную ему фразу. Переводчик включает в речь Совы лемковскую частицу *ачий*, фонетический облик которой похож на чихание:

"The thing to do is as follows.

*First, **Issue** a Reward. Then –"*

"Just a moment," said Pooh, holding up his paw. "What do we do to this – what you were saying? You sneezed just as you were going to tell me."

"I didn't sneeze."

"Yes, you did, Owl."

"Excuse me, Pooh, I didn't. You can't sneeze without knowing it."

"Well, you can't know it without something having been sneezed."

*"What I said was, 'First **Issue** a Reward'."*

"You're doing it again," said Pooh sadly.

*"**A Reward!**" said Owl very loudly. (24–25)*

*- Треба зробити таку річ. Самоперше Призначити Нагороду, **ачий**...*

- Діждий хвилю - перервал Пу двигаючи лабу. - Што треба зробити... што ты рекла? Кыхнула єс акуратні бесідуючи тото слово.

- Я не кыхнула.

- Та кыхнула єс, Сова.

- Пребач Пу, але я не кыхнула. Не годна-м кыхати і о тым не знати.

- А я не годен чути кыханя, если бы никто не кыхал.

*- Рекла єм: самоперше Призначити Нагороду. **Ачий**...*

- Зас єс тото зробила - повіл за смучений Пу.

*- **Ачий!** - повторила Сова барз голосно. (58–60)*

Перевод последней реплики Сова, правда, неадекватен смыслу соответствующего выражения исходного текста. Сова, раздражённая требованиями Винни Пуха повторять только что сказанное, произносит с нажимом слово, которое должно быть Винни Пуху понятно: *Reward* ‘награда’. В переводе же Сова произносит как раз то выражение, которое Винни Пух принял за звук чихания: *Ачий!* Лемковская эпистемическая частица *ачий* многозначна, и в таком контексте может интерпретироваться как *Возможно, может быть!*, то есть в переводе Сова, не желая продолжать бесплодного спора, тактически притворяется, что допускает возможность согласиться с Пухом относительно чихания. Помимо несовпадения прагматического смысла соответствующих высказываний английского и лемковского текстов, воссоздание комического эффекта с мнимым чиханием реализовано успешно, а это была, как представляется, более важная переводческая задача.

В рассмотренном выше фрагменте вторым компонентом каламбура является — но лишь в восприятии Пуха — неязыковой, физиологический звук. Это вид „каламбура-ошибки” (Виноградов 1978: 162–166). Переводчик добавочно разыгрывает многозначность лемковского слова *ачий*.

Восьмая глава саги *Winnie-the-Pooh*, описывающая экспедицию в поисках Северного полюса, содержит целый ряд языковых игр. Ошибочная и непонятная форма *Expotition* (употреблённая вместо правильной *Expedition*) переведена как *Одправа*, что вносит новую, отсутствующую в переводимом тексте юмористическую культурную ассоциацию, ибо это лемковское слово обозначает богослужение:

- "What do we do next?" - А тепер што будеме робити?
"We are all going on an Expedition," said Christopher Robin, as he got up and brushed himself. - Виштыкы підеме на **Выправу** - одрюк Крістофер Робін, кед ся двигнул і отрепал.
"Thank you, Pooh." - Дякую ти, Пу.
"Going on an **Expotition**?" said Pooh eagerly. "I don't think I've ever been on one of those. Where are we going to on this **Expotition**?" - Підеме на **Одправу**? - звідал нетерпливі Пу. - Хыбаль ищы нигда єм на жадній не был. Де підеме на тоту **Одправу**?
"Expedition, silly old Bear. It's got an 'x' in it." (53) - **Выправу**, старий, бездарний Медведю. Оно має два „**В**". (122–123)

Кристофер Робин поясняет, что слово *Expedition* содержит an 'x', что, конечно, в данном контексте лишено смысла, поскольку то же самое можно сказать об ошибочном новообразовании *Пууха*. Віні повторяет інформацію Поросёнку, который воспринимает это выражение как *a necks* и соответственно реагирует:

- "Nothing fierce?" - Нич окрутне?
"Christopher Robin didn't say anything about fierce. He just said it had an 'x'." - Та де, Крістофер Робін не споминал о ничым окрутным. Він лем повіл, же оно має два „**В**”-
"It isn't their **necks** I mind," said Piglet earnestly. "It's their teeth. [...]" - Не **главы** ся бою - рекло щыро Пацятко - лем тых острых зубысків. (55-56)

Как видно, переводчик несколькими абзацами раньше — что показано в предыдущих цитатах — подготавливает языковую шутку, которая находит своё завершение в разговоре Винни Пууха с Поросёнком. Таким образом, комический эффект — правда, с использованием лексем, не совпадающих по значению с оригиналом, — всё-таки в переводе сохранён.

Заметим, кстати, что в приведённом выше фрагменте, а также в других местах текста, пословный перевод ласкательного английского обращения *silly old* как *старий*, *бездарний* вряд ли оправдан, хотя в данных контекстах первичные значения слов могут нейтрализо-

ваться, а на первый план может выступить их ласкательный смысл.

Серьезную трудность представляет для переводчика языковая игра с обозначением Северного полюса и того, что окончательно Кристофером Робинем объявлено, то есть с соответствующей подменой английских лексических омонимов *pole* ‘полюс’ и *pole* ‘столб, жердь, вежа’. Лемковскими кандидатами к такой подмене оказались лексемы *поль* (авторская модификация слова *полюс*) и *палиця* ‘палка, дубина’. Фонетическое различие в гласных *o/a* Петро Криницкий сглаживает, вводя в языковую игру лемковское слово *полиця* ‘полка’: *Йдеме одкрывати Поль або Полицю. А може Палицю? Сяк-так йдеме тото одкрывати* (124).

Следующая словесная игра касается незнакомого Медвежонку слова *Provision*, значение которого он пытается осмыслить, по-своему преобразуя его и придавая ему соответствующую внутреннюю форму: *Pro-things to eat*. Правда, в словаре Я. Хорощака находим лемковское слово *проянт* с тем же значением, однако Петро Криницкий решил здесь употребить и юмористически разыграть синоним *мериндя*, имеющий яркую культурную окраску, ср. пояснение Я. Хорощака „jedzenie dawane pastuchom, lub innym pracującym w polu, żeby zjedli na miejscu — еда, которую получали пастухи или полевые работники, для съедения в месте работы”:

*And we must all bring
Provisions.*

"Bring what?"

"Things to eat."

*"Oh!" said Pooh happily. "I
thought you said Provisions. I'll go
and tell them."*

[...]

*And we've got to bring Pro-things
to eat with us. In case we want to
eat them. (54–55)*

*І вишиткы мусиме забрати
Мериндю.*

- Што забрати?

- Ідло.

*- Йой - повіл радістні Пу. - А мі
ся здавало, же єс рюк Мериндю.
Піду ім повісти. - І пішол.*

[...]

*І маме забрати зо собом Мер-
ідло. Жебы сме мали, кед ся нам
буде хотило їсти. (123–125)*

Особого внимания заслуживает перевод фрагмента, в котором герои саги в поисках Северного полюса зашли в опасное место, о котором Кристофер Робин говорит: *"It's just the place [...] for an Ambush."* Винни Пух переспрашивает: *"What sort of bush?"*

[...]“*A gorse-bush?*” и ему поясняют, что имеется в виду ситуация, в которой кто-то внезапно (*suddenly*) наскочит на тебя. Винни Пух поддерживает своё предположение, вспоминая, как колючий куст (*gorse-bush*) внезапно наскочил на него, когда он упал с дерева, вследствие чего ему пришлось шесть дней вытаскивать из себя колючки. Переводчики по-разному пытаются передать комизм этой сцены, на который складываются как фонетические, так и смысловые ассоциации слов. В переводах на русский язык это у Вадима Руднева (Милн 2000б: 137) для *Zasad* — *зоосад*, а в зоосаде неожиданно наскакивающие на кого-то *крокодилы*; в переводе Бориса Заходера (Милн – Заходер 2000: 21) выражение для *zasad* вызывает у Винни Пуха вопрос о саде (*Какой сад?*) и о колючем кусте малины. В переводе на польский язык, выполненном Иреной Тувим (Milne 2008: 103–104), слово *Zasadzka* ассоциируется у Винни Пуха со словом *Posadzka* и падением со стула, при котором на него набросился каменный пол, а у Моника Адамчик (Milne 1986: 99) неожиданным сюрпризом оказывается для Винни Пуха *Zakąska*. В этих сравнениях перевод Петра Криницкого представляется весьма удачным. Переводчик втянул здесь в языковую игру лемковский эквивалент английского наречия *suddenly* — *нездобачкы*. Приведённый выше фрагмент с высказыванием Кристофера Робина и переспросом Винни Пуха получил, таким образом, следующий перевод:

- *Самраз добре місце на Засаду нездобачкы [...]*

- *Зо саду бодачкы? - зашептал Пу.*

(- *Как раз подходящее место для внезапной Засады [буквально: Засады внезапно] [...].*

- *Из сада колючие кустики? [или: чертополохи]*)

И далее:

- *Товды є Засада, если дахто скочыт гу тобі нездобачкы - пояснило Пацятко.*

Пу, котрий уж познал Засаду нездобачкы, рюк, же зо саду бодачкы скочыли колиси гу ньому нездобачкы, кед впал з дерева, пак треба му было шіст дни, нич повиберал зо себе виштыкы колькы. (57–58)

(«Тогда и есть Засада, если наскочат на тебя внезапно», — пояснил Поросёнок.

Пу, который уже познакомился с внезапной Засадой, сказал, что из сада колючие кустики однажды наскочили на него внезапно, когда он упал с дерева, и потом ему потребовалось шесть дней, пока он повытаскивал из себя все колючки)

Несомненным достижением переводчика является поддержка в переводе связей элементов переводимого художественного текста. Преимущество лемковского перевода по сравнению с указанными выше другими попытками передачи этой языковой игры заключается в сохранении текстовой соотнесённости данной ситуации с эпизодом, описанным в первой части книги, а точнее с падением Винни Пуха с дерева в колючий куст (*gorse-bush*), который по-лемковски обозначен как *бодакы* ‘чертополох’. Заметим, что засада (*ambush*) в словаре Я. Хорошака обозначается лемковским словом *засідка*, однако в этом значении вариант *zасада* (как в украинском языке) представляется вполне для лемков понятным и приемлемым. Слово же *бодакы* можно воспринимать или как уменьшительный дериват от *бодакы*, или как общее обозначение колючих кустов. Таким образом, Петро Криницкий достиг здесь добавочного эффекта, т.е. разыграл в переводе не только пару *Ambush – gorse-bush*, но втянул в языковую игру две пары лемковских словоформ: *Zасаду – зо саду* и *нездобачкы – бодачкы*.

Юмористических языковых игр в тексте произведения и, соответственно, в переводе больше. Здесь мы отмечаем лишь некоторые из них. Упомянем ещё об игре с орфографией, где главную роль играет Сова, а также об играх с многозначностью слов, напр. об осле и его хвосте:

<i>"Eeyore. My dear friend Eeyore.</i>	- <i>Йіко. Мій дорогий приятель Йіко.</i>
<i>He was--he was fond of it."</i>	<i>Він мал... він мал го рад.</i>
<i>"Fond of it?"</i>	- <i>Рад?</i>
<i>"Attached to it," said Winnie-</i>	- <i>Был до него привязаний</i> -
<i>the-Pooh sadly. (26)</i>	<i>пояснил смутні Віні Пу. (63)</i>

Языковые игры создают серьёзные переводческие проблемы, поскольку лишь в редких случаях язык перевода предоставляет воз-

можно использовать для этой цели средства, аналогичные языку оригинала (Lipiński 2004; Rzemkowska 2005: 75–83). Как замечает В.С. Виноградов, «в особо трудных случаях переводчик вынужден видоизменять формальную структуру авторской словесной игры: воссоздавать каламбуры-созвучия с помощью игры слов, основанной на полисемии, или наоборот» (Виноградов 1978: 171). Мастерство переводчика проявилось не только в воссоздании — хотя и другими средствами, с использованием различных приёмов воссоздания каламбуров — языкового комизма, заключённого в соответствующих фрагментах переводимого текста. В переводе удалось получить даже некоторые добавочные юмористические эффекты.

Перевод песен. Использование элементов фольклора

Особой задачей был перевод песен, прежде всего сочинений Винни Пуха, который то и дело создаёт новую *співанку-мырчанку* (*a hum*), выражающую простые чувства: радость жизни, когда радостно, или грусть, когда грустно. Иногда Пух включает в свои песенки несложные „философские” рассуждения.

Переводя песенки с осмысленными текстами, переводчик относительно адекватно передаёт их смысл, например:

<i>How sweet to be a Cloud</i>	<i>Красні хмарком быти,</i>
<i>Floating in the Blue!</i>	<i>Небом сой летіти,</i>
<i>Every little cloud</i>	<i>Кажда хмарка мала</i>
<i>Always sings aloud.</i>	<i>Буде так співала.</i>
<i>“How sweet to be a Cloud</i>	<i>Красні хмарком быти,</i>
<i>Floating in the Blue!”</i>	<i>Небом сой летіти,</i>
<i>It makes him very proud</i>	<i>Вельку радіст мам,</i>
<i>To be a little cloud. (10)</i>	<i>Кед з вітриком грам. (27)</i>

Языковой юмор, языковые игры включены в книгу „Winnie-the-Pooh” также в тексты песен, как языковая шутка со словами (*a fly* ‘муха’ – (*to fly* ‘летать’, а также (*a bird* и с не существующим в английском языке, вымышленным глаголом (*to bird*, которые переводчик заменил парами *літо – літати*, *муха* и не существующим в лемковском языке глаголом *мухати*:

<i>Cottleslon, Cottleston, Cottleston Pie. A fly can't bird, but a bird can fly. Ask me a riddle and I reply: Cottleston, Cottleston, Cottleston Pie. (34)</i>	<i>Горнятко з медом, різанка, То буде перша звіданка. Літати гарді знає муха, Та літо ніяк не мухат? Горнятко з медом, білий квіт, Я уж одповів, а Ты ніт. (27)</i>
--	---

Некоторые „співанкы-мырчанкы” Винни Пуха лишены, однако, сколько-нибудь осмысленного текста. Они составлены из ритмических звукоочетаний, напоминающих так называемые *nursery rhymes*, как *Hey diddle diddle, The cat and the fiddle...* (Rhymes). В таких случаях переводческими эквивалентами являются такого же рода бессмысленные звукоочетания, причём особо следует отметить введение в этой функции типично лемковских структур, взятых из народных песен, напр.:

<i>Tra-la-la, tra-la-la, Tra-la-la, tra-la-la, Rum-tum-tiddle-um-tum. Tiddle-iddle, tiddle-iddle, Tiddle-iddle, tiddle-iddle, Rum-tum-tum-tiddle-um. (13)</i>	<i>Тра-ля-ля, тра-ля-ля, Тра-ля-ля, тра-ля-ля, Гя-гой, ромта-та. Парада, парада, Цір-цір, цірада, Гя-гой, ромта-та. (33)</i>
---	---

Сравним с припевами в лемковской народной песни «Мам я красну заградочку»:

*Мам я красну заградочку,
Ухаха,
Мам я красну заградочку,
Парада, парада,
А в ній росне фіялочка,
Чір, чір, чірада. (Piosenki 2001: 51)
(У меня красивый огородец,
Ухаха.
У меня красивый огородец,
Парада, парада,
А в нём растёт фиалочка.
Чир, чир, чирада)*

Песенку спробує співати також ослик Ійко:

"Sing. *Umty-tiddly, umty-too.* - *Співай. Гей-гой, лелія! Роз-
Here we go gathering Nuts and марія і лелія на біло преквитала-
May. Enjoy yourself."* *ла, гей! Но-ле, буд веселій!*

Как функциональный культурный эквивалент припева из популярной английской песенки „Nuts in May” (Wordsforlife) Петро Криницький взял фразу из лемковской народной песни «Ганцю не дримай», ср.:

***Розмарія і лелія ,
Розмарія і лелія
На біло преквитала.
Наша Ганичка
Лем за Яничка
Бы ся выдавала! (Piosenki 2001: 21)
(Розмарин и лилия,
Розмарин и лилия
Бело отцветала.
Наша Ганичка
Лишь за Яничка
Замуж бы вышла)***

Вставки *гей-гоя*, *гей-гей* находим в разных лемковских народных песнях. Случаев культурной адаптации в переводе Петра Криницького больше:

Gaiety. Song-and-dance. Here we - *Веселити ся. Таньцувати і
go round the mulberry bush. (34)* *співати. Червене яблочко по-
під гору скаче. (82)*

Английская фраза, взятая из популярной детской хороводной песенки, заменена в переводе фразой, которую встречаем, между прочим, в лемковской песне, ср.:

***Червене яблочко попід гору скаче,
Не еден паробок за дівчатком плаче. (Антологія 2005)
(Красное яблочко под гору скачет,***

Не один парень за девчонкой плачет)

Gaiety, song-and-dance, here we are and there we are? (40)   **Веселости моя, де я тя подію...**
танцювати і співати...гя-гоя, гя, гя-гоя...? (95)

Ср. в лемковской песне:

Ой кудільо кудільо
Де я тя подію?
Куділь шмару до шанцу,
Сама піду до танцу. (Лемківські 1967)

(Ой, кудель, кудель
Куда я тебя дену?
Кудель брошу в канаву,
А сама пойду в танец.)

Приведённая в следующем примере цитата взята из лемковской песни „Лісом, лісом”:

I'm just telling everybody. We can look for the North Pole, or we can play 'Here we go gathering Nuts and May' (56)   *Я лем гварю вишиткым, же про мене вишитко єдно, ци будеме глядати Пiлнiчний Поль, ци співати: „Там на горі узкы стежки - подме вишиткы на орішкы" (127)*
(„Там на горе узкие тропинки – идёмте все за орешками”)

Пу, который висит на воздушном шаре и, притворяясь Тучкой, пытается обмануть пчёл, просит Кристофера Робина, чтобы он прохаживался внизу и приговаривал *Tut-tut, it looks like rain* (10). Эта приговорка в переводе получает культурно-маркированный эквивалент в виде фразы из народной песенки: *Не лій дойджык, не лій, бо тя ту не треба...*

Фразематика

Лингвокультурная адаптация проявляется в переводе Петра Криницкого в употреблении устойчивых, в большинстве лингвокультурно-маркированных лемковских фразем как эквивалентов соответствующих единиц английского языка. Сюда относятся фраз-

мулы вежливости, формулы приветствия и прощания, пожелания по случаю дня рождения, экспрессивы, выражающие недовольство, радость или удивление, повелительные формы с характерными усилительными частицами и другие. Конечно, в отдельных случаях межъязыковая эквивалентность определяется ситуацией речевого акта: *Bother!* – До фраса!; *Good-bye!* – Буд здорів!; *It's a very funny thing* – То є пречудне; *Look!* – Смотри-ле!; *That must be it* – Маи правду; *But you never can tell...* – Але не зная...; *Of course it is* – Само собою; *Many happy returns of the day* – Виштыкого доброго при нагоді твоїх уродин; „*A Happy Birthday*” – „На Многы і Благы Літа”; *So it does!* – Вера!; *Not yet* – Затля іщы ні; *Hardly at all* – Нияк нім; *Suddenly* – З добра дива; *And that's that* – Повіджено – зроблено; *a long line of everybody* – виштыкы шором; *Hush!* – Тихай-ле!; *This is Serious* – Вера, не на Сміх; *How grand!* – Чудово!; *Are you sure?* – Правда же?; *It is a great pleasure...* – Маи велику чест...; *I feel that...* – На душы чую, же...; *It's the same thing* – Шак то єдно і само; *he trotted off as quickly as he could / he scampered off as hard as he could* – погнало лем му пяты блисли.

Воспроизводимых фразематических единиц можно указать в переводе Петра Криницкого значительно больше. Текст данного перевода представляет собой, таким образом, богатый источник языкового материала, который можно использовать как в научных, так и в дидактических целях.

Общие стилистические характеристики

Переводчик учитывает также общие стилистические признаки лемковского литературного текста, отличающие его от довольно аскетического стиля отдельных высказываний английского оригинала. Различие касается, в частности, авторских ремарок с глаголами речи, сопровождающих реплики действующих персонажей. В английском тексте преобладает здесь глагольная форма *said*. Петро Криницкий разнообразит ремарки, употребляя интерпретирующие глаголы речи, например:

"I do remember," he **said**, "only Pooh doesn't very well, so that's why he likes having it told to him again. Because then it's a real story and not just a remembering."

"That's just how I feel," I **said**.

Christopher Robin gave a deep sigh, picked his Bear up by the leg, and walked off to the door, trailing Pooh behind him. At the door he turned and **said**, "Coming to see me have my bath?"

"I might," I **said**. (12)

"Oh, help!" **said** Pooh. "I'd better go back."

"Oh, bother!" **said** Pooh. "I shall have to go on."

"I can't do either!" **said** Pooh. "Oh, help and bother!" (15)

"Hallo, Pooh," he **said**. "How's things?"

"Terrible and Sad," **said** Pooh, "because Eeyore, who is a friend of mine, has lost his tail. [...]"

"Well," **said** Owl, "the customary procedure in such cases is as follows."

"What does Crustimoney Proseedcake mean?" **said** Pooh. "For I am a Bear of Very Little Brain, and long words Bother me."

"It means the Thing to Do."

"As long as it means that, I don't mind," **said** Pooh humbly.

"The thing to do is as follows. First, Issue a Reward. Then--"

"Just a moment," **said** Pooh, holding up his paw. (24)

- Памятам - **повіл** - лем же Пу небарз памятає, прото бы хотіл раз іщє ю чути од тебе. Товды то буде правдива оповіданка, а не хоц-яка припоминанка.

- Та і мі ся так здає - **одрюк** єм.

Крістофер Робін збыхнул глибоко, хватил Медведика за ногу і влюк го за собом до двери. Во дверіох ся обернул і **звідал**: - Придеши гу мі позерати як ся купам?

- Можу - **одповіл** єм. (127)

- Ой, ратуйте! - **закричал** Пу. - Верну ся радше назад.

- Ой, до фраса! - **заволав** Пу. - Шак я мушу іти до переду.

- Не годен єм ни там, ни сям! - **спохватил** Пу. - Ой, ратуйте і до фраса! (38)

- Витай Пу - **рекла**. - Як ся маиш?

- Окропечні і Смутні - **одповіл** Пу - бо Ійко, мій приятель, стра- тил хвіст. [...]

- Добрі - **почала** Сова - в таких обставинах принято обычну процедуру.

- Што значыт Обмерзену Куру? - **звідал** Пу. - Шак я Медвід з Примальым Розумом і долги слова мя Фрасуют.

- То значыт, што Треба Зробити.

- Єсли значыт лем тото, товды оне мі нияк не вадит - **завер- шыл** покірні Пу.

- Треба зробити таку річ. Самоперше Призначыти Нагороду, ачий...

- Діждий хвилю - **перервал** Пу двигаючы лабу. (58)

Ту же причину можно обнаружить в употреблении переводчиком синонимов в тех случаях, когда в английском тексте выступают повторения слов:

<i>So when Christopher Robin goes to the Zoo, he goes to where the Polar Bears are</i> (2)	<i>Коли Кристофер Робін приходить до 300, одраз іде там, де жьють Білы Медведі.</i> (9–10)
<i>It rained and it rained and it rained.</i> (63)	<i>Ляло, і ситило, і дойджыло.</i> (142)

Проведённый анализ показывает, что трансляторская доминанта (Bednarczyk 2005: 26), каковой является языковой юмор произведения А.А. Милна, реализована Петром Криницким весьма успешно с использованием средств разных уровней структуры языка: фонетики (два „В” — главы, *Полиця — Палиця, ачий, Засаду нездобачкы — зо саду бодачкы*), лексики и словообразования (*Йіко, слонячыти ся, Слонливий Страшач! Страшуйте, страшуйте, Ратливий Слоняч! Слонюйте, слонюйте, Страшливий Ратач! лабаі, Лосиця, Лисиця, ВСТУПДОЛІСА З, Уйко Пуйко, Одправа, Мер-ідло, мухати*), синтаксиса (*Він-і-Пу, я буду копало, по уйку — по Вступдолісови*, а также абсурдным употреблением выражений (*Пуйко — в скорочыню: Уйко Пуйко*)).

Переводческая стратегия культурной адаптации проявляется в выборе характерных лемковских форм собственных имён (*Йіко, Ратко, Пуйко*), в использовании лемковских словообразовательных морфем и моделей (*Пацятко, Ратко, слоняч – слонячыти ся, лабаі, Лосиця, Лисиця, бодачкы*). Сильным адаптационным средством является использование фольклорных мотивов в переводе песен. Лемковские народные песенки и напевы знают Пу и ослик Йіко. Персонажи повести употребляют культурно окрашенную лексику и фраземы. Переводы Петра Криницкого обогащают фонд современных литературных текстов лемковского языка. Естественным адресатом этих книг является молодой читатель, именно упомянутый *new speaker*. Сказочные тексты могут успешно использоваться в школьном обучении языку и как домашнее чтение. Время покажет, какую роль сыграет дидактический потенциал этих переводов для поддержки и укрепления современного лемковского языка. Так или

иначе, несомненно их символическая роль, утверждающая креативные возможности лемковского языка наших дней.

Время показало, что литературный шедевр А.А. Милна обладает изумительной силой воздействия не только в оригинале и в англоязычной сфере, но и в переводах на другие языки. Различные крылатые выражения из переводов вошли в этих языках в обиход повседневного общения, а герои сказки о Медвежонке Пухе и других жителях Леса пользуются в разных концах мира неугасающей популярностью. Можно в связи с этим ожидать, что перевод Петра Криницкого не останется предметом интереса лишь узкого круга специалистов и любителей произведения А.А. Милна, а наоборот, подействует оживляюще, особенно на молодых читателей, открывая для них новые литературные просторы современного литературного лемковского языка.

Литература

- Антологія 2005 – Упорядник М. Байко. *Антологія лемківської пісні*. Львів: Афіша.
- Бесіда 1/2016*. Криниця – Лігниця: Головний Заряд Стоваришнина.
- Виноградов 1978 – В. С. Виноградов. *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Москва: Издательство Московского университета.
- Лемківські 1967 – Зібрав і упорядкував М. Соболевський. *Лемківські співанки*. Київ: Музична Україна.
- Милн 2000а – А. А. Милн. *Винни Пу и философия обыденного языка*. Перевод с английского Т. А. Михайловой и В. П. Руднева. Аналитические статьи и комментарии В.П.Руднева. Москва: АГРАФ.
- Милн 2000б – А. А. Милн. *Winnie-the-Pooh. Дом в Медвежьем Углу* / Пер. с англ. Т. А. Михайловой и В. П. Руднева; Аналитич. ст. и коммент. В. П. Руднева. Москва: Аграф.
- Милн 2015 – А. А. Милн. *Віні Пу*. Перевіюл Петро Криницькій. Стшельце Красньске: Лемко Товер.

- Милн – Заходер 2007 – А. А. Милн, Б. Заходер. *Винни-Пух и все-все-все* (пересказ Б. Заходера). Москва: АСТ.
- Сент-Экзюпери 2013 – А. де Сент-Экзюпери. *Малый Принц*. Переклад: Петро Криницький. Strzelce Krajeńskie: Lemko Tower.
- Bednarczyk 2005 – А. Bednarczyk. *Wybory translatorskie. Modyfikacje tekstu literackiego w przekładzie i kontekst asocjacyjny*. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM.
- Hornsby 2015 – N. Hornsby. *Revitalizing Minority Languages: New Speakers of Breton, Yiddish and Lemko*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Horoszczak 2004 – J. Horoszczak. *Словник лемківско-польській, польско-лемківській / Słownik łemkowsko-polski, polsko-łemkowski*. Warszawa: Rutenika.
- Jędrzejko 1997 – E. Jędrzejko. *Strategia tekstotwórcza a gry językowe w literackich nazwach własnych*. In: *Gry w języku, literaturze i kulturze*. Red. E. Jędrzejko, U. Żydek-Bednarczuk. Warszawa: Energeia.
- Lipiński 2004 – K. Lipiński. *Mity przekładoznawstwa*. Kraków: EGIS.
- Milne 1983 – А. А. Milne. *The World of Winnie-the-Pooh. Poems*. Moscow: Raduga.
- Milne 1986 – А. А. Milne. *Fredzia Phi-Phi*. Przekład Monika Adamczyk. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie.
- Milne 2008 – А. А. Milne. *Kubuś Puchatek*. Przełożyła Irena Tuwim. Warszawa: Nasza Księgarnia.
- Piosenki łemkowskie i ukraińskie 2001 – Akademicki Klub Turystyczny MALUCH.
- Rhymes. http://www.rhymes.org.uk/hey_diddle_diddle.htm
- Rzemykowska 2005 – А. Rzemykowska, А. „*O tłumaczeniu komizmu językowego na przykładzie polskich przekładów gier językowych w “Winnie-the-Pooh at Pooh Corner” A.A. Milne’a*”. Rocznik Przekładoznawczy 1.
- Sojda 2012 – S. Sojda. *Adresat dziecięcy w polskich i słowackich przekładach “Winnie-the-Pooh” A. A. Milne’a na język polski i słowacki*. In: *Bariery kulturowe w przekładzie artystycznym*. T. 3, cz. 1. Red. B. Tokarz. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Szmydtowa 1955 – Z. Szmydtowa. *Czynniki rodzime i obce w*

- przekładzie literackim*. In: *O sztuce tłumaczenia*. Praca zbiorowa pod redakcją Michała Rusinka. Wrocław: Zakład imienia Ossolińskich. Wydawnictwo.
- Teodorowicz-Hellman 1997 – E. Teodorowicz-Hellman. *Komizm w przekładzie prozy dla dzieci, Pippi Pończoszanka” Astrid Lindgren po polsku*. In: P. Fast red. *Komizm a przekład*. Katowice: Śląsk.
- Tokarz 1998 — B. Tokarz. *Wzorzec, podobieństwo, przypomnienie*. Katowice: Śląsk.
- Wolnicz-Pawłowska 1993 – E. Wolnicz-Pawłowska. *Antroponimia lemkowska na tle polskim i słowackim XVI – XIX wiek*. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW) przy Instytucie Sławistyki PAN.
- Wordsforlife. <http://www.wordsforlife.org.uk/nuts-may>

Некоторые изменения в склонении имён существительных в южнолемковском говоре села Хмелёва

Михал Вашичек

В этой статье мы исходим из языковых материалов, записанных нами в селе Хмелёва в 2015 году.¹ Хмелёва (слов. Chmeľová) находится на северо-востоке Словакии в Бардеёвском районе на расстоянии 14 км от районного центра и 6 км от государственной границы с Польшей. В прошлом она принадлежала к владениям замка Маковица в Шаришском комитате (Mušinka – Mušinka 2011: 70). По данным последней переписи населения, проведенной в 2011 году, в селе проживает 398 жителей, 185 из которых указало свою принадлежность к русинской, 177 — к словацкой, 25 — к украинской и один к цыганской национальности.² В качестве родного языка русинский указал 241 человек, словацкий язык — 129, украинский язык — 11.³

---

1 Выбор этого говора для настоящего анализа, помимо внешних факторов, обусловлен тем, что село Хмелёва расположено непосредственно на русинско-словацкой языковой границе — соседнее село Зборов уже словацкое, его говор относится к северношаришским восточнословацким диалектам. Решение вопроса о том, насколько в настоящее время интенсивны междиалектные русинско-словацкие контакты, является одной из целей данного исследования.

2 <http://portal.statistics.sk/files/obce-narodnost.pdf>

3 <http://portal.statistics.sk/files/obce-vlmaterinskeho-jazyka.pdf>

По классификации И. Панькевича говор Хмелёвой принадлежит к группе лемковских говоров (Панькевич 1938: 351). В украинской диалектологии за лемковскими говорами Словакии закрепилось название южнолемковские говоры. З. Ганудель включила говор Хмелёвой в западномаковицкую подгруппу маковицких говоров (Hanudel'ová 1993: 179). Хмелёва входит в сетку опорных пунктов «Атласа украинского языка» (АУМ II: 100), краткая характеристика говора была сделана В. Курашкевичем (Kuraszkiewicz 1985).

В селе Хмелёва были сделаны записи разговоров с шестью диалектоносителями разных поколений — MV31, JV55, AP50, AP56, MK52, MP87.⁴ JV55 — мужчина, все остальные информанты — женщины. Все родились в селе Хмелёва и живут в нём, за исключением MP87, которая во время сбора материала проживала в Братиславе. AP50 жила длительное время в другом селе и работала в г. Свидник. Родители большинства информантов — также уроженцы Хмелёвой. Все наши информанты двуязычны или многоязычны, кроме своего говора они владеют словацким литературным языком и ежедневно его употребляют, например, на работе. Только представитель самого старшего поколения оценила свою компетенцию в словацком как более низкую по сравнению со своим говором: *fšytcı t'ahame po starım | utrimujeme stare | my zname tag jak i po sloven'sky | ale ja slapše | ja slapše* (MV31).⁵

Интервью были записаны на диктофон и переписаны фонематической транскрипцией. Общий объём транскрипций насчитывает 69033 знаков без пробелов. Тексты были проанализированы при помощи программы «MonoCops». Объём полученного материала

---

4 Буквами обозначены инициалы информантов, цифрами обозначен их год рождения. Речь старшего (довоенного) и младшего поколений представлена в нашем материале всего одним информантом, поэтому предлагаемые в данной статье заключения о различии в речи отдельных поколений нужно считать предварительными и подтвердить их дальнейшими исследованиями.

5 «Мы все продолжаем говорить по-старому, сохраняем старое. Мы как бы знаем и по-словацки, но я слабше, я слабше».

позволяет провести анализ некоторых морфологических явлений, сравнить речь разных поколений диалектоносителей и выявить некоторые тенденции современного развития морфологической системы говора Хмелёвой (со второй половины прошлого века до настоящего времени). Мы сосредоточимся на явлениях, обусловленных языковым контактом со словацким языком. Кроме определения предполагаемого влияния литературного словацкого языка мы также попытаемся установить, могли ли проявиться в морфологической системе говора Хмелёвой контакты с соседними словацкими шарышскими говорами.⁶

Русинские диалекты Словакии были хорошо изучены и подробно описаны в прошлом; первые диалектологические записи этих говоров обнаруживаются в работах И. Верхратского, В. Гнатыка (Верхратский 1901; Гнатык 1900), автором комплексного описания фонетики и морфологии всех южнокарпатских говоров является И. Панькевич (Панькевич 1938), говорам отдельных сёл посвящены работы О. Броха, Й. Виры, И. Панькевича, А. Куримского, О. Лешки и других исследователей (Брохъ 1899; Куримский 1961; Лешка 1973). Уникальным в общеславянском контексте является «Атлас українських говорів східної Словаччини» В. Латты (Латта 1991), включающий, за редкими исключениями, все населённые пункты с восточнославянским диалектом на территории Словакии. Лексика исследуемых говоров отражена, например в атласах З. Ганудель (Ганудель 1981–2010). Но в настоящее время имеется лишь очень ограниченное количество работ, посвящённых современному состоянию и развитию русинских говоров в Словакии. При этом в говорах за последние десятилетия произошли значительные сдвиги, вызванные в первую очередь влиянием литературного словацкого

---

6 Языковыми контактами между словацкими и восточнославянскими диалектами предложила заниматься Ю. Дудашова (Dudášová-Kriššáková 2001), сосредоточившись в своей статье на лексике. Словацко-русинским контактам посвящены также отдельные разделы книги «Dynamika jihokarpatských nářečí» (Vašíček 2020). Там же описывается современное состояние и динамика некоторых других частей языковой системы говора с. Хмелёва (с. 81–95).

языка. Настоящая статья стремится хотя бы частично заполнить эту лауну. Эта работа также ставит целью показать пользу составления диалектных корпусов (корпусов устно-диалектной речи) и подтвердить предположение о том, что даже технически несовершенные и небольшие по объему текстовые корпуса могут стать важной материальной базой современной диалектологии, и их анализ может принести весьма интересные результаты.

В центре нашего внимания находятся отдельные падежи склонения существительных, в которых мы сталкиваемся с дублетными окончаниями, одно из которых обычно представляет более древнее состояние говора, а второе — более новое, предположительно, обусловленное контактом с социально доминирующим языком.

Мы будем анализировать окончания в дательном и предложном падежах единственного числа существительных женского рода, оканчивающихся на *-a*, в творительном падеже единственного числа существительных женского рода, в родительном и предложном падежах множественного числа имён существительных всех родов. Эти падежные формы были выбраны для настоящего анализа по той причине, что они являются одними из самых заметных морфологических маркеров, различающих словацкие и русинские говоры, и именно в них проходили изменения, вызванные влиянием словацкого языка.

Формы дательного и предложного падежей имён существительных женского рода

В Д. и П. п. имён существительных жен. р., оканчивающихся на *-a*, используется окончание *-î*; в большинстве южнокарпатских говоров в этих падежах происходит чередование *k – c'*, *x – s' / š'*, *h – z' / ž'*, (*g – ž*). Некоторые говоры утратили указанное чередование, это явление картографируется в атласе В. Латты (Латта 1991: карта 156). Карта показывает, что данное изменение, несомненно, является результатом языковых контактов со словацким языком, так как оно распространено преимущественно в говорах западного Шариша, восточного Спиша, в южномаковицких и некоторых островных говорах, т. е. в диалектах, наиболее подверженных влиянию соседних

словацких говоров.

«Атлас словацкого языка» картографирует в шариишских говорах преимущественно формы с альтернативой – *ruce / -i, nože, macoše*, в северношариишских *macoxi* (ASJ II: 42-44). Ф. Буффа показывает, что чередование заднеязычных исчезает, главным образом, в западношариишских и среднешариишских говорах, тогда как в северношариишских, т. е. непосредственно соседствующих с исследуемым говором, оно еще сохраняется.⁷

Хмелёва на этой карте принадлежит к сёлам, в говоре которых чередование согласных в указанных падежах сохраняется. Однако в нашем материале чаще встречаются формы без чередования. Приведем примеры с минимальным контекстом по отдельным информантам:

MV31: *zo solomy kyčky | na strexî || na strîxî; mîj otec robil na regulačkî; moho vîta brat byl v hamerikî; a teper sud v amerikî dvoje što jix bapka vž'ala do ameriky; a tyx fotok | na jedn'ij strankî lem samy svadby mame; to bylo tak pri t'î ručkî; a tu na mašynkî š'a pr'alo z nohom; a toto v zajtkî si prinesli šfytko x t'îm portku; ale to d'îti nosili x pîlkî × stryk je h americ'î; bo mîj otez mal brata h americ'î i sestru; a mîj stryko už mal bl'axu | bo oni h americ'î; on si ustavl'al na t'îm fundošu tam pri draž'î; po draž'î lem tak lupkalo | lupkalo*

JV55: *a pot'îm zme prišli na to že stodola šak tu byla | na drahî*

MP87: *v mikolajovij kapličkî*

AP56: *a v regetovkî moja mama mala sestru; mal červenyj naramok na rukî; (bandury) v šupkî vareny; na miskî abo na tan'îr'î byla zamiška robena; mîj otez i svokor si зробили taku d'îrku | taku*

7 «Pri velárach je však uvedená alternácia už značne narušená. Napríklad okrem formy *pri macoše*, v šar. nárečiach je aj *pri masoše* (vo vých. Šariši), *pri macoxe* (v záp. Šariši) a *pri macoxi* (v str. Šariši). Podobne sú rozmiestené formy *v zahrace / v zahratke / v zahratki*, ďalej popri formách typu *na nože, na draže, na ruce, na luce*, v *Americ*, ktoré v šar. nárečiach prevládajú, vyskytujú sa v povodí Torysy často aj formy *na luke, na ruke, v Amerike* a zriedkavejšie aj podoby *na nohe, na drahe*, ba v okolí Lutiny a Prešova aj formy *na luki, na ruki, v Ameriki, na nohi, na drahi*» (Buffa 1995: 127–128).

*jamku seret toho tan'ira | ft'ij zamiškî; tajag mačanka na t'ij juškî
s kapusty š'a varit; kid' odvarili kapustu tak na ty | na tri dn'î f
xladničkî ako ten var × na bl'aš'î š'a peklo*

MK52: f parku š'îdila na lavočkî

*AP50: kotry d'îti š'a | abo rodiči ozvali po rusnacky ta z nima jem
š'a dohvar'ala | jinakše po sloven'sky f školî; kîm s'a dvihne s
kresla spret televizora do kuxin'î gu pevn'ij linkî taj vypne; a tym že
s'a polivalo vodov na lukî; ale jak polotno ta štiri načelnic'î byli | a
po jedn'î nitočkî tak husto bylo; a toty mužove sesternic'î tu majut
xaty na regetovkî; no što my budeme f t'ij amerikî robiti; ja š'a
dohvarila v amerikî; tu je vofxustkî | tu mama a tu n'an'o; tu nosila
tu d'îtinu na t'ij pilkî; na jedn'ij rukî nesla; to bylo na paprikî⁸*

---

8 MV31: *из соломы «кички» (составные компоненты соломенной кров-
ли) на крыше; мой отец работал на газорегуляторной станции; брат
моего отца был в Америке; а теперь они в Америке, двое, которых
бабушка взяла в Америку; а сколько фотографий, на одной странице у
нас есть одни свадьбы; это было так, рядом с той ручкой; и здесь на
машинке (самопрялке) пряли ногами; а это в «зайдке» (приспособление
для переноса в основном травы и сена на плечах) они принесли всё в
этой парусине; но детей носили в пилке (тканина, которую завязыва-
ли через плечо и носили в ней детей во время работы в поле); дядя в
Америке; потому что у моего отца был брат в Америке, и сестра; а у
моего дяди была уже жестяная крыша, потому что он был в Америке;
он построил себе (дом) на этом участке около дороги; по дороге
только лупило*

*JV55: а потом мы дошли до того, что здесь ведь был сарай, около
дороги*

MP87: в часовне св. Николая

*AP56: а в Регетовке (соседнее село) жила сестра моей мамы; у него
был красный браслет на руке; (картошка) варёная в шкурке; на миске
или на тарелке готовилась замиска – похлёбка, жидкая каша из
муки, варёная на воде или молоке); мой отец и свёкор сделали себе та-
кую дырку, такую ямку в середине этой тарелки, в этой «замиске»;
варится, как и мачанка (грибной соус) на этом рассоле из капусты;
когда сварили капусту, тогда на эти, на три дня в холодильник этот
рассол (поставили); на противне пекли*

MK52: в парке сидела на лавочке

В речи самой старой информантки старшего поколения отмечено десять употреблений без чередования и пять употреблений с чередованием. Далее следует отметить, что если основа заканчивается группой согласных, чередования никогда не происходит. Если основа заканчивается на одиночные *k*, *x*, *h*, в речи той же информантки появляются употребления с чередованием и без него, иногда даже в одних и тех же словах, срав. *h americ'i* (3×) × *v (h)ameriki* (2×).

В речи остальных информантов были зафиксированы только формы без чередования (итого 20 употреблений) за единственным исключением: *na bl'aš'i* от AP56. Атлас Латты не приводит формы без чередования в Хмелёвой даже как дублетные; в пятидесятые и шестидесятые годы XX века, когда собирались материалы для атласа, преобладали формы с чередованием, в настоящее время в речи носителей молодого и среднего поколения почти исключительно встречаются формы без альтернации. Из этого следует, что речь идёт о сравнительно недавнем изменении.⁹ Свою роль здесь

AP50: *дети или родители, которые заговорили по-руснацки, с ними я разговаривала по-руснацки, иначе по-словацки в детском саду; пока поднимется из кресла перед телевизором на кухню к стационарному телефону, он выключится (перестанет звонить); а этим что поливали, водой на лугу; но как полотно (ткали), то четыре ничельницы были, а по одной ниточке так густо было; а у этих двоюродных сестёр мужа есть дачи здесь в Регетовке; ну, что же мы будем в этой Америке делать; я договорилась в Америке; здесь она в платке, здесь мама, а здесь папа; здесь носила ребёнка на «пилке»; на одной руке несла; это было на «Паприке» (телеканал)*

9 Это зависит от меры достоверности, которую мы приписываем данным атласа Латты. Данные атласа во многих отношениях точны и надёжны, что многократно подтверждалось при сравнении результатов нашего исследования с картами атласа. Что касается карт, посвящённых морфологии, возникает вопрос, насколько было возможно при использованном Латтой методе исследования (анкетирование) зафиксировать дублетность окончаний. Материал, полученный путем анализа диалектных текстов, показывает нам большую вариабильность морфологической системы говора.

помимо словацкого языка могло сыграть также влияние расположенных к западу шарышских русинских говоров, в которых чередование исчезло ранее. В атласе В. Латты формы без чередования картографируются как параллельные уже в сёлах Вышний и Нижний Тварожец, расположенных недалеко от Хмелёвой (Латта 1991: к. 202). Объяснением такому, казалось бы, очень быстрому распространению новых форм может служить и то, что Латта картографировал, в первую очередь, формы дательного и предложного падежа слов «рука», «нога», «муха», «Америка» (Латта 1991: 48), т.е. слов без группы согласных в основе, где, как следует из нашего материала, исчезновение чередования произошло позже. Таким образом, процесс мог начаться уже во время сбора материала Латтой и не нашёл отражение на карте.

Творительный падеж единственного числа имён существительных женского рода

Для большей части лемковских говоров в Т. п. ед. ч. имён существительных женского рода характерны формы с окончанием *-om*. Оно выступает также в склонении прилагательных, то же окончание имеют и формы местоимений: *тнот, тобот, собот, п'ом*.

Это окончание из области Маковицы зарегистрировано в ряде диалектологических источников, оно характерно и для традиционного слоя говора Хмелёвой (Латта 1991: к. 211). Наше исследование зарегистрировало его последовательное употребление только в речи старшего поколения. Параллельно в Хмелёвой было зарегистрировано окончание Т. п. ед. ч. существительных жен. р. *-ov*, которое распространено в южнокарпатских говорах, находящихся на востоке от линии Вышний Комарник — Гунковце — Ладомирова — Вагринец — Вислава — Потоки — Бокша — Колбовце — Якушовце — Рогожник. В перечисленных сёлах Латта отмечает окончание *-om*, в Гунковцах и Ладомировой параллельно также *-ov* (Латта 1991: к. 211).¹⁰ Ввиду того, что эта линия находится на расстоянии прибли-

---

10 Похожим образом границу обоих окончаний определил уже Иван Панькевич: «Границя цього явища іде від горішнього Лабірця долиною ріки

зительно 30 км к западу от исследованного села, мы полагаем, что распространение окончания *-ov* в говоре Хмелёвой не является результатом междialeктного контакта, а что это окончание было заимствовано из литературного словацкого языка, где в Т. п. ед. ч. жен. р. существует фонетически тождественное окончание *-ou*.¹¹ Однако наличие окончания *-ov* в Т. п. ед. ч. имён существительных жен. р. в других русинских говорах могло ускорить проникновение этого окончания в говор села Хмелёвой. Далее мы представим полученный материал и попытаемся его более подробно проанализировать.

MV31: oni tam si t'iš postavili novyj domik | brat zo ženom; jag byla zos zuzankom tu minule; tag my furd do stryka hor'î zahorodom byla steška vybružena; na š'vata | na r'îstvo | byli tu | bratn'ak zo ženom; ja tam byla za dva tyžn'î ta ja tam poxodila | ta i zos mojom sestr'anicom; pred vojnom; naš vasil' jak ponuknul s pal'unkom; a n'îmc'î tu poš'îdali domu c'îlom xyžom stoly a pit'a | všelijake jîd'in'a; mij brat xodil z vašom tetom; mezi stajn'om | aj mež'î xod'бом або xyžom | to bylo toto bojisko; ja byla z jednom pan'om h nemocnici; to bylo tak pri t'î ručkî | s takom kožom jako privjazane dobr'î | žeby ne buxlo dakomu do tvari; ta tak uš to z nohom š'a pr'alo; a tu na mašynkî š'a pr'alo z nohom; a š'a z nohom krutilo tag na t'îm pedaločku; i š'a bililo polotno | na rîn' zme nosili a polivali vodom; a tam zme mali nad vašom xyžom pole;

Ондави а від В. Свидника її притоком до гори через села Капішову, Кружльову, Вапенік» (Панькевич 1938: 217-218). Как видно, в северном участке он проводит данную изоморфу западнее, чем Латта. Там же Панькевич приводит два употребления окончания *-ov* из Шарбова, атлас Латты в Шарбове картографирует окончание *-om*. Пожалуй, окончание *-om* здесь действительно вытеснило другое окончание, продвигаясь на восток.

- 11 Наш материал из сёл Свидницкого и Стрпковського районов свидетельствует о том, что эта изоморфа сохраняется в своей северной и южной частях. Её сдвигов к западу не происходит. В селе Гунковце (Свидницкий район) было отмечено только окончание *-om*, в селе Пискоровце (район Вранов-над-Топлёу) только *-om*, в говоре села Завада (район Гуменне) — только *-ov*. Наш материал также показывает, что наличие в Т.п. ед. ч. существительных жен. р. дублетных окончаний, как в говоре села Хмелёва, для других лемковских говоров не характерно.

*ja zo sestričkom odkazuju na marču; ale mîj muš ne išol zo **mnom**; ta už za **mnom** to š'a h mojîj rodin'î ne oddavali; a ona š'a tak navčila po našomu | što š'a z **n'om** jej d'îvka vadila;*

JV55: no to byl pred vojnov postavenyj (dom); tak xodili za robotov jag i teper xod'at; mezi maštaln'ov | stajn'ov | de byval dobitok

AP56: kit š'a silov tota voda pustit; obar'any bandury | s kapustov; a moja mama ket'pekla (bandur'aniky) | to š'i š'a (terlo) rukov bo žadny roboty ne byli; xto xot'îl posoliti sol'ov; halušky s kapustov | zo solotkov kapustov

MK52: ket topl'u do peca | ta zhartam s tov kočerhov

AP50: vytkali a pot'îm toto šytko š'a bîlilo (...) a tym že š'a polivalo vodov na lukî; to š'a zovalo | zvalo stružl'ak | a naplnilo š'a to solomov (...) s tov solomov žytn'ov naplnili | najl'îpše žytn'ov napln'ali ty slamen'aky; a ket š'a tkalo polotno tak š'a zamîtuvalo t'îž lem lenovym tym | hej že nitkov | musili lem fšytko nitkov; pot'îm toto jakoska zaterali | bo to vyzerat jak by to smolov bylo za...; ja ne znam što budu mala s tov krčnov xrpticov; na to š'a dala palička s tov pr'ažov × ale robili i plaxty (...) a slameniky bo dakoli š'a solomom na...; no ale my zme to z mamom si to zjednodušyli; jednom nitkom vam to ukazuju lem | ale jinakše jde to zos šesnecat' nitkami; jedna post'îl'ale i troje zme spali hej | my staršy po krajî a fse zme mali surod'enca mezi sobom takoho menšoho

MP87: a pravî š'a hovorit že v mikolajovîj kapličkî pît zeml'ov (...) že pît tov kameninovov podlahov; taka kombinacija oranžovoj z bîlov; to latano jš'î hlinov; moloko s pînov¹²

-
- 12 MV31: они там тоже построили себе новый домик, брат с женой; когда была с Зузанкой здесь прошлый раз; так мы всё к дяде (ходили), вверх садом была тропинка протоптана, на праздники, на Рождество были здесь, двоюродный брат с женой; я там была две недели и я там поездила, и с моей двоюродной сестрой; до войны; наш Василь, как угостил горелкой; а немцы здесь расселись, по всей комнате столы и питье, всякая еда; мой брат встречался с вашей тётёй; между хлебом и между прихожей или избой был этот ток (гумно); я была с одной женщиной в больнице; это было так около ручки такой кожей привязано хорошо, чтобы не ударить кого-то в лицо; да так, уже ногой прями; на «машинке» (самопрялке) прями ногой; а ногой крутили

В речи представительницы довоенного поколения MV31 были зарегистрированы только формы с окончанием *-от*, (20×, вместе с формами прилагательных и местоимений 28×). Информантка AP50 использовала чаще окончание *-ов* (8×, вместе с формами прилагательных и местоимений 14×), но окончание *-от* в её речи еще встречается (3×, вместе с формами прилагательных и местоимений 5×). В речи остальных информантов в данном падеже было зарегистрировано только окончание *-ов* (JV55 4×, AP56 7×, MK52 2×, MP87 7×). Итак, исходное, более древнее окончание *-от*, которое еще сохраняется в речи представителей старшего поколения, в речи

так на этой педали; и белили (отбеливали) полотно, к реке мы носили и поливали водой; а там у нас было над вашим домом поле; я через медсестру передаю привет Марче; но мой муж не пошел со мной; а уже после меня в моей семье не выходили замуж; а она так научилась говорить по-нашему, что с ней её дочь ссорилась

JV55: *это был дом, построенный до войны; так ездили за работой, как и теперь ездят; между хлевом, где был скот*

AP56: *если силой эту воду пустить; варёная картошка с капустой; а моя мама, когда пекла драники (картофельные лепёшки), тогда ещё тёрли рукой, поскольку никаких роботов не было; кто хотел посолить солью; галушки с капустой, со сладкой капустой*

MK52: *когда топлю печь, тогда выгребаю этой кочергой*

AP50: *выткали и потом это всё белили (...) а тем, что поливали водой на лугу; это называлось «стружляк» (соломенный матрац), это наполняли соломой (...) этой ржаной соломой набивали; лучшие всего ржаной набивали эти матрацы; а когда ткали полотно, тогда /забрасывали/ тоже только льняным этим, нитью, надо было всё нитью, потом это как-то затирали, потому что это выглядит как будто смолой за...; я не знаю, что у меня будет с шейным позвоночником; на это положили палочку с этой пряжей – но делали и простыни (...) и матрацы, поскольку когда-то их соломой на...; но мы с мамой это себе упростили; одной лишь нитью я вам показываю, но иначе это делают 16 нитями; одна кровать, но даже втроем мы там спали, да, мы, кто старше, с краю, а всё у нас был младший брат или сестра между нами*

MP87: *и как раз говорят, что в часовне св. Николая под землёй, что под этим полом; такая комбинация оранжевого с белым; это ещё глиной мазано; молоко с пеной*

говорящих младшего и среднего поколений вытесняется или совсем замещается окончанием *-ov*, заимствованным из литературного словацкого языка .

Родительный падеж множественного числа существительных

В формах Р. п. мн. ч. существительных мужского рода в говоре Хмелёвой сегодня конкурируют окончания *-îv* и *-ox*, причем второе, явно более новое, заимствовано из словацких шарышских говоров. Некоторые существительные с мягкой основой и слово *l'ude* сохраняют окончание *-ij* или *-ej*. Те же окончания выступают и в В. п. мн. ч. одушевлённых имён мужского рода (у многих неличных существительных появляется окончание *-y*).

На основе данных атласа В. Латты мы могли бы прийти к заключению, что окончание *-ox* в говоре Хмелёвой появилось совсем недавно, так как здесь картографируются только окончания *-ий* (т. е. *-îv* в нашей фонематической транскрипции; Р. п. мн. ч. имени существительного «хлоп») и *-ей* (т. е. *-ej* в нашей фонематической транскрипции; Р. п. мн. ч. имени существительного «кінь») (Latta 1991: карты 202, 203). Но работы И. Панькевича и И. Верхратского свидетельствуют о том, что проникновение окончания *-ox* в формы Р. п. мн. ч. старше: оно происходило уже в более раннее время (Панькевич 1938; Верхратский 1901). Панькевич отмечает его на всей территории к западу от реки Уж: «Накінець треба згадати на закінчення *-och*, яке поширене вже долами від Уга а дальше силніше від Лабірця на захід». Далее он приводит примеры употребления окончания *-ox* в Р. п. мн. ч. имён существительных мужского рода (большинство примеров взято из работы Верхратского, за ними Панькевич помещает собственные записи): «*пришол до тых хлопox* (В. Орліх), *барз вельо воўкох* (Луків), *не было шваблікох* (Комлоша), *в докторох мы были в містьї, през будинкох* (Лівів), *зо снопох, для тых быкох* (Бодружал), *од сусьїдох* (Старіна), *до крякох* (Бехерів), *двох воякох* (Збійне), *великих панох* (В. Свидник) – *st|užyl vîn tam u t|ych razboj|ykoč* (Нікльова), *r|ohi odlet 'îli s tich v|oloch* (Шом)» (Панькевич 1938: 191). Среди них приведены также примеры из Хмелёвой, прежнее название которой «Комлоша», и соседнего села

Бехерёва. Панькевич также приводит формы с окончанием *-ох* в Р. п. мн. ч. существительных среднего и женского рода, опять вслед за Верхратским: *я іци не видьв такох ябокох* (Курів), *зо стеблох* (Кремпах), *до склох* (Бехерів), *вайцох* (Лівів) (Панькевич 1938: 237); *із шатох* (Чертіжне, В. II, 76), *до свічкох* (Чірч), *він тільки гадкох зна* (Бехерів), употребление указанных форм существительных жен. р. Панькевич оценивает как одиночные случаи (Панькевич 1938: 219).

Панькевич также отмечает, что процесс распространения окончания *-ох* в формах Р. п. мн. ч. обусловлен контактом с восточнословацкими говорами: «Тепер ці форми починають бути відомі й коло Ужгороду, перенимані з говорів східньо-словацьких, де вони є пануючими. Форма ця перенесена з loc. pl. *-u* пнів не без впливу форм займеникової деклінації, де gen. plur. = loc. plur.» (Панькевич 1938: 191).

Большинству восточнословацких диалектов действительно свойственны формы Р. п. мн. ч. с окончанием *-ох*. «Атлас словацкого языка» картографирует на большей части территории восточнословацких говоров формы с окончанием *-ох*: *ženox, šidlox, zifčatox, jadrox, peršox, skridlox, metlox, ihlox, cehlox, hušlox, hroznox, kartox, ofcox, hruškoх / -ek, švičkoх, jamkoх, sinoх, dušoх, zverox /-ri, uxox / ušoх* (ASJ II: 88-107). Но в самой северной полосе шарышских говоров картографируются преимущественно формы с окончанием *-uf*, реже с *-i* или нулевым окончанием: *ženox, šidluf, zifčat, jadruf, perši, skridluf, metluf, ihluf, cehluf, hušli, hroznuf, kartuf, ovec, hrušek, šviček, jamkuv, sinuf, dušuf, zver, uxuf*, причем формы с нулевым окончанием часто имеют более широкое распространение (ASJ II: 88-107). Такое же положение отмечает Ф. Буффа.¹³ Приведем несколько примеров преобладающих форм Р. п. мн. ч. у того же автора: *ot sinoх, sušedox, xlopoх, gazdoх, s koňox, ot psoх, zo stromox, košík kolačox, narobil snopox; mestox, ľicoх, s pl'ecox, (vecej) vrecinkox, zecox, ženox, gazdiňox, zifkoх, studňox, ofcox, dlaňox, šľifkoх, švičkoх,*

13 «V G. pl. má väčšina šar. nárečí (a výchsl. vôbec) unifikovanú koncovku *-ox* (...) V sev. okraji Šariša je v G. pl. koncovka *-uf* (Gaboltoв pri Sveržove, Dl. Lúka a Zborov, Stebn. Huta pri Smilne) alebo *-of* (Smilno)» (Buffa 1995: 125).

zahratkox, deskox, zverox, (s tix) žemox, (vel'o) blixox, (malo) grul'ox, (šeno s) kupkox» (Buffa 1995: 126, 130, 133). В северном Шарише и в долине реки Топли у существительных жен. рода Буффа отмечает параллельные формы с нулевым окончанием, напр.: *hrušek, bandur, oves, knížek, do novinek, šviček, zahradek, desek, živek, gazdiň, z ruk»* (Buffa 1995: 130). Формы *pl'if, virb, hur, ihel, isker* по данным Буффы употребляются только на территории к северу от г. Бардеёв (Buffa 1995: 130).

Против факта широкого распространения окончания *-ox* в формах Р. п. мн. ч. в говоре Хмелёвой в прошлом свидетельствует современный диалектный материал из этого села: в речи информантки старшего поколения оно вообще не было отмечено. Представим зафиксированные формы Р. п. мн. ч. существительных всех родов и В. п. мн. ч. одушевлённых существительных мужского рода:

MV31: *mama navarila perohîv; ja tam mala surod'encîv; zajac'îv z'me mali; kobasy zme robili | šelijaky našy pekli | pripravovali zo zajac'îv; tel'o | my by | teper laxîv mali; z bohatyx štat'îv; nam davali takyx kuz laščîv; tri míxy laxîv; on'î jîž'in'a tam mali | i burakîv, o pjad'rokîv; deš'at sxod'îv; tu xod'at na nafšt'evu s prešova s košyc do našyx suš'id'îv; deš'ad rokîv ma; bo jim šingl'îv ne dostalo; tam rusnakîv v zborovî malo jest; jag my tu xlopîv xovali na pît × a tam mali dvoje d'îtej × a tyx fotok; a my mali tak perebuduvanu kuxn'u | z doščok; šo tu knížok i š'vatyx i | takyx obyčajnyx; s košyc (2×), trebalo iš'i odnesti jajec; mame staryx bandur*

MP87: *vel'o optant'îv pišlo × tu mnostvo l'udij; tyx staršyx l'udij š'a možeme oprositi*

AP56: *a to t'îš byl zažytok ket nas tam | pozakručali do tyx san'ox × pjat' či šest' tyx konarîv × a š'a furd na nas zlostila že | že jî bereme s píd ruk; tam bylo najvece žen | najvece bap; halušky z bandur*

MK52: *dvanacad'rokîv, a teras bes problemîv kupime × a teras n'it pîn'azij*

AP50: *tríc'at' všem rokîv; toty krosna majut kolo dvasto rokîv; das sto š'imdeš'at | sto viš'emdeš'at rokîv; tam mam par pokrovc'îv urobenyx; všemnacet gankîv; što š'a tykat tkan'a pokr'îvc'îv; v n'ijorku už n'it opxod'îv; na t'ílko znakîv xoču; dva sto rokîv × dvaraz jem byla autom na ukrajîn'i | svojim autom u našyx rodakox*

krajanox; mam tu pomocnikox; žebyste mali pamjatku zo slovenska | zos rusiniox; što s'a tykat pokrîvc'ox; zo zbitkox; uš š'a znalo že t'îlko mat tutyx očkox; tota strana jde do tyx očkox | tota strana de do tyx očkox; jag uš š'a tu navije ta zo začatku bo byzme muš'ili barz vel'o nitkox tam dati | tak poloten'ce š'a davat; s tyx l'anovyx nitkox robili; f t'îm pasmî ja mam šîsnac'at' nitkox | šîsnac'at' nitkox; teper ja to robju takyj pokrovec tu s paru farbox; s tyx dvox farbox; bo je kombinacija šselijakyx latkox; taže or 'îzujte šytko | ne žalujte | r'andox jezd dost; na takî tonic'ky pasiky r'îzali r'andox × do pjatoho koren'a tu l'udej poznala; troje l'udej treba pri t'îm; do teploty trîcat stupnej; lem do trîcat stupnij × zos snovalnic, fš'ady n'ît hranic; ja zoza krosen vyjdu; tak toto je c'îla zostava krosen¹⁴

14 MV31: *мама наварила вареников; у меня там были братья и сёстры; кролики у нас были; колбасы мы делали, всякие наши пекли, готовили из кроликов; столько бы сейчас у нас было одежды; из богатых государств; нам давали понемногу такой одежды; три меха одежды; у них еда там была, и свёкла; через пять лет; десять ступенек; сюда приезжают гости из Прешова, из Кошиц, к нашим соседям; ему десять лет; потому что у них гонтов не хватило; там в Зборове мало руснаков (русинов); как мы здесь мужчин прятали на чердаке; а там у них было двое детей; а фотографий сколько; а у нас была так перестроена кухня, из досок; сколько здесь книжек, и святых, и таких обычных; из г. Кошице (2×); надо было ещё отнести яиц; у нас есть старая картошка*

MP87: *много оптантов ушло; здесь множество людей; нам можно спросить этих старых людей*

AP56: *это тоже производило впечатление, когда нас туда позакручивали (в одежду) в эти сани; пять или шесть этих веток; и она всё время злилась, что мы берём у неё из-под рук; там было больше всего женщин, больше всего баб; галушки из картошки*

MK52: *двенадцать лет, а теперь без проблем можно купить; а теперь денег нет*

AP50: *38 лет; этому ткацкому станку около 200 лет; где-то 170-180 лет; там у меня есть несколько готовых ковриков (килимов); 18 «ганков» («ганками» измеряется величина бёрда); что касается тканья ковриков; в Нью-Йорке уже нет магазинов; на сколько знаков хочу; 200*

В речи представительницы старшего поколения MV31 были отмечены только окончания *-îv*, *-ej* и *-Ø*; окончание *-ox* у неё в Р. п. мн. ч. не встречается. Информантка AP50, которая на 19 лет младше, чем MV31, наоборот, употребляет окончание *-ox* в Р. п. мн. ч. достаточно часто, оно появляется в её речи также в формах имён существительных женского и среднего рода наряду с нулевым окончанием. В речи информантов среднего поколения наблюдаются определённые индивидуальные отличия, подавляющее большинство употреблений окончания *-ox* принадлежит одной информантке (AP50).

Окончание *-ox* в формах Р. п. мн. ч. имён существительных жен. р. употреблялось информанткой AP50 во всех случаях, когда основа слова оканчивалась на группу согласных, и форма с нулевым окончанием потребовала бы разделения этой группы вставным гласным. В случаях, когда основа оканчивается на один согласный, а форму Р. п. мн. ч. можно образовать без вставного гласного, используются формы с нулевым окончанием: *snovalnic*, *hranic* (AP50), *ruk*, *bar*, *žen*, *bandur* (AP56). Информантка MV31 употребила формы с нулевым окончанием и вставным *-o-*: *fotok*, *doščok*, *knižok*.

У существительных ср. р. окончание *-ox* в Р. п. мн. ч. было отмечено только в форме *oškox* (3 употребления, AP50). Та же инфор-

---

лет; я два раза ездила на машине на Украину, на своей машине к нашим землякам; у меня здесь есть помощники; чтобы у вас был сувенир из Словакии, из (края) русинов; что касается ковриков; из остатков; уже было известно, сколько у него этих петель; эта сторона идёт (нанизывается) в эти петли, та сторона идёт в те петли; когда уже здесь навито, то сначала, поскольку очень много нитей пришлось бы туда вставить, кусок полотна кладут; из этих льняных нитей это делали; в этом мотке у меня есть 16 нитей, 16 нитей; сейчас я делаю такой коврик из нескольких цветов; из этих двух цветов; потому что это комбинация всяких разных тканей; обрежьте всё, не жалейте, тряпок хватит; на такие тоненькие полоски резали тряпки; до пятого поколения здесь людей знала; трое людей при этом нужны; до температуры 30 градусов; только до 30 градусов; из сновалок; всюду нет границ; я выйду из-за ткацкого станка; вот это весь набор ткацкого станка

мантка употребила также форму *krosen* с нулевым окончанием и вставным гласным *-e-*.

Мягкие типы склонения сохраняют окончание *-ij / -ej*: *pin'azij, stupnij, l'udij, d'itej*.

Интерпретация этих данных не совсем очевидна. Проникновение окончания *-ox* в формы Р. п. мн. ч. существительных является результатом выравнивания форм внутри парадигмы, вызванного подобным процессом в восточнословацких диалектах. Но самые близкие северношаришские словацкие говоры до недавнего времени таких форм П. п. в функции Р. п. не имели; они проникали сюда только со второй половины XX в., как показал Й. Билски (Bilský 2016: 29–31).

В говоре Хмелёвой эта тенденция является результатом языковых контактов не с говорами ближайших словацких сёл Зборов, Смилно и Стебница Гута, а, скорее, с диалектами культурных центров, которыми являются города Бардеёв и Прешов.

Скорее всего, это более древняя тенденция, усиливающаяся в настоящее время, особенно в идиолектах некоторых носителей диалекта. Это весьма удивительный факт, так как в настоящее время вряд ли можно было предположить рост влияния восточнословацких диалектов на русинские говоры, поскольку для носителей как русинских, так и восточнословацких диалектов престижным языковым кодом является словацкий литературный язык.

Предложный падеж множественного числа существительных

Окончание П. п. мн. ч., к сожалению, не картографируется атласом В. Латты, поэтому для установления более древнего состояния воспользуемся данными И. Панькевича и «Атласа словацкого языка». И. Панькевич отмечает в западной части южнокарпатских говоров дублетные формы П. п. мн. ч. имён существительных мужского рода с окончаниями *-ox* и *-ax*, за исключением Спиша, где преобладает окончание *-x*.

В части южнокарпатского диалектного ареала окончание *-ox* проникло даже в парадигмы имён существительных женского рода. Панькевич об окончании *-ox* в П. п. мн. ч. существительных жен.

р. пишет: «...закінчення *-och* поширилося дуже і воно виступає в середніх західніх говорах а між Топлею і Лабірцем дуже поширене а навіть доходить до ріки Уга» (Панькевич 1938: 220).

У существительных среднего рода, по данным Панькевича, в сёлах на запад от реки Уж наряду с окончанием *-ax* встречается также окончание *-ox*; среди примеров он приводит также один из Хмелёвой, заимствованный у Верхратского: «*по дырвох скаче* (Комлоша)» (Панькевич 1938: 220).

«Атлас словацкого языка» в северношаришских словацких и соседствующих с ними западномаковицких русинских говорах, к которым принадлежит и говор Хмелёвой, картографирует у существительных всех родов только окончание *-ax*: *sinax (synax), domax, koňax, obrazax, časax, vozax, mestax (mistax), živčatax (d'üčatax), ženax, koscax (kost'ax)* aj. (ASJ II: 117–129). Однако в большинстве маковицких диалектов, главным образом в Свидницком районе, у существительных всех родов картографируется окончание *-ox* (ASJ II: 117–129). Система флексий в северношаришских говорах была затронута тенденциями к нивелированию, в результате чего узкодиалектные черты были утрачены. В говоре села Длга Лука Йозеф Билски констатирует утрату окончания *-ax* в П. п. мн. ч. существительных и её замещение окончанием *-ox* (Bilský 2016: 29–31).

Представим наши материалы из села Хмелёва:

MV31: *bo vîn robil po ur'adox; na vož'î na konox; bratn'ak žyl h orkucanox; ta to uš toty družyčky v bílyx šatox takyx všelijakyx; to určít'î po tyx staryx domox po suš'îdox iš'î jest × tam mašl'î | maš'lí toty na zad'î | na volosax jî vidno; nonaško prišol tu i z d'ítmi što žyjut fkošycax; na rukax tu baba naša; ale i na krosnax jem znala robiti*

JV55: *to š'a zaxovalo | na svad'box iš'î robl'at × a tu xto na rukax; byl'anika || to je vnat'na bandurax*

MP87: *my zme š'a pri ran'ajkax dohvar'ali*

AP56: *spîd jag na klasickýx sankax; na takyx maličkost'ax; ja fčera biš'îdovala o t'îm | i o voroškax*

MK52: *jak xodili po večerox poroti pîr'a*

AP50: *za toto što prodali na tyx jarmokox; bo dakoli po večerox v*

zimî jak voseni roboty porobili tak s'a pr'alo; kit'xočete dašto znati vece š'î o pokrovc'ox; dakoli zme do školy xodili lem f teplakox; l'ude už zarabjali | po fabrikox xoc de robili; no a xodilo s'a f topankox; ženy xodili po večerox po xyžox; toto šytko de to mam | f sypan'c'î | jem mala v rostokox × v rostokax zme byli; ket š'a osnuje na snovalnicax; ja trimu hrebîn' v rukax; rajbajut pokr'îvc'î v automatickych pračkax; zato š'a ne rajbe v vyšyx teplotax; pokrovc'î l'ude vel'o ne mali po xyžax¹⁵

В. П. п. мн. ч. имён существительных всех родов встречаются дублетные окончания *-ox* и *-ax*. Из полученных данных также следует, что у существительных мужского рода преобладает окончание *-ox*, у существительных женского рода окончание *-ax*, но и у них встречается окончание *-ox* достаточно часто. Вероятно, здесь сталкиваются две разные тенденции, ни одна из которых в данном

15 MV31: *потому что он работал в учреждениях; на возе, на лошадях; двоюродный брат жил в Оркуцанах; а это уже «дружички» (девочки, сопровождающие невесту) в белых нарядах таких всяких; это точно ещё есть по старым домам, по соседям; там ленты, ленты эти сзади, на волосах её видно; крёстный приехал сюда с детьми, которые живут в Кошицах; на руках здесь наша бабушка; но и на ткацком станке я умела работать*

JV55: *это сохранилось, на свадьбах ещё так делают; а здесь кто на руках?; «былянка» – это ботва картошки*

MP87: *мы обсуждали это за завтраком*

AP56: *нижняя часть как на классических санках; на таких пустьках; я вчера говорила об этом, а также о гадании*

MK52: *как ходили по вечерам пороть перье*

AP50: *за то, что продали на этих ярмарках; потому что когда-то по вечерам зимой, когда осенью весь труд завершили, тогда пряли; если хотите ещё побольше узнать о ковриках; когда-то мы в школу ходили только в (спортивных) штанах; люди уже зарабатывали, на фабриках, где угодно работали; ну и ходили в ботинках; женщины ходили по вечерам по домам; это всё – где оно у меня есть? – в клунье это было, в Ростоках; в Ростоках мы были; когда снуют на сновальницах; я держу гребень в руках; стирают коврики в автоматических прачечных машинах; поэтому не стирают при более высоких температурах; ковриков раньше много не было у людей по домам*

говоре не смогла вполне развиться; первая — это проникновение окончания *-ох* в формы П. п. мн. ч. существительных всех родов, характерное для восточнословацких диалектов, вторая — дистрибуция окончаний *-ох* и *-ах* по родам, характерная для литературного словацкого языка. Что касается влияния восточнословацких диалектов, речь идёт о результатах контактов с языком более отдалённых культурных центров, а не с соседними северношаришскими диалектами.

Если сравнить это состояние с данными «Атласа словацкого языка», следует заметить, что в последние десятилетия произошло распространение окончания *-ох*, которое вытесняет более старое окончание *-ах*. Но данные Панькевича и Верхратского убеждают нас в наличии окончания *-ох* в западномаковицких говорах уже в более древнее время. Таким образом, современные материалы свидетельствует, скорее, только о повышенной частотности его использования. Следующим доказательством древности параллелизма обоих окончаний является вышеописанное проникновение окончания *-ох* в формы Р. п. мн. ч., которого не могло бы произойти, если бы окончание *-ох* не имело уже свое прочное место в П. п. мн. ч.

Заключение

Мы последовательно проследили четыре тенденции развития морфологической системы говора Хмелёвой, обусловленные языковым контактом с литературным словацким языком и восточнословацкими говорами: 1) утрату чередования заднеязычных в дательном и предложном падежах единственного числа имён существительных женского рода, 2) проникновение окончания *-ов* в формы родительного падежа единственного числа имён существительных женского рода и одновременную постепенную утрату окончания *-ом*, 3) проникновение окончания *-ох* из предложного падежа множественного числа в формы родительного падежа множественного числа существительных всех родов и винительного падежа множественного числа одушевлённых существительных мужского рода и 4) тенденции, влияющие на дистрибуцию окончаний *-ах* и *-ох* в предложном падеже множественного числа. Эти из-

менения являются результатом контактов с доминирующим языком. Частично они являются продолжением более старых тенденций, вызванных влиянием восточнословацких диалектов: синкретизм предложного и родительного падежей и предложного и винительного падежей, частично результатом более новых, но интенсивных контактов с литературным словацким языком: утрата чередования, начавшаяся в соседних говорах уже раньше как следствие влияния восточнословацких диалектов, и прежде всего проникновение окончания *-ov* в творительный падеж единственного числа имён существительных женского рода. В предложном падеже множественного числа сталкиваются различные влияния обоих вариантов словацкого языка, находящихся в контакте с исследуемым говором. Наш анализ также установил индивидуальные отличия в речи отдельных диалектоносителей.

Приведенные заключения имеют, скорее, предварительный характер. Для более детального анализа всей морфологической системы говора, который позволил бы одновременно большую индивидуализацию языковых данных, нужно собрать большее количество языкового материала и составить настоящий диалектный корпус.

Список сокращений и условных обозначений

И. п. – именительный падеж

Р. п. – родительный падеж

Д. п. – дательный падеж

В. П. – винительный падеж

Т. п. – творительный падеж

П. п. – предложный падеж

Ед. ч. – единственное число

Мн. ч. – множественное число

Муж. р. – мужской род

Жен. р. – женский род

Ср. р. – средний род

× – обозначает противопоставление; после числительного: «раз»

Библиография

- АУМ II 1988 – *Атлас української мови: в трьох томах. Т. II. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі*. Київ: Наукова думка.
- Верхратський 1901 – І. Верхратський. *Знадоби для пізнання угорско-руських говорів. Ч. II. Говори з наголосом сталим*. Львів: НТШ.
- Ганудель 1981–2010 – З. Ганудель. *Лінгвістичний атлас українських говорів східної Словаччини. Т. I. Назви страв, посуду і кухонного начиння. Т. II. Ткацька лексика. Т. III. Назви будівництва і транспорту; Т. IV. Анатомічна та експресивна лексика*. Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво.
- Гнатюк 1900 – В. Гнатюк. *Русини Пряшівської єпархії і їх говори*. Львів.
- Куримський 1961 – А. Куримський. *Говірка села Новоседлиця Снинського району. Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury. Praha: VŠRL*.
- Латта 1991 – В. Латта. *Атлас українських говорів східної Словаччини*. Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво.
- Лешка 1973 – О. Лешка. *Говор села Убля восточной Словакии. Этюды по украинской диалектологии 1. Praha: Kabinet cizích jazyků CSAV*.
- Панькевич 1938 – І. Панькевич. *Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. З приложением 5 діалектологічних мап. Частина I. Звучня і морфологія*. Прага: Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze.
- Bilský 2016 – J. Bilský. *Pádový synkretizmus v severošarišskom nárečí*. In: M. Giger, H. Kosáková, and M. Příhoda (eds.). *Slované: Souznění a konflikty*. Červený Kostelec – Praha: Pavel Mervart / FF UK v Praze, 21–32.
- Buffa 1995 – F. Buffa. *Šarišské nárečia*. Bratislava: Veda.
- Dudášová-Kriššáková 2001 – J. Dudášová-Kriššáková. *Východoslovenské nárečia z aspektu ukrajinsko-slovenských jazykových kontaktov. Kapitoly zo slavistiky*. Prešov: PU, 60–85.

- Hanudel'ová 1993 – Z. Hanudel'ová. Územné členenie ukrajinských nářečí východného Slovenska. *Slavica Slovaca* 28 (1-2), 178–184.
- Kuraszkiewicz 1985 – W. Kuraszkiewicz. *Uwagi o lemkońskiej gwarze Polanek i Komłoszy na Szaryszu. Ruthenica: Studia z historycznej i współczesnej dialektologii wschodniosłowiańskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Nauk.
- Mušinka – Mušinka 2011 – M. Mušinka, A. Mušinka. *Národnostná menšina pred zánikom? Štatistický prehľad rusínsko-ukrajinských obcí na Slovensku v rokoch (1773) 1881-2001*. Prešov: CAV.
- Štolc (ed.) 1981 – J. Štolc *Atlas slovenského jazyka II (ASJ II)*. Flexia. Bratislava: Veda.
- Vašíček 2020 – M. Vašíček. *Dynamika jihokarpatských nářečí*. Praha: Slovanský ústav AV ČR.

Грамматические особенности говора села Великие Лазы Ужгородского района Закарпатской области: значения предлога *na*

Михаил Капраль/Елена Будовская*

1. Введение

1.1. Село Великие Лазы: географическое положение и характер диалекта

Село Великие Лазы находится на границе с венгерской языковой территорией, в десяти километрах от венгероязычного до середины XX века Ужгорода. Южная равнинная часть села граничит с землями венгерского села Хомци (венг. Korláthelmes, укр. Холмець). Жители села всегда были активно связаны с соседним Ужгородом. Некоторые там работали, или учились; многие продавали на рынках в Ужгороде продукты, грибы, ягоды. В город ходили пешком „на Дравецькій ліс“, к этой своеобразной грамматической форме вернемся в нашем исследовании. Сегодня село фактически является спальным районом областного центра.¹

---

* Авторы благодарят Андраша Золтана, Михаила Капралья мл., Stefan Küppers, Timea Veres за помощь в переводе и оценке венгерских, немецких, словацких и великолазских русинских конструкций. Авторы благодарят Андраша Золтана также за прочтение первого варианта статьи и за ряд ценных замечаний.

1 Языковые материалы, отражающие близость города, достойны стать объектом специального исследования. Ср., например, некоторые

Русинский диалект с. Великие Лазы до сих пор не был объектом системного описания, хотя сохранились отдельные упоминания его у Панькевича, посетившего село в 1926 г. Наши материалы (М.К.), собранные в течение последних десяти лет, свидетельствуют о том, что говор села Великие Лазы принадлежит к ужанскому диалекту, представляет его юго-восточные границы. На это указывает фонетика говора, в том числе гласные. На месте давнего /o/ в новозакрытом слоге произносится звук у, на месте давнего /ы/ после губных согласных — звук близкий к /o/, возникший, по-видимому, в результате огубления /ы/ (ср. его произношение к северу от села, в районе Ворочово — *ы^o*) Панькевич считает эту черту свойственной нескольким селам около Ужгорода (Панькевич 1938: VI, 32). Если говорить о гласных, то следует отметить отсутствие в чистом виде в говоре звука *и*, который произносится гораздо ближе к *i*, ср. *то^oпанкі* ‘туфли’, *‘від’іті* ‘видеть’ и т. д., или к *e*, ср. *учи^eті* ‘учить’, *‘баби^eн* ‘бабушкин’ и т. д.; значительное сужение /o/ и /e/ перед мягкими согласными, перед слогами с суженными /o/ и /e/ и в некоторых других позициях, ср., *‘вôч’і* ‘глаза’, *‘бôл’ачій* ‘болезненный’, *‘стôл^eц* ‘стул’, *‘дêн’* ‘день’ и т. д.

Поскольку село находится на границе восточнорусинской и западнорусинской диалектных зон, в говоре встречаются как западнорусинские, так и восточнорусинские черты. Из морфологических черт обращает на себя внимание окончание 1 л. ед. ч. *-ам* (*знам* ‘знаю’, *‘думам* ‘думаю’, *мам* ‘имею’), которое встречается в говоре

устойчивые выражения: *вôн’ач’ій, гі пати^oкар’с’кій* *‘нес* ‘вонючий, как собака аптекаря’ (при том, что в селе никогда не было аптеки); *Шô-с’ на н’а* *‘вупули’у вокал’і, гі на Рêзідінційі* *‘облакі?’* ‘Что ты вывалил глазищи величиной с окна на здании Управления Мукачевской грекокатолической епархии?’. Здание епископата, а также дорога в главный храм грекокатоликов на нынешней Капитульной улице была хорошо известна жителям села, как и соседние городские достопримечательности и городская топонимика, ср., например, *‘Бат’уу’* *‘дуфорт* ‘пассаж Бати, прилегающий к нынешней площади Театральной’. Местное название дороги к сельскому храму, *‘Сôрôшка*, по-видимому, также заимствовано из топонимики Ужгорода: именно так ужгородцы когда-то называли крутой спуск от храма в сторону нынешнего “перечинского” автовокзала на площади Корятовича.

параллельно с окончанием -у (¹знаву ‘знаю’, ¹маву ‘имею’). Окончание -ам, согласно материалам Панькевича, спорадически встречается около Ужгорода, а последовательно — на запад от линии Снина – Стакчин – Звала (Панькевич 1938: 301), в то время как окончание -у господствует к востоку от Ужгорода. Таким образом, наличие двух окончаний в говоре Великих Лазов указывает на его смешанный характер. Кроме этого, в диалекте прослеживается некоторое количество окончаний -ох в П. мн. существительных мужского рода, причем в некоторых словах с большей последовательностью, чем в других (так, у представителей старшего поколения в названии села встречается только окончание -ох: у ¹Лазох). Панькевич описывает наличие окончания -ох и его экспансию в склонение сущ. о-основ как характерные для западных русинских говоров (Панькевич 1938: 214). Западные лексические черты, в т. ч. лексические словакизмы отмечены в говоре даже среди таких частотных слов, как ¹кѣл’о ‘сколько’, ¹вѣл’о ‘много’. Среди восточных черт диалекта Великих Лазов можно назвать наличие сужения о перед і и у (¹поле ‘поле’ – у ¹пôл’у ‘в поле’, ¹вода ‘вода’ – у ¹вôд’і ‘в воде’). Панькевич описывает это сужение как господствующее на восток от р. Лаборец, за исключением гуцульских говоров (Панькевич 1938: VII). Еще одна восточная фонетическая черта — отсутствие отвердения ц в суффиксе (e)ц’; по Панькевичу, эта черта свойственна территории восточнее р. Цироха, кроме гуцульских говоров.

Кроме наличия в диалекте и западных, и восточных русинских черт, в нем присутствует большое количество заимствований, венгерских и словацких. Лексические заимствования из венгерского кратко рассмотрены одним из авторов данной работы в статье (Капраль 2014). В данной работе нас будут интересовать не лексические, а грамматические заимствования, а именно, некоторые конструкции с предлогом на (¹Увід’ів-ім го на ¹облак ‘Я увидел его в окно (сквозь окно)’, на нѣс’¹ти’ждін ‘ровно неделю назад (сегодня исполнилась неделя)’, фар’би’ті ¹на ч’ервено ‘красить в красный цвет’, у’мер на ¹рака ‘умер от рака’ и нек. др.) в диалекте Великих Лазов. Одни из этих конструкций, как мы стремимся доказать, являются заимствованиями из венгерского языка, а другие — из словацкого.

1.2. Влияние словацкого и венгерского языков на закарпатские русинские диалекты и диалект Великих Лазов в области грамматики: история изучения

С точки зрения наличия большого количества иноязычных заимствований диалект Великих Лазов не является уникальным среди русинских диалектов Закарпатья. Лексические заимствования в закарпатских говорах — первая черта, огорашивающая украиноговорящих приезжих и толкающая их к принятию распространенной мифологемы, что русинский — это очень “замусоренный” украинский (см. статью Будовской в этом сборнике). Однако кроме лексики, заимствования обнаруживаются и в других системах закарпатских говоров, на возможность чего указывал Панькевич (1938: 26), писавший о том, что влияние венгерского языка на диалекты Закарпатья имело место прежде всего в лексике, а также в фонетике и синтаксисе; влияние в морфологии, однако, Панькевич считал несуществующим. Панькевич отмечал, что влияние шло через сельскую интеллигенцию (там же), не упоминая такие возможности контакта, имевшиеся до 1919 года, как службу молодежи в венгерской армии, взаимодействие сельчан с венгерской администрацией, а также продолжающиеся и в чешский период контакты с венграми на рынках и т. д.² Последующие исследования, выполненные в советское время украинскими, а также венгерскими лингвистами, обращали внимание на заимствования в основном в лексике. Кроме книги Лизанца (Лизанец 1976), описывающей распространение венгерских лексем на территории Закарпатья, а также некоторых упоминаний мадьяризмов в словаре Няговской Постиллы XVI в. (Деже 1985), можно упомянуть такие работы, как Дзэндзелівський (1966), Деже (1985, 1996), Капраль (2014) и др. Изоглоссы отдельных лексических мадьяризмов

---

2 Таким образом, Панькевич говорит о том, что мы сейчас назвали бы влияние Ausbau-языка, т. е. по Kloss (1967: 29), литературного языка, обладающего письменностью и общепризнанным стандартом, наряду с субстандартными разновидностями. В нашем случае имеет смысл скорее говорить о влиянии разговорного венгерского на уровне ежедневного контакта, чем о влиянии литературной разновидности венгерского языка на интеллигенцию и через нее на язык села.

отражены в АУМ-2 (напр., карты 287, 322, 369 и т.д.). Однако другие, нелексические, типы заимствований почти не интересовали исследователей. Так, Деже (1967: 162–180) рассматривает нестандартные употребления падежей и предлогов в языке Няговской Постиллы, но не исследует происхождение таких употреблений и не связывает их с возможными заимствованиями-кальками. Тем не менее представляется, что некоторые конструкции в русинских диалектах современной Закарпатской области, в том числе в великолазском, могут быть адекватно описаны именно как результат заимствования или кальки с венгерского языка, ср. в.-лаз. *са'нуїє от 'себе* ‘жалееет (даже) для себя’, ‘жалееет потратить на себя’, венг. *sajnálja magától* (жалеть.ОБ.Зед сам.АБЛ) ‘то же’.

Что касается влияния словацкого языка на русинские диалекты, Панькевич (1938: XVIII) упоминает о таком влиянии как в лексике и в морфологии, так и в фонетике, а также о наличии пословаченных русинских диалектов, хотя и не на территории современной Закарпатской области. Контакт и взаимовлияние русинских и восточнословацких диалектов описаны многими исследователями, в том числе в морфологии (ср. обзор, например, в Dudašová-Kriššáková (2001: 62–63), и разбор возможности заимствования из русинских говоров в словацкий некоторых падежных окончаний с историей вопроса там же, 64–69). В данной работе, к сожалению, мы не сможем подробно рассмотреть влияние восточнословацких диалектов на диалект Великих Лазов и ограничимся конструкциями, общими для великолазского диалекта и литературного словацкого языка, приводя восточнословацкие материалы лишь спорадически.

1.3. Возможность контактного заимствования грамматических черт

Типологически заимствование грамматических черт из одного языка в другой встречается довольно часто. Томасон и Кауфман (Thomason and Kaufman 1988: 14) считают, что любая лингвистическая черта может быть заимствована из одного языка в другой. Далее в своей книге они приводят “шкалу заимствования” (с. 74–75), где первая ступень из четырех возникает при легком контакте, четвертая — при “очень сильном культурном давлении” (с. 75); на первой ступени заимствования появляются только в лексике, на

трех остальных также среди “структурных черт”, включающих фонетику, морфологию и синтаксис. С ними согласна Айхенвальд (Aikhenvald 2006: 2), выражающая уверенность, что ни одна черта, будь то определенная форма или образец изменения, не может считаться защищенной от заимствования.

Грамматические черты другого языка часто проникают в язык под влиянием субстрата. Так, например, Митун (Mithun 1992: 105–107) показывает, что после того, как говорящие на языке помо, одном из индейских языков северной Калифорнии, перешли на английский, в их английском обнаруживаются не только фонетические, но и грамматические элементы их вымершего языка, как, например, особенности употребления артикля, лица в глаголе, числа в существительном. Однако грамматические черты другого языка могут появляться в языке и в результате более сложных процессов, как, например, балканские черты в сербском (по этому поводу существует обширная литература; из недавних работ см., например, (Nomachi 2015: 32).

Некоторые социолингвисты уверены, что “морфология и синтаксис ... — это те области лингвистической структуры, которые наименее подвержены влиянию контакта, и это статистическое обобщение не могут нарушить несколько исключений” (Sankoff 2001: 657). Другие объясняют заимствования синтаксических конструкций тем, что заимствуется на самом деле не синтаксис, а словарь и прагматика, а синтаксические изменения появляются “в результате лексических заимствований или переноса из другого языка дискурсивных или прагматических ограничений” (Silva-Corvalán 1998: 226). Большинство, однако, считает, что синтаксические конструкции могут заимствоваться. Паунтейн (Pountain 2006: 101–102) описывает определенные явления синтаксического влияния индейских языков Южной Америки на испанский именно в этом ключе: как «синтаксическое заимствование в двуязычном обществе ... Этот сценарий представляется типичным для языкового контакта, когда двуязычные носители занимают позицию низкого социального престижа, и заимствование происходит в разговорный язык». В нашем случае, т. е. при контакте между русинским и венгерским или словацким на уровне села и наличии двуязычных говорящих (подроб-

нее см. ниже), следовало бы ожидать именно таких синтаксических заимствований.³

1.4. Заимствования в области грамматики между венгерским и славянскими языками

Практические исследования показывают, что заимствование грамматических (морфологических и/или синтаксических) черт встречается даже между такими различными языками, как славянскими и венгерским. Одно из синтаксических заимствований из венгерского в два варианта русинского, пряшевский и воеводинский, рассмотрено У. Брауном (Browne 2016) в докладе на конференции Американского общества преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL); речь идет о конструкциях с союзом *же* и вопросительным словом, *пряш. русин. знав бы, же хто ... ся го дотулять*, *воевод. русин. знал би же хто ... го дотика* ‘знал бы, кто его касается’, возникших под влиянием аналогичной венгерской конструкции, ср. венг. *tudná, hogy ki és miféle az, aki érinti* ‘он бы знал, кто и какой (человек, который) его касается’ (букв. ‘что кто...’).

Заимствования в обратном направлении, из славянских языков в венгерский, в области грамматики и синтаксиса изучены более детально. Касательно контактов более древнего периода следует отметить работы Андерсэна (Andersen 2006) и Золтана (Золтан 2018), где влиянием славянских языков на венгерский объясняется появление в венгерском сложного будущего времени (венг. *menni fog* ‘будет идти’). В настоящее время активно изучается современное влияние славянских языков на венгерский в условиях контакта. Так, Ланстяк и Сабомихалы (Lanstyák and Szabó Mihály 1996, 1997) выяснили, что венгерские школьники на территории Словакии ис-

---

3 Паунтейн показывает также, что, кроме этого, в синтаксисе иногда встречается влияние иностранного языка (не второго родного) на язык образованных носителей, но что это явление слишком переоценивается пуристами, считающими его угрозой Ausbau-языку; на самом же деле, такие явления строго ограничены регистром (журналистским, официально-деловым и т.д.: там же, 104). Скорее всего, к этому типу относилось бы гипотетическое, по Панькевичу, влияние венгерского на русинский, передаваемое через сельскую интеллигенцию.

пользовали статистически значимо больше грамматических калек со словацкого языка, если они обучались в школах со словацким языком обучения, чем если обучение велось на венгерском языке; кроме того, даже последняя группа допускала больше словацких калек, чем венгерскоязычные школьники с территории Венгрии. Черничко и Фенивеш (Cserniczó and Fenyvesi 2001) также рассматривают грамматические калки с контактных языков в речи би- и многоязычных венгров на территории Украины. Контра (Kontra 2001), проанализировав 24 черты, включая такие грамматические черты, как употребление множественного числа существительных, нулевое объектное местоимение (object pro-drop) и др. в употреблении венгров-билингвов на территории нескольких стран, выяснил, что существует разница между венграми, живущими в Словакии и Украине, с одной стороны, и в Сербии, с другой: венгры из Сербии реже выбирают калки, т. е. сохраняют венгерские черты лучше, чем венгры из Словакии и Украины. Kontra объясняет это более долгим временем контакта между венгерским, с одной стороны, и словацким и украинским, с другой, чем между венгерским и сербским языками. Это подтверждает гипотезу Томасон и Кауфман (Thomason and Kaufman 1988: 67) о том, что долгое время (несколько сотен лет) интенсивного контакта, а также двуязычие являются критическими факторами для возможности распространения заимствований.

1.5. Характер контакта русинского языка с венгерским и словацким языками в Великих Лазях

Оба указанных фактора, двуязычие и долгое время контакта, характерны для контакта русинского говора Великих Лазов с венгерским языком. В селе, при наличии русинского большинства, издавна присутствовало и венгерское население. По последней до-советской переписи 1940 г., из 888 жителей в селе было 58 римо-католиков (из которых венгры составляли очевидно большую часть, хотя изредка русины тоже бывали римо-католиками), 795 греко-католиков (русины), 2 православных (?), 6 протестантов (скорее всего, венгры, возможно также словаки), 27 иудеев. В начале 20-го века некоторые жители села, получившие образование, работали в Ужгороде, пользуясь на работе венгерским языком. В начале 20-го века в

селе был построен спиртовой завод, на котором работали и местные жители, и приезжие, используя в общении государственный венгерский язык. В тот же период в селе функционировала венгероязычная начальная школа. Простые жители села часто торговали своими сельскохозяйственными продуктами на базаре в Ужгороде, для чего нужно было хотя бы элементарное знание венгерского. Жители Великих Лазов все время активно контактировали с соседним венгерским селом Korlathhalmes, сейчас Холмец, который к тому же был местным административным центром (нотариатом), по рассказам жителей, часто ходили туда, в том числе, на танцы уже в советское время. В селе также были смешанные русинско-венгерские семьи, причем смешанные браки происходили и между войнами, и в 1960-х, и в 1990-х.

Контакты говора Великих Лазов со словацким языком были, как представляется, менее интенсивными, но, тем не менее, ощутимыми, в силу географической близости Словакии, а также взаимопонимаемости между носителями словацкого и русинского языков. В село время от времени переселялись выходцы из нынешней Восточной Словакии. Один из таких переселенцев с нынешней территории Восточной Словакии в довоенное время носил прозвище 'Тоўтїк (ср. венг. *tót* 'словак'). Нынешние 80-летние также помнят, как в их детстве в село периодически приходили ремесленники-словаки, которые чинили глиняные горшки или кастрировали поросят, приезжали словаки-тряпичники, выменивавшие старое тряпье на иголки и нитки. На Рождество, по воспоминаниям, происходили рождественские игры, исполнялись колядки и щедровки по-восточнословацки.⁴

---

4 Ср., например, текст речи Губы, одного из наиболее ярких персонажей рождественских игр: *Йуж зме їїлі, їуж зме пілі, їуж зме ўшіцко дбкѳн ч'їлі. Ко са на нас ч'удуїе, най нам дацо даруїе. Галбу віна, галбу пїва, дацо печ'єнего... Кїд' нам н'їц н'є даце, та нас пѳгн'їваце. Ўшіцкі гарч'кі потр'єнеме, цо на пецу маце... 'Уже мы ели, уже мы пили, уже мы все закончили. Кто на нас смотрит, пусть нам кое-что подарит. Пинту вина, пинту пива, чего печеного... Если нам ничего не дадите, вы нас разгневаете. Всю посуду побьем, которая у вас на печи...'*

Все вышеперечисленное указывает на тесный контакт русинского говора Великих Лазов с венгерским и, возможно, со словацким языком. Такие контакты, по Thomason and Kaufman, являются почвой для активного процесса заимствования, в том числе заимствования в области грамматики и синтаксиса.

2. Материал, метод и структура работы

Как отмечено выше, нас заинтересовали некоторые необычные конструкции с предлогом *na* и винительным падежом. Предлог *na* является общеславянским, он есть во всех славянских языках, включая украинский, словацкий и русинский литературные языки, а также их диалекты, соседствующие с диалектом Великих Лазов. Однако определенные употребления этого предлога, отмеченные нами в Великих Лазах, представляются нестандартными, а иногда уникальными для окружающих славянских языков. С другой стороны, схожие конструкции отмечаются в венгерском языке, где, однако, используются послелого. Некоторые конструкции отсутствуют в венгерском языке, но наличествуют в словацком.

В дальнейшей работе представлено несколько групп нестандартных употреблений предлога *na* в диалекте села Великие Лазы, выделенных нами на основании наших полевых записей 2007 — 2017 гг. (М.К.) Эти группы употреблений сравниваются со сходными группами употребления предлога *na* в литературном словацком языке и с аналогичными конструкциями с послелогом в венгерском языке. В заключении делаются выводы о происхождении этих конструкций в диалекте Великих Лазов.

3. Рассматриваемые конструкции в диалекте Великих Лазов

3.1 Конструкция *poze'rať na 'кукер* 'смотреть в бинокль'

Как видно из приведенного примера, в диалекте Великих Лазов предлог *na* с вин. п. может использоваться в значении 'через' или 'сквозь'.

Другие примеры такого употребления: *Uvid 'iv-im go na 'облак* 'Я увидел его в окно (сквозь окно)'; *Na d 'ir'ku u n'lôt 'i sa za'd 'iv do dvo'ra* 'Сквозь (через) дырку в ограде залез во двор'; *Zal 'iz do 'xíži*

на 'облак 'Влез в дом через окно'; 'Вуверг на 'облак 'Выкинул в окно'; На Пет'ранин д'вур са йш'ло до к'лубу 'Через двор Петрани ходили в клуб'; На Драв'ец'кий л'ис пак хо'ди'ли лас'ки'л'уде до 'вароша 'Через Дравецкий лес ходили когда-то жители села Великие Лазы в город'; Ат:аді на Став'лініц' -ім хо'ди'ю на 'Тан'у 'Вот сюда через Ставлинец я ходил на Таню (место, где находится коньячный завод)'; На ла'ўку 'д'енк'о'ч'ата х'од'ат' до ш'коли' 'Через мостик ученики школы из Дынковцев (часть села) ходят в школу'.⁵

Такая конструкция нехарактерна для словацкого, где для передачи этого значения употребляются конструкции с тв. п. или с предлогом *cez* 'через, сквозь' + вин.п.: *zaliezol do domu cez okno*⁶ / (реже *oknom*) 'влез в дом через окно'. Однако конструкция, похожая на великолазскую, употребляется в венгерском:

<i>betászni</i>	(<i>a házba</i>)	<i>az ablakon</i>	<i>keresztül</i>
влезть.ИНФ	(АРТ дом.ИЛЛ)	АРТ окно.СУПЕРЕС	через.ЭСС-МОД
влезть	(в дом)	на окне	через-образно
'влезть (в дом) через окно'			

В венгерском языке нет предлогов и, в славянском смысле, таких падежей, когда один аффикс выражает и число, и падеж (напр., *-ами* тв. мн.). Эти функции выполняются постпозитивными аффиксами, которые в некоторых грамматиках называются падежами. Эти квазипадежные аффиксы добавляются после показателя множественного числа, если он есть (*ház.ak.ba* дом.МН.ИЛЛ 'в домá') и при необходимости сингармонизируются. При этом если в русском направление и местонахождение выражаются падежами (как правило, вин.п. для направления, предл. п. для местонахождения), а ориентация по отношению к предмету – предлогами (*на столе, на стол; в столе, в стол*), в венгерском употребляются четыре раз-

5 В диалекте Великих Лазов существуют также конструкции с предлогами *круз* 'сквозь' и *ч'ерез* 'через': *круз' з'гло-м у'від'і'ю йі* 'сквозь стекло я увидел ее'; *до 'хіжі зайш'лі ч'ерез 'облак* 'в дом вошли через окно', наряду с конструкциями с предлогом на: *На з'гло-м у'від'і'ю йі; До 'хіжі зайш'лі на 'облак*. Насколько нам известно, разницу между конструкциями с *круз'ч'ерез* и *на* говорящие не ощущают.

6 Этот вариант представляется говорящим более приемлемым.

ных аффикса: сублатив *-ra* (движение на поверхность предмета), суперессив *-n* (нахождение на поверхности предмета), иллатив *-ba* (движение внутрь предмета), инессив *-ban* (нахождение внутри предмета).⁷ В великолазском русинском направление движения довольно часто выражается предлогом *do* + вин.п. (*хо^дди^ли до^л вароша* ‘ходили в город’, *хо^д’ам’ дб шкóли* ‘ходят в школу’), в венгерском используется аффикс иллатива *-ba* или сублатива *-ra*. Однако путь или траектория движения в венгерском, как в приведенном выше примере, стандартно маркируется суперессивом *-n* (+ *keresztül*)⁸, что в буквальном переводе на русский будет ‘на + предл.п. (+через-обратно)’. Вот еще несколько венгерских примеров:

<i>kidobta</i>	<i>a</i>	<i>zsebkendőjét</i>	<i>az</i>	<i>ablakon</i>
наружу-бросить.ОБ.ПРОШ.Зед	АРТ	носовой-платок.ПОСЕСС. АКК	АРТ	окно.СУПЕРЕС
<i>keresztül</i>	<i>a</i>	<i>virágágyásra</i>		
через.ЭСС-МОД	АРТ	клумба.СУБЛ		

‘он/а бросил/а (свой) носовой платок через окно на клумбу’

<i>a teleszkópon</i>	<i>keresztül</i>	<i>nézi</i>	<i>a</i>	<i>holdat</i>
АРТ телескоп.СУПЕРЕС	через.ЭСС-МОД	смотреть.ОБ.Зед	АРТ	луна.АКК

‘он/а смотрит на луну в телескоп’

Венгерская конструкция с суперессивом *-n* (+ *keresztül*) схожа с великолазской русинской конструкцией с предлогом *na* (*позерати на кукер*). Однако существует одно важное отличие: в великолазском употребляется вин. п., обозначающий направление, в то время как в венгерском употребляется суперессив (местонахождение), а не сублатив (направление). Буквальный перевод венгерской конструкции на великолазский был бы **позе^лрати на^л кукери* ‘смотреть на бинокле’ с предл. п.; такая конструкция в диалекте не отмечена. Тем не менее, в великолазском имеется черта, позволяющая сблизить конструкции, обозначающие местонахождение и направление. Если в существительных местонахождение и направление стандартно

⁷ Все четыре аффикса, как уже было упомянуто, могут сингармонизироваться.

⁸ Говорящие отмечают, что в некоторых случаях слово *keresztül* не нужно: *kiejtette a zsebkendőt az ablakon* ‘он(а) уронил(а) носовой платок из окна/через окно’: однако нам не удалось выяснить, когда это слово является необходимым, а когда оно должно быть опущено.

различаются⁹, то в вопросительных наречиях используется только одна форма *де*, как для местонахождения, так и направления: *Де-сь пушов?* ‘Куда ты пошел?’ *Де-сь бов?* ‘Где ты был?’; сохранившееся, напр., в русском различие *где* (местонахождение) и *куда* (направление) в великолазском утеряно. Если смешение местонахождения и направления в великолазском в принципе возможно, то не исключено, что оно имело место и при заимствовании венгерской конструкции.

Интересно, что похожая конструкция с предлогом *на* в значении ‘через’ была записана один раз и в другом русинском диалекте, находящемся далеко от венгерской границы, на Верховине, в с. Новоселица Межгорского района Закарпатской области; ср. диалог между собирательницей (Б) и жительницей села, родившейся в конце 1930х (А):

Б а лѧфкѧв ци мѧже корѧва ити ?

А но

Б де лѧвка

А дож... ѧа дѧ лѧвка на лѧвку нѧ | на лѧвку не ишли корѧвы ѧй в вѧду ишли | ѧ та дѧ на лѧвку на лѧвку лии лѧде перехѧдят |

Б А по мостику/ через мостик может корова идти?

А ну

Б там, где мостик

А дож... а нет, какое там мостик, по мостику нет. По мостику / на мостик не шли коровы, они в воду шли. Куда там по мостику / на мостик, через мостик только люди переходят.

Собирательница (Б) задает вопрос, конструируя форму *лѧфкѧв* (твор.п.) в значении ‘через мостик, по мостику’, А не понимает вопроса. (А не очень хорошо слышит, но как выяснилось, непонимание возникает наиболее часто именно в те моменты, когда Б употребляет формы, несвойственные диалекту.) Б пытается объяснить, используя другую форму того же слова. А, наконец, понимает, о чем идет речь, но в своих собственных объяснениях она последовательно использует только форму *на лѧвку* в значении ‘по мостику’/ ‘на

---

⁹ Местонахождение выражается *в/на* +пред.п.; направление выражается несколькими способами, включая *до* + род.п., *на/в* +вин.п.

мостик' и, в последнем предложении, в значении 'через мостик'.

Если наличие этой конструкции в других русинских диалектах Закарпатья подтвердится новыми примерами, возможно будет говорить о грамматическом мадьяризме не только в диалекте Великих Лазов, где такая конструкция может быть обусловлена непосредственным контактом, но и о распространении этой конструкции далее, что может потребовать иного объяснения (см. ниже).

Аналогичная конструкция с предлогом *на* в значении 'через' наблюдается в великолазском диалекте и для обозначения времени: *На рук у'види'ме* 'Через год увидим'. В венгерском есть сходная конструкция (ср. венг. *rá egy évre/egy évre rá* (СУБЛ.Зед один год. СУБЛ / один год.СУБЛ СУБЛ.Зед) 'через год', *rá öt napra/öt napra rá* (СУБЛ.Зед пять день.СУБЛ / пять день.СУБЛ СУБЛ.Зед) 'через пять дней' *etc.*). Эта конструкция отсутствует в литературном словацком, где в этом значении употребляется предлог *о* с вин.п.: слвц. *o rok uvidíme* 'через год увидим', но в восточнословацком имеется конструкция *na tidziň idze do mesta* 'через неделю идет в город', где *на* переводится на литературный словацкий как *о* (Buffa 2004: 167). Здесь, видимо, мы имеем дело с русинским и восточнословацким расширением употребления предлога *на* в значении 'через' по венгерской модели.¹⁰

3.2. Управление некоторых глаголов

Некоторые глаголы в диалекте Великих Лазов требуют предлога *на*. Среди них:

3.2.1. *вадіті са на* + предл. п. 'ссориться по поводу чего'

Примеры: *На мѣж'і са вад'ат* 'Из-за границы земельного участка ссорятся'; *Хѡт' на ч'ѡму са пѡвад'ат' тѡт'і жѡні* 'Из-за любого пустяка рассорятся эти женщины'. Скорее всего, это тоже заимствование из венгерского, ср. венг.:

10 Подобная конструкция имеется и в украинском языке Галичины: во Львове, от Ж37, родом из Турковского р-на Львовской обл. записано: *прийде на тиждень* 'приедет через неделю' (запись Е.Б., лето 2018 г.).

a szomszédok veszekednek a mezsgyén
 АРТ сосед.мн ссориться.3мн АРТ межа.СУПЕРЕС

‘соседи ссорятся по поводу межи’

а также:

vitatkoznak a politikán
 спорить.3мн АРТ политика.СУПЕРЕС

‘они спорят о политике’

В литературном словацком языке в этой конструкции также используется предлог, но другой: слвц. *hádjú sa o pôdu* ‘ссорятся по поводу земли’, букв. ‘о земле’. Однако в восточнословацких диалектах такая конструкция отмечена: *na čím se bili* ‘из-за чего дрались’, переводимое как слвц. *o čo, kvôli čomu [sa bili]* (Halaga 2002: I, 444)

3.2.2. *m'ami'ti na* + вин.п. ‘помнить о’

Примеры: *Бу дѳбр 'i m'ami'ÿ na 'n 'a* ‘Чтобы хорошо помнил обо мне’. Это тоже выглядит как калька с венг.:

hogy jó emlékezzen rám
 что хорошо помнить.ИМП.3ед СУБЛ.1ед

‘чтобы вы (лит. ‘он’, форма вежливости) хорошо помнили обо мне’

Что характерно, в венгерском здесь, в отличие от примеров типа *-on + keresztül*, используется сублатив *-ra*, выражающий направление. В великолазском русинском также кроме предлога *na* в этой конструкции наличествует вин. п., выражающий направление, т. е. калька является более точной, чем в группе случаев с *-on + keresztül*.

В выражении значения ‘на’ венгерский здесь совпадает с немецким, где есть похожая конструкция с глаголом *erinnern sich an* + *Acc* ‘(вс-, на-)помнить о’:¹¹

нем.

ich erinnere mich daran
 я (вс/на)помнить.1ед 1ед.АКК это+на

‘я помню это / об этом’

11 Однако само выражение ‘вспоминай обо мне хорошо’ по-немецки лучше переводится другой конструкцией: *behalte mich in guter Erinnerung*, букв. ‘держи меня в хорошем воспоминании’,

В литературном словацком такая конструкция есть с глаголами ‘помнить’: *pamätať koho (čo) / na koho (na čo)* ‘помнить что/о чем’ (букв. ‘на чем’); *pamätaj na smrť* ‘помни о смерти’, однако с глаголом ‘напомнить’ (*pripomenúť*) эта конструкция не употребляется: *pripomenúť komu čo (koho)*. Не употребляется она и с возвратным глаголом *pamätať si*, где для обозначения объекта, в отличие от немецкого, употребляется вин. п. без предлога:

СЛВЦ.

<i>pamätaj</i>	<i>si</i>	<i>ma</i>
помнить.ИМП.2ед	возвр.ДАТ	1ед.ВИН
‘помни обо мне’		

Словацкая конструкция с глаголом ‘напомнить’ (*pripomenúť*) определенно не является калькой с немецкой: в нем. реципиент напоминания в вин. п. (а объект в вин. п. + *an*), а в слвц. реципиент в дат. п., а объект в вин.п. Однако конструкция с глаголом ‘помнить’ (*pamätať si*) уже ближе к немецкой ввиду наличия возвратного местоимения (хотя конфигурация падежей повторяет конструкцию при глаголе ‘напомнить’ (*pripomenúť*): реципиент стоит в дат. п., а объект в вин.п.). Наконец, в глаголе ‘помнить’ (*pamätať*) имеется, как одна из опций, конструкция с *na* + вин.п., схожая как с немецкой, так и с венгерской конструкцией наличием аффикса, выражающего значение *na*, но отличающаяся от немецкой отсутствием возвратного местоимения.

Великолазская конструкция с предлогом *na* при глаголе *m'a mu'mi* ‘помнить’ может быть заимствованием из словацкого¹² или из венгерского. Обращает на себя внимание наличие частично сходной конструкции в немецком. Не исключено, что это является частью некоторых языковых процессов, общих для австро-венгерской империи (см. ниже).

---

12 В восточнословацких шаршских диалектах есть конструкция, содержащая одновременно возвратное местоимение и предлог *na*, т.е. более близкая к немецкой: *dobře še na to pametam* (Buffa 2004: 167) ‘я хорошо это помню’; т.о., эта конструкция, как и немецкая, вряд ли является прямым источником великолазской.

3.2.3. *умерти на* + вин. п. ‘умереть от чего’

Примеры: *умерти на рака* ‘умереть от рака’. Эта конструкция представлена также в современном русинском литературном языке Закарпатья ср.: *умер на рака* ‘умер от рака’ (Керча 2007: I, 533). Венгерскому языку эта конструкция несвойственна, в венгерском употребляется инессив *-ban*:

rákban   *meghalni*
 рак.ИНЕСС   умереть.ИНФ
 ‘умереть от рака’ (букв. ‘в раке’)

Однако такие конструкции характерны для словацкого, ср. слвц. *zomrel na rakovinu / na infarkt* ‘умер от рака / от инфаркта’ (букв. на рак / ‘на инфаркт’). В немецком ситуация несколько иная: нем. *an Krebs sterben* ‘умереть от рака’ (букв. ‘на раке’) использует предлог *an*, но не вин.п. направления, а дат.п. местонахождения (ср. *an den Folgen eines Unfalls sterben* ‘умереть от последствий аварии’), соответствующий предл. п. славянских языков.

Эта конструкция в диалекте Великих Лазов, в отличие от предыдущих, скорее всего заимствована из словацкого, который, в свою очередь, возможно, сам заимствовал ее из немецкого, видоизменив падеж.¹³

Похожее, словацкое, происхождение можно предположить и для отмеченной в диалекте Великих Лазов аналогичной конструкции с глаголом ‘заболеть’: *nôxvôřiti sa na* + вин. п. ‘заболеть чем’: *nôxvôřiti sa na ĝřu'na* ‘заболеть гриппом’.

В слвц. для выражения данного значения имеются две кон-

13 В литературном словацком существует два местоимения, одно из которых обозначает направление (*kam*), а второе — местонахождение (*kde*): *kam ideš?* ‘куда (ты) идешь?’ vs. *kde si?* ‘где ты?’ но уже даже литературный язык допускает использование *kde* в значении ‘куда’ (*kde ideš?*). В говорах, за исключением центральных, направление и местонахождение в вопросительных местоимениях смешиваются. Так, в восточнословацких шарнишских говорах, как и в русинском, *dze* может употребляться в значении ‘куда’; ср. *ked človek plano zrobi, ta teľo še dze ňepodzeje* ‘если что-то плохое сделаешь, куда бы только не делся’ (т.е. провалился бы сквозь землю) (Buffa 2004: 68). Не исключено, что

струкции: *ochoriet' na maláriu* ‘заболеть малярией’ (букв. ‘заболеть на малярию’), и *dostať diabetes* ‘заболеть диабетом’ (букв. ‘получить диабет’); похожая ситуация наблюдается в немецком, где существует и распространенное *Grippe bekommen* ‘заболеть гриппом’, букв. ‘получить грипп’, и допустимое *an Magersucht / Grippe erkranken* ‘заболеть анорексией / гриппом’ (букв. ‘заболеть на анорексии / на гриппе’; в отличие от конструкции *Grippe bekommen*, данная конструкция ощущается говорящими как более редкая и более литературная). В венг. конструкция с сублативом *-ra* или суперессивом *-n* в данном значении неизвестна, употребляется только конструкция с глаголом *kapni* ‘получить’: *cukorbetegséget kapni* (диабет.АКК получить.ИНФ) ‘заболеть диабетом’.

3.2.4. *фарби́ти на ч’ервено* ‘красить в красный цвет’: признак, полученный в результате действия

Другие примеры: *звару́ти яйце́ на мн’атко* ‘сварить яйцо всмятку’. В венгерском с глаголами ‘красить’ и ‘варить’ возможна та же конструкция: *pirosra festeni* (красный.СУБЛ красить.ИНФ) ‘покрасить в красное’, *vörös színűre festett* (темно-красный цвет.СУБЛ красить.ПРОШ) ‘красил/а в темно-красный цвет’, *tojást főzni lágyra / keményre* (яйцо.АКК варить.ИНФ мягкий.СУБЛ / твердый.СУБЛ) ‘варить яйцо всмятку / вкрутую’. Такая же конструкция есть в словацком: *zafarbiť načerveno / na červeno* ‘покрасить в красный цвет’, *vajcia uvarené namätko / na mätko* ‘яйца, сваренные всмятку’. Однако в словацком эта конструкция при обозначении признака представляется более распространенной, чем в венгерском, например, она часто употребляется в отсутствие глагола: слвц. *fazuľa na husto* ‘густо сваренная фасоль’ — венг. *sűrű bab*; слвц. *šaty na gombiky* ‘платье с пуговицами’ — венг. *ruha gombokkal* (платье пуговица.мн.КОМИТ).¹⁴ Такая же конструкция существует в восточнословацких шарышских диалектах: *bandurki na ritko* ‘картофельный суп’, букв. ‘картофель на жидко’ (Buffa 2004: 239).

заимствование конструкций *zomriet' na týfus*, *ochoriet' na maláriu* произошло в тех диалектах, в которых имеется смешение направления и местонахождения.

В диалекте Великих Лазов конструкция с *na* + вин.п. для обозначения признака, особенно выраженного существительным, как представляется, распространена еще шире, чем в словацком, ср. в.-лаз. *ʋitan na ʋbŋki* ‘платье в горошек’ — словц. *šaty bodkované*, венг. *pöttyös ruha*; в.-лаз. *noĝaʋiʋʻi na ʋlŋknʻouŋ* ‘брюки клеш’ — словц. *zvoncové nohavice, rozšírené nohavice* — венг. *trapéz nadrág*. В Великих Лазах на употребляется также в конструкциях *naʋcolʻa na ʋzʻobachʻki* ‘фасоль, сваренная в виде цельных фасолин’, букв. ‘фасоль на клевание’, *naʋcŋlʻa na kŋlŋchʻenʻa* ‘фасоль-пюре’, букв. ‘фасоль на разминание’.

В немецком предлоги *an* или *auf* в таких конструкциях практически неизвестны; ср. нем. *Blau färben* ‘красить в синий цвет’, *Schlaghose* ‘брюки клеш’, *Rock mit Knöpfen* ‘юбка с пуговицами’; с одним важным исключением: конструкция *Bohnen (zubereitet) auf mexikanische Art* (с вин.п.) ‘фасоль по-мексикански’ является стандартной.¹⁵ В венгерском эта конструкция для названий сложных блюд также является распространенной: *burgonya hercegnő módra* (картофель принцесса способ.СУБЛ) ‘картофель а-ля принцесса’, *sertésszelet dijoni módra* (свиная котлета дижонский способ.СУБЛ) ‘свиная котлета по-дижонски’ и др.;¹⁶ то же самое в словацком, где конструкция с *na* + *spŋsob* (вин.п.): *na* (прилагательное) *spŋsob* / *na spŋsob* (существительное) употребляется весьма часто в названиях сложных блюд: *mäso na čínsky spŋsob* ‘мясо по-китайски’, *torta s piškótami na spŋsob tiramisu* ‘торт с печеньем а-ля тирамису’. Конструкции *auf ... Art* / *... módra* / *na (...)* *spŋsob (...)* очевидно являются

14 Предложенное одним говорящим, мужчиной, *gombos ruha* (букв. ‘пуговичное платье’) было отвергнуто другим говорящим, женщиной: для нее *gombos ruha* значит ‘платье, усеянное пуговицами’, в отличие от *ruha gombokkal* ‘платье, застегивающееся на пуговицы’

15 Не исключено, что в словацком источнике конструкции *fazuʋa na mexický spŋsob* ‘фасоль по-мексикански’ (а затем *fazuʋa na kyslo, na sladko, na husto* ‘фасоль в кислом соусе, в сладком соусе, густая фасоль’) явилась именно немецкая конструкция *Bohnen (zubereitet) auf italienische usw. Art*.

16 А. Золтан (подсказавший авторам конструкцию *sertésborda Du Barry módra* ‘свиные ребра а ля Дю Барри’), предполагает, что эта конструкция пришла в венгерский из немецкого языка Вены.

кальками друг друга, не только в предлоге/послелого, но и в выражении направления. Это, вместе с тем обстоятельством, что они обозначают блюда высокой кухни, делает предположение А. Золтана об их происхождении из немецкого языка Вены более чем вероятным, а практическое отсутствие расхождений между ними указывает на то, что они возникли относительно недавно и/или распространились методом, более способствующим сохранению структуры, чем устная передача (возможно, через такие средства, как газеты, книги рецептов и др.).

Что же касается конструкций *фар'би'тї на ч'ервено* ‘красить в красный цвет’, *віган на б'бпкї* ‘платье в горошек’ и др., то по распространению этих конструкций похоже, что они являются более старыми, а также, что они попали в великолазский диалект из словацкого языка и активно там распространились. Более того, возможно, что в венгерском языке они тоже появились из словацкого (за исключением названий сложных блюд), хотя для точного утверждения недостаточно данных.

3.2.5. *па'тіка на жалудок* ‘лекарство для желудка’, *м'бдло на св'єр'бл'ач'кї* ‘мыло от чесотки’, *от'р'ова на пацка'н'ї* ‘яд для крыс’ лекарство, средство для (орган) / от (болезнь/симптом, вредитель)

Примеры: *М'бшач'ї х'востї'кї д'ббр'ой на жалудок* ‘Тысячелистник полезен для желудка (полезен при болезнях желудочно-кишечного тракта)’; *па'тіка на жалудок* ‘лекарство от/для желудка’ (название кафе, в начале 2000-ых открытого в 10 км от Великих Лазов, в пригороде Ужгорода, в селе Минай), *от'р'ова на пацка'н'ї* ‘яд для крыс’.¹⁷ Эта конструкция известна также в современном русинском литературном языке Закарпатья: *яд на мухы* ‘яд против мух’ (Керча 2007: I-533) и в более восточных диалектах Закарпатья: ср: в Вел. Бычкове Ж51, родом из Косовской Поляны: *ролтон сесе перший лік на мою пе'чїнку* ‘ролтон — это самое первое лекарство для моей печени’ (запись Е.Б., лето 2018 г.)

17 В Великих Лазях в конструкциях с названиями болезней/симптомов чаще всего употребляется *од*, калькированное с украинского *від*: *л'їкї*

Эта конструкция встречается и в словацком, и в венгерском. В словацком она употребляется и с названием органа, и с названием болезни/симптома, и с названием вредителя: слвц. *čo je dobré na takto podráždený žalúdok* ‘что хорошо для такого раздраженного желудка’; *lieky na alergiu / proti alergii / na liečbu alergie* ‘лекарства от аллергии/против аллергии/для лечения аллергии’ (все три встретились в одном объявлении и примерно в одном значении); *jed na potkany* (тж., реже, *jed pre potkany*¹⁸) ‘крысиный яд’; в венгерском — с названием органа или болезни/симптома: венг. *jó a gyomorra* (хороший АРТ желудок.СУБЛ) ‘хорошее для желудка’ (тж. *jó a gyomornak* (хороший АРТ желудок.ДАТ) ‘тж.’), *gyógymód a fejfájásra* (средство АРТ головная-боль.СУБЛ) ‘средство от головной боли’, *gyógymód a lázra* (средство АРТ температура-СУБЛ) ‘средство от температуры’, *gyógyszer a láz csillapításra* (средство АРТ температура снижение.СУБЛ) ‘лекарство для снижения температуры’ (менее типично *gyógyszer cukorbetegség ellen* (средство диабет против) ‘лекарство против диабета’, *segít a cukorbetegségben szenvedőnek* (помогает АРТ диабет.ИНЕС больной.ДАТ) ‘помогает больному от диабета’, букв. ‘в диабете’), но похоже, не с названиями вредителей: *patkánymérég* (крыса-яд) крысиный яд, *csótányirtó szer / poloskairtó szer* (таракан-уничтожающее средство, клоп-уничтожающее средство) ‘средство от тараканов / клопов’.

В немецком в этих конструкциях предлоги *auf* или *an* не употребляются: *gut für den Magen* ‘хорошо для желудка’ (орган), *Hustenmittel* ‘лекарство от кашля’, *eine Arznei für Kopfschmerzen und*

---

od дав'лін'a ‘лекарства от давления’. Эта конструкция, видимо, является заимствованием советского периода, когда лекарства, вместе с их украинизированными наименованиями, стали употребляться в повседневном быту, и новая конструкция с *od* вытеснила старое *na*, которое сегодня засвидетельствовано в единичных случаях, с названиями редких, не встречающихся больше болезней (ср. приведенное выше *модло на свёр'бл'ач'ки* ‘мыло от чесотки’).

- 18 Конструкция *jed pre potkany* встречается в объявлениях, но говорящие воспринимают такую конструкцию как комичную, объясняя, что она звучит так, как будто яд является угощением. Очевидно, *pre* обозначает адресата или бенефициара, а *na* — нечто, что подлежит уничтожению.

eine andere für Hautausschlag ‘одно лекарство от головной боли, а другое от сыпи’, *Mittel gegen Fieber, fiebersenkende Mittel* ‘жаропонижающее средство’, *Mittel gegen Diabetes* ‘лекарство от диабета’ (болезнь/симптом), *Insektenbekämpfungsmittel* ‘средство для борьбы с насекомыми’, *Bekämpfungsmittel gegen Kartoffelkäfer* ‘средство борьбы с колорадским жуком’, *Rattengift* ‘крысиный яд’ (вредители).

Судя по тому, что наиболее широкое распространение этой конструкции (во всех трех семантических случаях) наблюдается в словацком и великолазском, а в венгерском она не охватывает названия вредителя, представляется наиболее вероятным ее заимствование в великолазский из словацкого. При этом, однако, возникает вопрос, который напрашивался и ранее, при рассмотрении конструкций *m'a'mi'mi na*, *poxvo'rimi sa na*, *far'bi'mi na*, а именно, является ли заимствование из одного языка в другой адекватным описанием ситуации, когда некоторая черта распространяется в нескольких языках, и не подходит ли для такой ситуации скорее понятие общих процессов, характерных для языкового союза.

4. Габсбургский языковой союз

Томасон (Thomason 2000: 311–312) дает определение языкового союза (минимум три разных языка, имеющих общие структурные черты в результате контакта) и объясняет, что в языковом союзе влияние как правило идет в нескольких направлениях. Количество черт, общих в языках союза, может быть различным (314). Далее, разбирая исторические предпосылки складывания балканского языкового союза, Томасон пишет, что в результате пятисот лет турецкого владычества широкое распространение получило многоязычие; как правило, оно было симметричным; за исключением турецкого языка, асимметричный билингвизм, обычно являющийся результатом асимметричных отношений доминирования, на Балканах не развивался (2000: 318). В бывшей габсбургской, затем австро-венгерской монархии ситуация была несколько иная, в частности, в венгерской части империи с середины XIX в. активно насаждался венгерский язык (Magocsi 2015: 116–117), но, тем не менее, лингвистические ситуации в двух многоязычных империях имели много общего. Томас

(Thomas 2008: 125) предлагает, вслед за Скаличка (Skalička 1968), выделять средневропейский языковой союз¹⁹, который он называет габсбургским языковым союзом, и описывает его исторические предпосылки следующим образом: «Языковой контакт [немецкого, славянских языков и венгерского] продолжался более тысячелетия, вызывал многочисленные ситуации дву- и трехязычия, переключения и смешения языковых кодов, в результате которого по всему региону наблюдалось значительное влияние языков друг на друга» (перевод мой — Е.Б.). Анализируя лингвистические признаки габсбургского языкового союза, Томас (Thomas 2008) перечисляет такие глобальные языковые черты, как, из грамматических, наличие перфекта в роли претерита, перифрастического будущего, наличие и особый состав плюсквамперфекта и др. Нам, однако, представляется, что многие предлагаемые Томасом черты являются слишком общими и не обязательно вызванными контактом. Более продуктивным, по нашему мнению, является поиск общих черт на уровне таких локальных, но легко заимствуемых признаков, как, например, управление определенных глаголов или использование конструкций с определенными предлогами/послелогом для выражения специфических значений.²⁰

Можно указать еще по крайней мере одну конструкцию с предлогом на, которая была записана в Великих Лазах, но может оказаться общей для габсбургского языкового союза:

в.-лаз. *mêp'k'uy na d'itva'ka* 'смотри/следи за ребенком' (само слово *mêp'kô'vati* является немецким заимствованием), слвц. *merkovat', dávat' pozor na niekoho / niečo* 'смотреть за, обращать внимание на';

19 Томас (Thomas 2008: 125) говорит о дунайском/карпатском, или, точнее, габсбургском языковом союзе, т. е. о языковом союзе в границах габсбургской монархии до 1772, до присоединения Галиции, Буковины, Боснии и Далмации.

20 Такие конструкции, наличествующие более чем в одном языке исследовались, например, Яном Дорулей (Doruľa, 2000: 130, Doruľa, 1989: 357–360), который рассматривает словацкие обороты *pod chvíľou* 'за минуту', *pod krátkym časom* 'за короткое время', считающиеся заимствованиями из венгерского в словацкий (ср. венг. *rövid idő alatt* 'за короткое время'), но не верит в их венгерское происхождение.

merkovať na deti ‘смотреть за детьми’; чеш. *dát si pozor* ‘беречься, остерегаться, обращать внимание’: *Jak poznat alkoholika? Dej si pozor na tahle varovná znamení* ‘Как распознать алкоголика? Обращай внимание на эти тревожные знаки’ (с женского форума), etc.; венг. *figyelj / vigyázz a gyerekre* ‘смотри/слежи за ребенком; смотри, чтобы ты не ушиб и т.д. ребенка’, БСХ *пази на воз* ‘осторожно, поезд’; нем. *pass auf das Kind auf* ‘смотри/слежи за ребенком’.

Заключение

Якобсон (1971 [1931], 1985 [1936]), вместе с Трубецким введший в оборот понятие языкового союза, не объясняет, как происходит взаимовлияние языков, и почему оно оказывается ограниченным определенной территорией. Общеизвестно, что изоглоссы зачастую повторяют границы административных единиц прошлого. Так, например, А. Дыбо на материале новгородских диалектов выясняет, что границы современных диалектных групп во многом совпадают с административным делением Новгородской земли в XV–XVI вв. (1989: 181). А. Дыбо считает, что административное деление повторяет старое, племенное/диалектное членение территории (1989: 184); с этим нельзя не согласиться, но несомненно также и то, что внутри вновь возникающих административных единиц распространяются вновь возникающие языковые явления.

Представляется привлекательной идея образования языковых союзов путем распространения языковых черт через границы между языками в рамках государственных образований, таких как многонациональные и многоязычные империи, особенно те, в которых недоминантные языки не подавлялись.²¹ Для объяснения

---

21 Напротив, в таких образованиях, Российская империя конца XIX-го в. или СССР периода после второй мировой войны, где владение официальным русским языком воспринималось как обязательное для всех, необходимое для социальной мобильности и успешной карьеры, (Slezkine, 1994, Pavlenko, 2008, Беликов и Крысин, 2001) и фактически являлось оправданием для незнания других языков, включая язык национальной республики, ситуация вела не к языковому союзу, а к русификации и к утере национальных языков.

механизма распространения лингвистических черт в Габсбургской монархии возможно, в частности, использовать модель, предложенную (Burrige 2018) и учитывающую лингвистическое поведение. В физико-математической модели, предназначенной для описания как волнообразного распространения изоглосс, так и иерархического распространения лингвистических черт (hierarchical diffusion, распространение лингвистических черт из центров на периферию, см. Chambers and Trudgill 1998: 178), Burrige выделяет индивидуумов со столичным (metropolitan) типом лингвистического поведения: такие индивидуумы имеют доступ к коммуникации на большие расстояния, поэтому имеют большую тенденцию общаться друг с другом даже на расстоянии, чем жители сельских местностей; количество актов общения (interactions) между такими индивидуумами позволяют им сохранить свои языковые особенности, а в силу большого количества таких индивидуумов количество актов общения между ними и не-носителями их диалекта также является высоким; в связи с этим лингвистические черты их диалектов распространяются с большей скоростью и устойчивостью, чем черты других диалектов. Для общества эпохи (раннего) модерна с наличием таких атрибутов цивилизации как почтовое сообщение, газеты, централизованная администрация, а также высокая мода, эта модель правдоподобно описывает возможность распространения языковых черт от центра такой монархии, как Габсбургская, на периферию и в сельскую местность, а наличие дву- и многоязычия как в городах, так и в сельской местности, позволяющее калькирование, делает межязыковые границы проницаемыми для распространения конструкций. Таким образом, в Великих Лазах, даже не находящихся на границе с немецкоязычной территорией,²² обнаруживаются структурные черты, скорее всего, пришедшие из немецкого в словацкий и оттуда в великолазский. Распространение таких черт, естественно, происходит между диалектами одного языка (ср. упомянутое выше

---

22 Строго говоря, черты, свойственные немецкому языку, могли распространяться не только с немецкоязычной территории, но и через посредство дву- и многоязычных многочисленных немецких колонистов-ремесленников в городах и др..

возможное наличие конструкции *на лавку* ‘через мостик’ далее на восток по Закарпатья, а также распространенность конструкций *умерти на рака, яд на мухы*, отмечаемых Керчей), но интересна возможность распространения таких черт между различными языками, при благоприятных условиях ведущая к появлению нового языкового союза.

Принятые сокращения

АБЛ – аблатив

АКК – аккузатив

АРТ – артикль

БСХ – боснийский/сербский/хорватский

ДАТ – датив

ИЛЛ – иллатив

ИМП – императив

ИНЕС – инессив

ИНФ – инфинитив

КОМИТ – комитатив

МН – множественное число

ОБ – объектное спряжение

ПОСЕСС – посессив

ПРОШ – прошедшее время

СУБЛ – сублатив

СУПЕРЕС – суперессив

ЭСС-МОД – эссив-модалис

в.-лаз. – великолазский, диалект Великих Лазов

венг. – венгерский

вин.п. – винительный падеж

нем. – немецкий

предл. п. – предложный падеж

тв. п. – творительный падеж

чеш. – чешский

слвц. – словацкий

Литература

- АУМ-2 1988 – І. Г. Матвіяс та ін. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. *Атлас української мови* т. 2. Київ: Наукова думка.
- Деже 1967 – Л. Деже. *Очерки по истории закарпатских говоров*. Будапешт: Akadémia Kiadó.
- Деже 1985 – Л. Деже. *Украинская лексика середины XIV века. Няговские поучения (Словарь и анализ)*. Debrecen: Дебреценский государственный университет.
- Деже 1986 – Л. Деже. *Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках. Словарь, анализ, тексты*. Nyíregyháza.
- Дзендзелівський 1966 – Й. О. Дзендзелівський. Изгласи угорських лексичних нашарувань в українських говорах Закарпатської області УРСР. В: Ф. Т. Жилко (ред.). *Українська лінгвістична географія*. Київ: Наукова думка, 45–75.
- Дыбо 1989 – Анна В. Дыбо. *Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV вв. и их локализация. Часть 2. Балтославянские исследования 1987*. Москва: Наука, 162–186.
- Золтан 2018 – Андраш Золтан. Венгерское сложное будущее в славянском контексте. В: Н. Запольская, М. Обижаева (ред.). *Восьмые Римские Кирилло-Методиевские чтения: Материалы конференции*. Москва: Индрик, 65–70.
- Капраль 2014 – М. Капраль. Венгерские языковые элементы в речи жителей села Великие Лазы Ужгородского района. В: Є. Барань, С. Черничко (ред.). *Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції (Берегово, 2012 рік)*. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 132–149.
- Керча 2007 – Ігорь Керча. *Словник русинсько-руський. У двох томах, верьх 58000 слов / Русинско-русский словарь. В двух томах, свыше 58000 слов*. Ужгород.
- Лизанец 1976 – П. Н. Лизанец. *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья: Венгерско-украинские межъязыковые связи*. Будапешт: Akadémia Kiadó.

- Панькевич 1938 – I. Панькевич. *Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. З приложенням 5 діалектологічних мап. Частина I. Звучня і морфологія* (Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze. Číslo 9). Praha.
- Якобсон 1985 [1936] – Роман Якобсон. О теории фонологических союзов между языками. *Избранные работы*. Москва: Наука, 92–104.
- Aikhenvald 2006 – A.Y. Aikhenvald, 2006. Grammars in Contact: A cross-linguistic perspective. In: A.Y. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (eds.). *Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 1–66.
- Andersen 2006 – Henning Andersen. Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence. In: Eksell, Kerstin, and Thora Vinther (eds.). *Change in verbal systems: Issues in explanation*. Bern: Peter Lang, 9–45.
- Browne 2016 – Wayles Browne. *The Rusin Standard Language in Serbia and Croatia and the Rusyn Standard Language in Slovakia*. Paper delivered at AATSEEL, Austin, Texas, Jan. 8, 2016.
- Buffa 2004 – Ferdinand Buffa. *Slovník Šarišských nářečí*. Prešov: Náuka.
- Burridge 2018 – James Burridge. Unifying models of dialect spread and extinction using surface tension dynamics. *Royal Society Open Science* 5 (1).
- Csernicskó & Fenyvesi. 2000 – István Csernicskó and Anna Fenyvesi. The sociolinguistic stratification of Hungarian in Subcarpathia. *Multilingua* 19, 95–122.
- Doruľa 1989 – Ján Doruľa. Slovenské slovo priš a mad'arizmy v slovenčine. *Slovenská reč* 54, 354–360.
- Doruľa 2000 – Ján Doruľa. Výpožičky z mad'arčiny v slovenčine. *Slavica Slovaca* 35(2), 128–132.
- Dudašová-Kriššáková 2001 – Júlia Dudašová-Kriššáková. *Kapitoly zo slavistiky*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
- Halaga 2002 – Ondrej R. Halaga (ed.). *Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (921-1918); paralely české, slovenské*

- ekvivalenty* I.-II. diel. Košice – Prešov.
- Jakobson 1971 [1931] – Roman Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde. *Selected Writings I*. The Hague-Paris : Mouton, 137–143.
- Kloss 1967 – Heinz Kloss. Abstand-Languages and Ausbau-Languages. *Anthropological Linguistics* 9.7, 29–41.
- Kontra 2001 – Miklós Kontra. Hungarian verbal puzzles and the intensity of language contact. *Journal of Sociolinguistics* 5 (2), 163–79.
- Lanstyák and Szabó Mihály 1996 – István Lanstyák and Gizella Szabó Mihály. Contact varieties of Hungarian in Slovakia: A contribution to their description. *International Journal of the Sociology of Language* 120, 111–130.
- Lanstyák and Szabó Mihály 1997 – István Lanstyák and Gizella Szabó Mihály. *Magyar nyelvhasználat - iskola - kétnyelvűség*. Pozsony: Kalligram.
- Magocsi 2015 – Paul R. Magocsi. *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest, New York: Central European University Press.
- Mithun 1992 – Marianne Mithun. The substratum in grammar and discourse. In: Ernst H. Jahr (ed.). *Language Contact: Theoretical and Empirical Studies* (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 60). Berlin: Mouton de Gruyter, 103–115.
- Nomachi 2015 – Motoki Nomachi. “East” and “West” as Seen in the Structure of Serbian: Language Contact and Its Consequences. In: Ljudmila Popović and Motoki Nomachi (eds.). *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology*. Hokkaido: Slavic-Eurasian Research Center of Hokkaido University, 29–63.
- Pavlenko 2008 – Aneta Pavlenko. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11(3–4), 275–314.
- Pountain 2006 – Christopher J. Pountain. Syntactic borrowing as a function of register. In: Anna Laura Lepschy and Arturo Tosi (eds.). *Rethinking Languages in Contact. The Case of Italian*. Oxford: Legenda, 99–111.

- Sankoff 2001 – Gillian Sankoff. Linguistic Outcomes of Language Contact. In: Peter Trudgill, J. Chambers, and N. Schilling-Este (eds.). *Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Basil Blackwell, 638–668.
- Schaller 1997 – Helmut W. Schaller. Roman Jakobson’s Conception of “Sprachbund”. *Cahiers de l’ILSL* 9, 199–204.
- Silva-Corvalán 1998 – Carmen Silva-Corvalán. On borrowing as a mechanism of syntactic change. In: Armin Schwegler, Bernard Tranel, and Myriam Uribe-Etxebarria (eds.). *Romance Linguistics: Theoretical Perspectives. Selected papers from the 27th Linguistic Symposium on Romance Languages (LSRL XXVII), Irvine, 20–22 February, 1997*. Amsterdam: John Benjamins.
- Slezkine 1994 – Y. Slezkine. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism. *Slavic Review* 53 (2), 414–452.
- Thomas 2008 – George Thomas. Exploring the parameters of a Central European Sprachbund. *Canadian Slavonic Papers* 50 (1-2), 123–53.
- Thomason & Kaufman. 1988 – S. G. Thomason & T. Kaufman. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. University of California Press.
- Thomason 2000 – Sarah Grey Thomason. Linguistic areas and language history. In: D.G. Gilbers, J. Nerbonne, and J. Schaecken (eds.). *Languages in Contact (Studies in Slavic and General Linguistics vol. 28)*. Amsterdam - Atlanta, GA: Rodopi, 311–327.

LIST OF CONTRIBUTORS

Wayles Browne

Cornell University, USA

Anna Plišková

University of Prešov, Slovakia

Olena Duć-Fajfer

Jagiellonian University, Poland

Kvetoslava Koporová

University of Prešov, Slovakia

Ewa Michna

Jagiellonian University, Poland

Elena Boudovskaia

Georgetown University, USA

Henryk Fontański

University of Silesia in Katowice, Poland

Michal Vašíček

Institute of Slavonic Studies of the Academy of Sciences of
the Czech Republic

Mihály Káprály

Hodinka Antal Ruszin Tudományos Intézet, Hungary